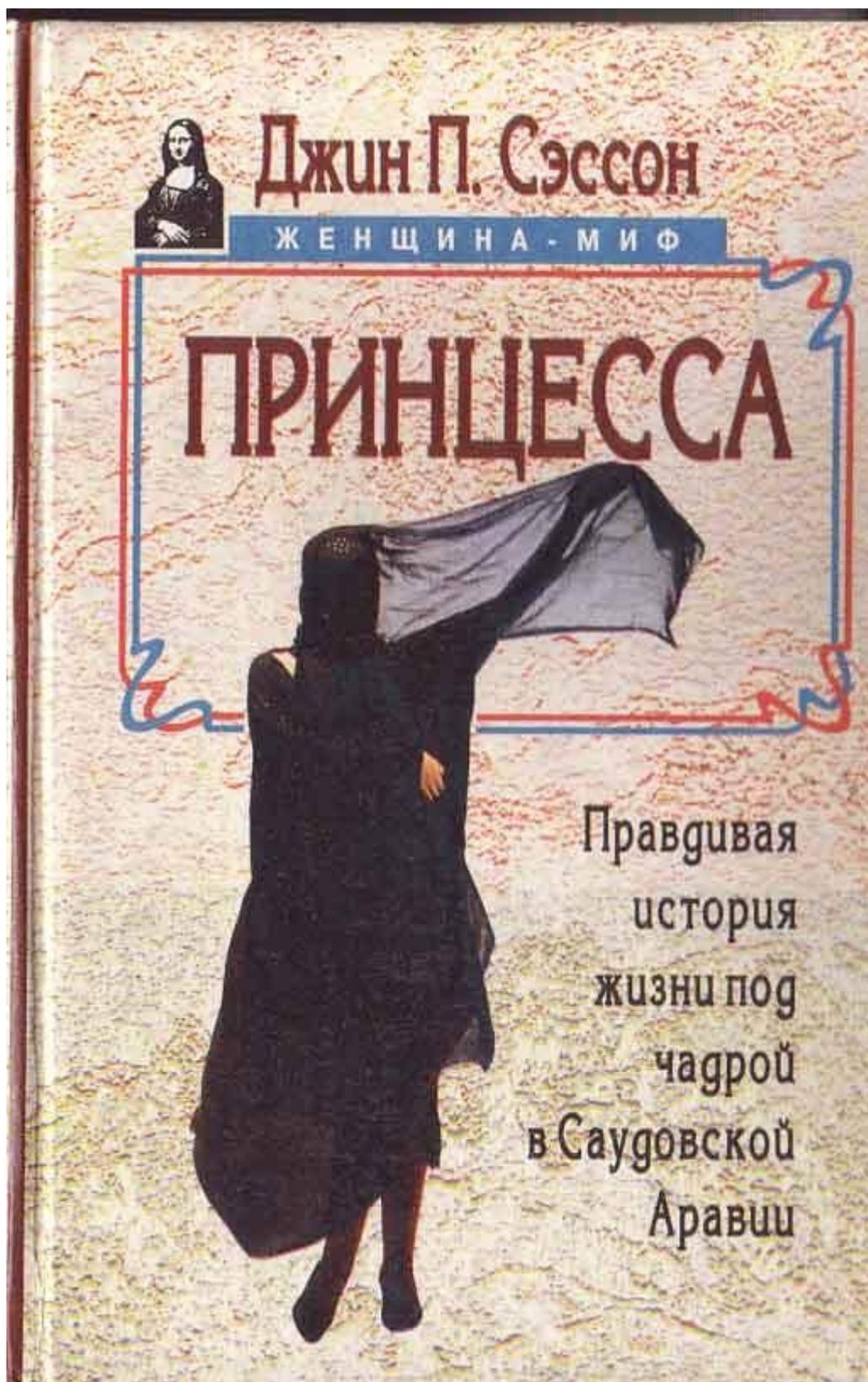

Джин П. Сэссон
Принцесса. Правдивая история жизни под чадрой в
Саудовской Аравии

Аннотация

В документальной книге Джин Сэссон перед читателем проходит увлекательная череда событий из жизни нашей современницы, принцессы королевского дома Саудовской Аравии. Автор приподнимает завесу тайны, которой окутан для европейцев загадочный мир Арабского Востока, где последние достижения цивилизации соседствуют с мрачными традициями средневековья. Книга основана на уникальных документах и личном опыте писательницы, много лет прожившей на Ближнем Востоке.

Джин П. Сэссон Принцесса. Правдивая история жизни под чадрой в Саудовской Аравии

Эта книга посвящается Джеку У. Кричу, который с самого начала поверил в то, что записки Султаны обязательно должны увидеть свет. Одному ему известно, каких душевных мук стоило мне написание этой книги. Именно благодаря его дружеской поддержке в самые тяжелые минуты, моя книга смогла появиться на свет.

Это правдивая история, рассказанная автору принцессой Султаной. За словами автора стоят записки и дневники принцессы. Все человеческие трагедии, описанные в этой книге, имели атр;место в действительности.

Мы позволили себе изменить некоторые имена и детали событий, чтобы обезопасить тех, кого в противном, случае можно было бы легко узнать.

Решившись, наконец приступить к написанию этой книги, я не единожды перечитала записки и дневники, которые доверила мне Султана. Отбирая для книги события из ее богатой впечатлениями, удивительной жизни, я чувствовала себя сыщиком, распутывающим загадочное дело. Мне пришлось внимательно следить за тем, чтобы в книгу не вошли события, описание которых могло бы доставить Султане серьезные неприятности.

Спасибо тебе, Султана, за то, что ты отважилась поделиться с миром историей своей жизни. Этим решительным шагом ты помогла нам лучше понять арабов – народ, остающийся по-прежнему загадочным для западного человека. Я очень надеюсь, что, приоткрыв завесу тайны над жизнью арабской женщины, ты поможешь многим из нас избавиться от негативных стереотипов по отношению к арабскому миру. Взявший в руки эту книгу обязательно поймет, что в арабских странах, как и в любых других, хорошее всегда соседствует с плохим. На Западе всегда слышали только плохое о Саудовской Аравии, однако мы с тобой знаем, что, несмотря на жестокие обычаи твоей страны по отношению к женщине, многие арабки, подобно тебе, уважают и восхищаются теми, кто борется против многовекового угнетения.

У себя дома, в Америке, я хочу выразить признательность Лайзе Доусон, моему редактору в издательстве Уильям Морроу, которая загорелась энтузиазмом, как только прочитала рукопись. Она оказала мне неоценимую помощь при подготовке книги к печати.

Хочу поблагодарить также Питера Миллера – моего литературного агента, проявившего недюжинные деловые качества, которых автор совершенно лишен.

Особую благодарность я испытываю к Пат Л. Крич, доктору философии, которая с самого начала своими блестящими комментариями помогла книге обрести форму.

Мне было бы гораздо сложнее написать историю Султаны, если бы не помощь и поддержка моей семьи. Хочу выразить признательность своим родителям – Нитвуду и Мери Парке. Их любовь придавала мне силы в работа над этой очень непростой и личной книгой.

Краткая справка

Официальное название: Королевство Саудовская Аравия

Площадь: 864,866 квадратных миль

Население: ок. 14 млн. человек

Форма правления: абсолютная монархия

Правящая династия: семья Сауд. Совет Министров назначается королем

Религия: ислам. 95% населения – мусульмане сунниты, 5% – мусульмане шииты, сконцентрированные, в основном, в восточных провинциях

Язык: арабский. Английский широко используется в деловых кругах

Климат: сухой и жаркий. Температура может достигать + 50°C. Зимой от + 10°C до + 25°C

Денежная единица: саудовский риал

Экономика: благосостояние основано на экспорте нефти. Саудовская Аравия – крупнейший экспортер в рамках ОПЕК. Страна добывает одну шестую мировой – добычи нефти.

Краткая справка

ЕГИПЕТ Население 54 млн. ч. Религия – мусульмане сунниты (90%), христиане копты (10%)

ИЗРАИЛЬ Население 4,7 млн. ч. Религия – иудеи (82%), мусульмане сунниты (14%), христиане (2,5%), другие (1,5%)

ИОРДАНИЯ Население 3,2 млн. ч. (только на Восточном берегу реки Иордан). Религия – мусульмане сунниты (93%), христиане (5%), другие (2%)

ИРАК Население 17,9 млн. ч. Религия – мусульмане шииты (54%), мусульмане сунниты (43%), христиане (3%)

КУВЕЙТ Население 2млн. ч. Религия – мусульмане сунниты (63%), мусульмане шииты (28%), христиане (7%), индуисты (2%)

БАХРЕЙН Население 510 тыс. ч. Религия – мусульмане шииты (48%), мусульмане сунниты (38%), христиане (7%), другие (7%)

КАТАР Население 450 тыс. ч. Религия – мусульмане сунниты (93%), христиане (5%), другие (2%)

ОАЭ Население 1,9 млн. ч. Религия – мусульмане сунниты (74%), мусульмане шииты (21%), христиан

ИРАН Население 56,7 млн. ч. Религия – мусульмане шииты (92%), мусульмане сунниты (7%), другие (1%)

ОМАН Население 7,5 млн. ч. Религия – мусульмане ибадиты (69%), мусульмане сунниты (18%), индуисты (13%)

ЙЕМЕН Население 11,8 млн. ч. Религия – мусульмане сунниты (53%), мусульмане шииты (47%)

ЭФИОПИЯ Население 54 млн. ч. Религия – Эфиопская Православная церковь (53%), мусульманство (32%), традиционные верования (15%)

СУДАН Население 28,6 млн. ч. Религия – мусульмане сунниты (74%), традиционные

верования (16%), христианство (8%), другие (2%)

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ ЖИЗНИ ПОД ЧАДРОЙ В САУДОВСКОЙ АРАВИИ.

В стране, где по-прежнему правят короли, я – принцесса. Для вас мое имя – Султана. К сожалению, я не имею возможности открыть свое настоящее имя, так как мне и моей семье будут угрожать большие неприятности, если кто-нибудь узнает во мне автора этих записок.

Да, я – саудовская принцесса, член королевской семьи аль-Саудов, постоянных правителей государства, которое носит название Королевство Саудовская Аравия, но я всего лишь женщина в стране, где правят мужчины, поэтому не могу говорить с вами напрямую. Мне пришлось попросить мою американскую подругу, писательницу Джин Сэссон, выслушать меня и пересказать мою историю.

Как и все люди, я была рождена свободной, но и по сей день чувствую себя закованной в цепи, невидимые, но прочные, которых я не замечала до той поры, пока однажды не поняла, чего стоит быть женщиной в нашей стране, Следствием этого осознания и явился страх, в котором живет каждая саудовская женщина. Страх, от которого нет спасения.

В памяти моей не сохранилось воспоминаний о первых четырех годах моей жизни. Наверное, я смеялась и играла, как и все малыши, пребывая в блаженном неведении относительно того, что отсутствие у меня мужского полового органа низводит мою ценность как человека практически до нуля в глазах тех, кто живет на нашей земле.

Чтобы понять мою жизнь, вам надо узнать о тех, кто был до меня. Нынешние аль-Сауды правят уже в течение шести поколений и ведут свой род от эмиров Неджда – бедуинской территории, которая сейчас стала частью Королевства Саудовская Аравия. Первые аль-Сауды были людьми, чьи самые смелые мечты не шли дальше завоевания близлежащих пустынных земель да набегов на соседние племена.

Беда случилась в 1891 году, когда клан аль-Саудов был наголову разбит в сражении с одним из враждебных племен и ему пришлось спасаться из Неджда бегством. Абдул Азиз, мой дедушка, был тогда совсем еще ребенком. Он едва пережил все тяготы длительного бегства через пустыню. Впоследствии он рассказывал, как едва не сторел от стыда, когда отец приказал ему забраться в большую переметную суму, притороченную к луке седла его верблюда. В сумке на другом боку отцовского верблюда сидела его сестра Нура. Мальчик плакал от своего бессилия и осознания того, что слишком еще мал, чтобы защищать родной дом от врага. Он выглядывал из сумки и с болью следил, как исчезает вдаль родная земля, цветущая и прекрасная. Абдул Азиз говорил потом, что именно тогда он дал себе клятву вернуться на землю предков.

После двух лет кочевой жизни в пустыне семья аль-Саудов нашла убежище в Кувейте. Положение изгнанников было плачевным, и Абдул Азиз не оставлял намерения исполнить свою клятву.

Это был упорный и настойчивый молодой человек, и в сентябре 1901 года в возрасте двадцати пяти лет Абдул Азиз вернулся на землю предков. 16 января 1902 года, после нескольких месяцев ожесточенной борьбы, он со своими приверженцами сумел разгромить Рашидов, своих злейших врагов. В последующие годы, стремясь завоевать доверие племен кочевников, Абдул Азиз взял в жены более трехсот женщин, которые подарили ему пятьдесят сыновей и восемьдесят дочерей. Сыновья его от любимых жен были гордостью Абдула Азиза, и теперь эти люди держат в руках все рычаги власти в нашей стране. Ни одну из своих жен не любил Абдул Азиз так, как Хассу Судаири, и нынешний король Фахд – один из ее сыновей.

Многие сыновья и дочери Абдула Азиза вступили в брак со своими двоюродными сестрами и братьями из таких ветвей нашей семьи, как Аль-Турки, Джилуисы и Аль-Кабиры. Рожденные от этих союзов, принцы сейчас входят в число самых влиятельных аль-Саудов.

Сегодня, в 1991 году, в нашей семье насчитывается около двадцати одной тысячи человек. Среди всех этих людей приблизительно тысяча – принцы и принцессы, являющиеся прямыми потомками нашего великого вождя, короля Абдула Азиза.

Я, Султана, одна из этих потомков.

Мое первое, самое яркое воспоминание о детстве связано с насилием. Когда мне было всего четыре года, я получила пощечину от своей обычно доброй и нежной матери. Это произошло, когда я, подражая отцу, решила помолиться, однако повернулась лицом не в сторону Мекки, а к своему шестилетнему брату Али. Я думала, что он тоже бог. Откуда мне было знать, что это не так? Сейчас, тридцать два года спустя, я помню, как обожгла меня пощечина, а вместе с ней возникло и недоумение: если мой брат не бог, то почему же с ним обращаются, как с богом?

Наша семья, в которой было десять дочерей и всего один сын, жила в постоянном страхе. Это был страх, что случайная смерть вдруг лишит нас единственного ребенка мужского пола, страх, что больше сыновей не будет, страх того, что Аллах проклял наш дом, посылая одних дочерей. Каждая новая беременность моей матери проходила в этом страхе – она молилась о сыне и с ужасом ждала очередной дочери. Она рожала одну дочь за другой, пока нас не стало десять.

Страхи моей матери стали реальностью, когда отец взял еще одну, более молодую жену, надеясь, что она подарит ему долгожданных сыновей. У этой женщины один за другим родились три мертворожденных мальчика, после чего отец развелся с ней. И только четвертая по счету жена оправдала его надежды, родив несколько сыновей. Но старший брат, первенец, всегда был самым дорогим и любимым сыном. Вместе с сестрами я делала вид, что поклоняюсь брату, по в действительности я ненавидела его так, как ненавидит только угнетенный человек.

Когда моя мать вышла замуж за отца, ей исполнилось всего двенадцать лет, ему же было уже двадцать. Это случилось в 1946 году, через год после того, как закончилась вторая мировая война, сильно затормозившая добычу нефти. Нефть – основная жизненная сила сегодняшней Саудовской Аравии, тогда еще не принесла такого благосостояния аль-Саудам, но кое в чем ее важность и ценность уже ощущалась. Руководители великих держав начали оказывать знаки внимания нашему королю. Премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль подарил королю Абдулу Азизу роскошный «роллс-ройс». Ярко-зеленый, с сиденьем, похожим па трон, автомобиль сверкал на солнце, как драгоценный изумруд. Что-то в автомобиле, однако, не понравилось королю, и он передарил его своему любимому брату Абдулле.

Абдулла – дядя и близкий друг моего отца, предложил ему автомобиль для свадебного путешествия в Джидду. Отец принял предложение к огромной радости моей матери, которая в жизни не садилась в автомобиль. В 1946 году, как и во все предшествующие годы, основным средством передвижения на Ближнем Востоке был верблюд. Пройдет еще три десятилетия, прежде чем средний житель Саудовской Аравии сможет позволить себе насладиться комфортом автомобиля.

В течение семи дней и ночей мои родители успешно преодолевали дорогу через пустыню и прибыли в Джидду. К своему вящему сожалению, отец так спешил покинуть Эр-Рияд, что позабыл захватить с собой походный шатер, и присутствие сопровождавших их рабов сделало невозможным для отца с матерью остаться наедине и закрепить союз ночью, проведенной вместе. Пришлось ждать приезда в Джидду.

Утомительная, длинная поездка через пустыню осталась в памяти матери, как самое счастливое событие в ее жизни. До последних своих дней она делила свою жизнь на две части – «до поездки» и «после поездки». Однажды она сказала мне, что это путешествие стало концом ее юности; тогда она была еще слишком молода, чтобы понимать, что ждет ее в жизни. Родители моей матери умерли от лихорадки, оставив ее сиротой в возрасте восьми лет. В двенадцать она вышла замуж за сурового, жестокого человека, и у нее не было другого выбора, как только беспрекословно подчиняться ему.

После недолгого пребывания в Джиддег мои родители вернулись в Эр-Рияд, где жили все

члены патриархальной династии аль-Саудов.

Отец мой был безжалостным человеком, а мать, что вполне закономерно, стала грустной, меланхоличной женщиной. Результатом их трагичного союза явились шестнадцать детей, одиннадцать из которых выжили и стали взрослыми. Сегодня десять дочерей вышли замуж и живут жизнью, которую полностью контролируют их мужья. Единственный сын и наследник Али – Саудовской принц и бизнесмен, имеющий четырех жен и множество наложниц, живет жизнью, полной удовольствий.

Я много читала и знаю, что наследники старых культур с улыбкой вспоминают ограниченность своих предшественников. С развитием цивилизации приходит понимание необходимости свободы личности. Отношения в обществе развиваются и меняются. Поразительно, что на земле моих предков человеческие отношения по-прежнему такие же, как и тысячу лет назад. И хотя в нашей стране построены суперсовременные небоскребы, а последние достижения медицины доступны каждому, вопрос о положении женщины в Саудовской Аравии вызывает лишь недоуменное пожатие плечами.

Однако неправильно было бы обвинять мусульманскую религию в бесправном положении женщин в нашей стране. Хотя Коран и отводит женщине второстепенную роль, что, впрочем, мы можем найти и в Библии, пророк Магомет учил только добру по отношению к моему полу. Те, кто пришли после Магомета, предпочли следовать традициям и обычаям средневековья, вместо того, чтобы прислушаться к словам пророка. Магомет сурово осуждал детоубийство, которое обычно практиковалось в семьях, желающих избавиться от нежелательных дочерей. Вслушайтесь в слова пророка, озабоченного судьбой женщины в мусульманском мире:

«А буде есть у кого дочь, и не зароет он ее живой в землю, и не будет бранить ее, и не будет предпочитать ей сыновей своих, того Аллах возьмет к себе в рай!»

И все же люди в нашей стране готовы на все, только бы ребенок, родившийся у них, был мужского пола. Ценность ребенка, рождающегося в Саудовской Аравии, по-прежнему определяется наличием или отсутствием у него мужского полового органа.

Мужчины в моей стране верят, что они высшие существа, и ведут себя соответственно этому. В Саудовской Аравии мужчины контролируют и подавляют сексуальность своих женщин, в противном случае их ожидает всеобщее презрение. Убеждение в том, что женщина не имеет права на сексуальные желания, мужчины тщательно охраняют ее. Этот абсолютный контроль не имеет ничего общего с любовью, он является лишь результатом боязни потерять свое мужское достоинство.

Авторитет саудовского мужчины безграничен. Он казнит и милует, и его жена и дети будут жить, если только он этого пожелает. У себя дома он представляет высшую власть. Ситуация осложняется и тем, что мальчиков в стране рождается все меньше. С самого детства мальчикам внушают мысль, что женщина не имеет никакой ценности и служит лишь для удобства и удовольствия. Ребенок видит пренебрежение, с которым относится отец к его матери и сестрам, и начинает, в свою очередь, относиться презрительно ко всем представителям противоположного пола, что в дальнейшем делает невозможным и дружеские отношения с женщинами. Приученный с детства к роли хозяина, мальчик, когда настает для него время зрелости, считает свою подругу не более чем частью имущества.

Вот как случилось, что женщин в моей стране игнорируют отцы, третируют братья и оскорбляют мужья. Этот круг трудно разорвать, так как мужчины, относясь таким образом к женщинам, не могут быть счастливы в браке. Они знают только один способ получить удовлетворение, беря себе все новых и новых жен, за которыми следуют новые и новые наложницы. Мало кто из этих мужчин способен понять, что счастье можно обрести в собственном доме, с одной единственной, но равной себе женщиной. Обращаясь с женщинами, как с рабынями, как со своей собственностью, мужчины делают себя такими же несчастными, как и их жены. Любовь и товарищество становятся невозможными для обоих полов.

История наших женщин скрыта под паранджой тайны. Рождение или смерть женщины нигде официально не фиксируются. Все это достается только на долю детей мужского пола.

Обычными чувствами при рождении дочери являются сожаление и стыд. Хотя саудовские женщины все чаще рожают в больницах, большая часть родов происходит по-прежнему дома. Вне городов не ведется никакого учета рождаемости.

Я часто задавала себе вопрос, не значит ли это, что мы, женщины Саудовской Аравии, вообще не существуем, если наш приход на эту землю и уход в небытие никогда и нигде не отмечается? Раз никто не знает, что я существую, может, меня и в самом деле нет?

Именно этот факт, а не те несправедливости, которые я испытывала в течение своей жизни, послужил основной причиной того, что я решила пойти на очевидный риск и опубликовать мою историю. Пусть женщины в моей стране прячут лица под паранджой, пусть они находятся под полным контролем патриархального общества, в котором мы живем, но я верю: это не может продолжаться вечно. Старые порядки и обычаи должны быть уничтожены. Мы всей душой и сердцем жаждем личной свободы и равноправия!

Обращаясь к своим ранним воспоминаниям, подкрепленным дневниками, которые я начала вести, когда мне было всего одиннадцать лет, я хочу попытаться рассказать вам о жизни принцессы дома аль-Саудов. Я также хочу попытаться приоткрыть завесу тайны над жизнью саудовских женщин, миллионов из тех, кто не принадлежит к королевской семье.

Мое желание рассказать правду станет понятным, если вы представите себе, что, хоть я и принцесса, но остаюсь одной из тех женщин, кого, как я уже говорила, игнорируют отцы, третируют братья и оскорбляют мужья. Я не одинока в своем стремлении. Есть много женщин, которые, подобно мне, хотели бы поведать миру свои истории, но, к сожалению, лишены этой возможности.

Правде редко удается проникнуть за пределы королевского дворца, так как наше общество не любит раскрывать своих тайн, однако все, что я говорю здесь и что записала с моих слов автор этой книги, – правда, и мир должен узнать ее.

ДЕТСТВО

Али сбил меня с ног, но я не выпустила из рук спелого красного яблока, которым только что меня угостил повар-пакистанец. Лицо Али искажилось от ярости, когда он увидел, как я откусываю от яблока большие куски и, почти не жуя, жадно глотаю. Отказав брату в утверждении его мужского превосходства, я совершила тяжелый проступок и прекрасно знала, что последствия этого мне придется ощутить на себе в самом ближайшем будущем. Али быстро пнул меня раза два ногой и бегом помчался к египтянину Омару, шоферу нашего отца. Мы с сестрами боялись Омара почти так же, как отца или Али. Омар с братом скрылись в дверях виллы, оставив меня в одиночестве готовиться к тому, чтобы встретить общий гнев мужчин нашего дома.

Не прошло и минуты, как Омар, а за ним и Али вихрем вынеслись во двор. Я знала, что мне с ними не совладать, так как, несмотря на юный возраст, уже имела возможность убедиться в своем бессилии перед ними. Мне давно уже дали понять, что любое желание Али должно быть исполнено, и все же я проглотила последний кусок яблока и победно посмотрела па брата.

Не обращая внимания па отчаянное сопротивление. Омар сгреб меня в охапку и отнес в кабинет отца. Отец с неохотой оторвался от большой черной книги, лежащей перед ним на столе, и с раздражением взглянул на одну из своих нежеланных дочерей, затем протянул руки к своему бесценному сокровищу – старшему сыну.

Мне было приказано молчать, чтобы ничто не мешало отцу выслушать жалобы Али. Охваченная желанием заслужить любовь и одобрение отца, я почувствовала прилив смелости. Невзирая на приказание, я выпалила всю правду о случившемся. Отец с братом лишились дара речи от такой моей наглости – в нашей стране люди не привыкли, чтобы женщины высказывали свое мнение, их удел – подчинение. Когда-то гордые бедуинские женщины забыли о том огне, что в былые времена горел в их сердцах; на их место пришли покорные существа, не знающие, что такое сопротивление.

Услышав звук собственного голоса, я почувствовала, как желудок мой свело от страха. У меня подкосились ноги, когда я увидела, как отец встает из своего кресла и заносит руку для удара. Впрочем, самого удара я не почувствовала, так как к тому моменту потеряла сознание.

В качестве наказания Али отдали все мои игрушки, а чтобы я лучше поняла, кто хозяин в доме, отец присудил Али исключительное право накладывать пищу в мою тарелку. Брат в полной мере насладился этой ролью, потчывая меня крошечными порциями и выбирая самые плохие кусочки мяса. Каждый вечер мне приходилось отправляться спать голодной, так как Али поставил охранника у моей двери, чтобы я не могла попросить еды у матери или сестер. Особенно нравилось ему приходиться ко мне в комнату посреди ночи и дразнить дымящимися тарелками, на которых лежали жареные цыплята с рисом.

В конце концов Али наскучила эта пытка, но с тех самых пор, хотя брату было всего девять лет, он стал моим заклятым врагом.

Мне тогда было всего семь, но именно после случая с яблоком я стала понимать, что я всего лишь женщина в мире мужчин, не обремененных здравым смыслом. Я видела сломленный дух своих сестер и матери, но все же не теряла оптимизма и никогда не сомневалась, что наступит день, когда справедливость восторжествует. Из-за этого своего убеждения я всегда была основным возмутителем спокойствия в нашей семье.

Впрочем, в детстве были не только черные дни. Самые счастливые часы я проводила дома, в обществе своей двоюродной бабушки – тетки моей матери. Она была вдовой, уже слишком старой, чтобы представлять интерес для мужчин. Теперь она наслаждалась жизнью и развлекала меня историями из своей молодости, когда племена бедуинов всюду воевали друг с другом. Она была свидетельницей образования нашего государства и завораживала нас рассказами о доблести короля Абдула Азиза и его соратников. Сидя со скрещенными ногами на бесценных восточных коврах, мы с сестрами жевали финики и миндальные пирожные и слушали о великих победах наших соплеменников. Тетушка внушила мне чувство гордости за мою семью, когда рассказывала о храбрости аль-Саудов.

В 1891 году семья моей матери сопровождала аль-Саудов в их бегстве из Эр-Рияда после поражения в битве с кланом Рашидов. Десять лет спустя члены семьи матери отправились вместе с Абдулом Азизом, чтобы вернуть землю предков. Брат моей тетки сражался бок о бок с Абдулом Азизом, что в конечном итоге привело к тому, что семьи породнились. Таким образом, была подготовлена сцена для появления на ней меня – принцессы дома аль-Саудов.

В годы моей юности семья наша была хотя и не слишком богатой, но находилась в числе привилегированных. Доходы от добычи нефти давали нам возможность хорошо питаться и пользоваться услугами квалифицированных докторов, что в те времена было величайшим благом.

Мы жили на большой вилле, сложенной из массивных каменных блоков, покрашенных белой краской. Каждый год песчаные бури превращали белые стены в кремовые, по отцовские рабы снова и снова делали их снежно белыми. Тридцатифутовые каменные стены, окружавшие наши земли, поддерживались в таком же состоянии. Дом, который я в детстве считала шикарнейшей усадьбой, по нынешним саудовским меркам – не более, чем скромное жилище.

В детстве родительский дом казался мне слишком большим, чтобы чувствовать себя в нем тепло и уютно: В длинных, широких коридорах было темно и страшно, а комнаты самых разнообразных форм и размеров позволяли спрятать любые семейные тайны. Отец с Али жили в мужской половине, которая находилась на втором этаже. Детское любопытство не давало мне покоя, и я иногда тайком пробиралась туда. Тяжелые красные бархатные портьеры закрывали верхние комнаты от палящего солнца. Проветривали там редко, и в воздухе стоял тяжелый запах виски и турецкого табака. Кинув быстрый взгляд на святая святых, я опрометью бросалась вниз, на женскую половину, занимавшую целое крыло виллы. Комната, которую я делила со своей сестрой Сарой, смотрела окнами на женский садик. Комната матери, окрашенная в яркий желтый цвет, была единственным светлым пятном во всем доме.

Слуги и рабы жили в маленьких, душных комнатках в отдельном домике у дальней

стены сада. Хотя у нас на вилле повсюду стояли кондиционеры, жилище слуг было плохо приспособлено для жаркого климата нашей страны. Я помню, что иностранные служанки и шоферы сетовали на то, как жарко им приходится по ночам. Единственным их спасением от жары были маленькие электрические вентиляторы. Отец же ворчал, что если поставить слугам кондиционеры, то они будут спать целыми днями.

Из всех слуг только Омар спал в маленькой комнате на вилле. У входа в дом висел длинный золотой шнурок, соединенный с колокольчиком в комнате Омара. Когда Омар был нужен, его вызывали звонком. От звука колокольчика, который мог раздаться в любое время дня и ночи, Омар бегом мчался к дверям кабинета отца. Должна признать, что много раз, когда Омар отдыхал днем, а лучше среди ночи, я дергала за этот шнурок, а затем мчалась в свою комнату и притворялась спящей – этакое невинное дитя. Однажды за этим занятием меня застала мать. На ее лице появилось выражение разочарования недостойным поведением дочери. Она пребольно оттаскала меня за уши и пригрозила, что пожалуется отцу, однако так и не сдержала своего обещания.

Еще со времен моего деда нам принадлежала семья рабов-суданцев. Число наших рабов увеличивалось каждый раз, когда отец возвращался из своего ежегодного паломничества в Мекку – хаджжа, где он всегда покупал новых детей-рабов. Паломники из Судана и Нигерии, совершавшие хаджж, часто продавали своих детей богатым саудовцам, чтобы выручить денег па обратную дорогу. Попав однажды к отцу, рабы больше не перепродавались, как это было раньше с рабами в Соединенных Штатах. Они становились как бы частью нашей семьи и считали все дела отца своими. Дети рабов всегда играли вместе с нами, и никому не отдавалось предпочтение. В 1962 году, когда правительство освободило рабов, семья суданцев всерьез рыдала и умоляла моего отца, чтобы он позволил им остаться у него. Они и по сей день живут там.

Отец прекрасно помнил нашего великого короля Абдула Азиза. Он говорил о нем так, как будто виделся с ним каждый день. Когда мне было восемь лет, я испытала сильное потрясение, узнав, что Абдул Азиз умер в 1953 году, за три года до моего рождения!

После смерти старого короля благополучие нашего королевства оказалось под угрозой, так как наследник Абдула Азиза, его старший сын Сауд, оказался начисто лишен качеств, необходимых лидеру государства. Со свойственной ему экстравагантностью он растрачивал государственные средства, вырученные за нефть, на строительство шикарных дворцов, покупку дорогих автомобилей и драгоценностей для своих жен. В результате этого бездумного расточительства страна оказалась на грани политического и экономического краха.

Вспоминаю случай, произошедший в 1963 году, когда мужчины королевской семьи собрались у нас в доме. В то время я была чрезвычайно любопытной семилетней девочкой. Шофер отца, Омар, с важным видом вышел в сад и сказал, что отец велит всем женщинам подняться наверх. Он махал на нас руками, словно изгоняя злых духов и, буквально, силой загнал всех на лестницу, а затем в маленькую комнату. Моя старшая сестра Сара умоляла мать разрешить ей спрятаться на балконе, чтобы хоть одним глазком взглянуть на тех, кто стоит у руля нашего государства. Хотя мы время от времени видели наших знатных родственников на разных семейных торжествах, но никогда нам не приходилось быть свидетелями событий, столь важных для всей нашей страны. Мы сгорали от любопытства, ведь каждая женщина с момента наступления у нее первых месячных не имеет больше возможности общаться с кем бы то ни было, кроме отца и братьев.

Жизнь наша была такой замкнутой и скучной, что даже мать наша жалела нас. В тот день и она не выдержала и вместе с нами из-за перил балкона подглядывала за тем, что происходило внизу, в большой гостиной, где собрались мужчины. Я, как самая младшая, держалась за материну юбку, а мать прижимала палец к моим губам. Если бы нас обнаружили, реакцию отца страшно было бы даже представить.

Мы с сестрами с восторгом смотрели на грандиозный парад братьев, сыновей, внуков и племянников покойного короля. Солидные мужчины в свободных белых одеждах собирались

молча, с серьезным, даже торжественным видом. Осунувшееся лицо кронпринца Фейсала привлекло наше внимание. Как ни была я мала, все же я заметила, как он расстроен и озабочен. К 1963 году все жители Саудовской Аравии понимали, что принц Фейсал фактически управлял всей страной от имени некомпетентного и недалекого короля. Люди тихо роптали, считая, что король Сауд не более, чем символ монархии. Это было несправедливо по отношению к стране и принцу Фейсалу и не могло продолжаться бесконечно.

Принц Фейсал встал, повернувшись лицом к остальным. Обычно тихий голос принца прозвучал неожиданно громко, когда он попросил слова, чтобы высказаться о проблемах, во весь рост вставших перед семьей и государством. Он говорил о том, что трон, с таким трудом возвращенный семье, под угрозой. Он сказал, что простой народ устал от вызывающего поведения королевской семьи, склоняясь к тому, что клан аль-Саудов не оправдывает доверия и надо просить Аллаха, чтобы тот послал нового лидера.

Принц Фейсал сурово нахмурил брови, глядя на молодых принцев, когда обвинял их в том, что, забыв традиции бедуинов, они подвергли опасности трон. Он говорил, что сердце его наполняется печалью, когда он видит, что молодые члены королевской семьи не стремятся работать, предпочитая жить на доходы от продажи нефти. Он сделал длинную паузу, ожидая, что скажут его родственники и братья, а когда ответа не последовало, то заявил, что если бы он, Фейсал, стоял у рычагов контроля над нефтью, то поток денег, получаемых принцами, был бы перекрыт, и им пришлось бы искать себе занятие, чтобы обеспечить удовлетворение своих потребностей. Он кивнул своему брату Мохаммеду и со вздохом сел. Из своего укрытия на балконе я видела, как некоторые из моих молодых кузенов нервно заерзали. Хотя самый большой месячный доход принцев составлял не более десяти тысяч долларов, члены клана аль-Саудов изрядно обогатились за счет своих нефтяных скважин. Саудовская Аравия – большая страна, и большая часть собственности в ней принадлежит моей семье. Добавлю, что ни один контракт на строительство в нашей стране не заключается без того, чтобы часть прибыли не шла членам семьи аль-Саудов.

Принц Мохаммед, третий по старшинству из братьев, начал свое выступление, и из всего сказанного им мы смогли понять, что король Сауд сейчас настаивает на возвращении абсолютной власти, которой он был лишен в 1958 году. По слухам, он сейчас находился где-то вне города, настраивая народ против своего брата Фейсала. Это было испытание для семьи аль-Саудов, которая была всегда в глазах народа неподверженной междоусобным распрям.

Я вспомнила, как отец рассказывал о том, почему Мохаммеду было отказано в наследовании трона. Старый король предупреждал, что если Мохаммеду дать власть, то слишком много народу погибнет, так как всем хорошо известен его бешеный нрав.

Мое внимание снова сосредоточилось на том, что происходило на собрании. Принц Мохаммед сказал, что в опасности находится сам институт монархии, и предложил рассмотреть возможность насильственного отстранения от власти короля с тем, чтобы посадить на трон принца Фейсала. Фейсал так громко охнул, что Мохаммед удивленно умолк. Фейсал заговорил тихо, со слезами на глазах. Он рассказал, что когда любимый отец его лежал на смертном одре, то взял с него клятву никогда не пытаться отнять власть у брата. Поэтому, по словам принца, ни при каких обстоятельствах он не намерен нарушать слово, хотя бы брат и полностью разорил страну. Если целью встречи является рассмотрение возможности свержения короля Сауда, то он, Фейсал, немедленно покидает этот дом.

Собравшиеся начали оживленно обсуждать создавшееся положение и наконец пришли к общему решению. Они постановили, что Мохаммед, старший после Фейсала, должен попытаться договориться с королем, убедить его добровольно передать трон брату. Мы видели с балкона, как мужчины вертят в руках маленькие чашечки с кофе. Все они высказывались за то, что следует помнить желание отца, который хотел, чтобы все сыновья Абдула Азиза поддерживали друг друга против остального мира. Затем началась традиционная церемония прощания, и члены королевской семьи покинули зал заседаний так же молча, как и вошли туда. Тогда я еще не вполне понимала, что эта встреча ознаменовала собой конец правления моего

дяди, короля Сауда. События шли своим чередом, и вскоре все наши соплеменники должны были с грустью примириться с тем, что сыновьям Абдула Азиза пришлось изгнать одного из своих братьев прочь. В конце концов дядя Сауд настолько отчаялся, что послал своему брату, принцу Фейсалу, угрожающее письмо. Это окончательно решило его судьбу, так как считалось немыслимым, чтобы один брат посмел оскорбить другого. По неписанному закону бедуинов, брат не может восстать против брата.

Тяжелый кризис разразился в нашей семье, а значит, и во всей стране. Позже мы узнали, что революция, на которую так рассчитывал дядя Сауд, была предотвращена умелыми действиями кронпринца Фейсала. Он ушел в тень и позволил своим братьям совместно с религиозными лидерами выбрать наиболее приемлемый курс развития для нашей молодой страны.

Поступив таким образом, он успокоил многих недовольных и испуганных грядущими переменами.

Вскоре мы узнали об отречении короля Сауда от престола. Об этом нам сообщила его жена, так как отец наш в тот момент отсутствовал. Одна из наших любимых теток, которая была замужем за королем Саудом, примчалась к нам, вся дрожа от возбуждения. Я была поражена, когда она откинула с лица чадру, не обращая внимания на слуг-мужчин, стоявших неподалеку. Она приехала из дворца Насрийя, который был построен королем Саудом в пустыне, как еще одно напоминание о том, что за деньги можно иметь все. Теперь я думаю, что дворец был одним из показателей того, что не все ладно в нашем королевстве.

Мы с сестрами сгрудились около матери, а тетка совершенно утратила над собой контроль и громко выкрикивала обвинения в адрес нашей семьи. Особенно доставалось кронпринцу Фейсалу, которого она обвиняла в том, что именно он виноват в безвыходном положении, в котором оказался ее муж. Она заявила нам, что братья короля устроили заговор с целью отнять трон у того, кого отец их избрал своим преемником. Она кричала, что совет духовенства – улема, прибыл сегодня утром в полном составе во дворец и заявил ее мужу, что тот должен отречься от престола.

Я была потрясена этой сценой – настолько непривычно это выглядело в нашей семье. Однако открытое противостояние не в нашей природе – мы вежливо и спокойно выслушиваем собеседника, во всем соглашаясь с ним, а затем пытаемся разрешить все проблемы втайне. Поэтому когда наша тетушка, красивая женщина с роскошными длинными черными волосами, начала на наших глазах рвать их, а потом сорвала с себя жемчужное ожерелье и швырнула его наземь, я поняла, что дело нешуточное. В конце концов матери с трудом удалось ее успокоить и заставить войти в дом, чтобы выпить чашку чая. Мы с сестрами собрались у закрытых дверей, пытаясь расслышать, о чем они там шепчутся. Я отшвырнула ногой большой клочок волос, валявшийся на земле, и принялась собирать разбросанные жемчужины. Я набрала их полные пригоршни и положила в вазу, стоявшую на полу в зале.

Наконец появилась мать, ведя за руку плачущую тетку. Она проводила ее к ожидавшему черному «мерседесу». Мы все стояли и смотрели, как машина тронулась с места, увозя безутешную королевскую жену. Больше мы никогда ее не видели, так как она отправилась с дядей Саудом в изгнание. Мать немедленно собрала нас и сказала, что мы не должны плохо думать о дяде Фейсале. Она объяснила нам, что тетушка так резко отзывалась о нем потому, что любит своего мужа, доброго и щедрого человека, который, к сожалению, не способен правильно управлять страной. Она высказала уверенность в том, что дядя Фейсал приведет нашу страну к миру и процветанию, а для этого ему пришлось сместить человека, не оправдавшего доверия семьи. Хотя, по западным меркам, моя мать была необразованной женщиной, в житейской мудрости ей нельзя было отказать.

СЕМЬЯ

Иффат, жена короля Фейсала, которая была дружна с моей матерью, убедила ее, что

нужно дать дочерям образование, несмотря на сопротивление мужа. В течение многих лет отец отказывался даже обсуждать эту возможность. Пятеро моих старших сестер не получили никакого образования. Все, что они знали – это Коран, выученный ими наизусть с помощью частного учителя, приходившего к нам в дом. Шесть раз в неделю по два часа в день они повторяли слова Корана за учительницей-египтянкой Фатимой, суровой женщиной лет сорока пяти. Однажды она попросила у моих родителей разрешения обучить сестер основам истории и математики, но отец ответил решительным отказом, и только слова пророка Магомета продолжали звучать каждый вечер в нашем доме.

Однако проходили годы, и отец не мог не видеть, что во многих семьях королевского дома стали позволять своим дочерям учиться. Когда доходы от добычи нефти стали расти с каждым годом, большинству саудовских женщин, за исключением крестьянок и женщин из полудиких бедуинских племен, не надо больше было работать, и безделье и скука стали почти национальным бедствием. Самые богатые люди в Саудовской Аравии – это члены королевской семьи, однако благосостояние народа выросло настолько, что не осталось ни одной семьи коренных саудовцев, которая не могла бы позволить себе иметь слуг.

Любым детям необходимо иметь какое-то занятие, и мы с сестрами изнывали от безделья, сидя по своим комнатам или гуляя в женском садике. Делать было нечего и некуда было пойти, потому что во времена моего детства в городе не было даже зоопарка.

Мать настолько устала от общества пятерых живых, непоседливых девочек, что в конце концов решила, что школа займет нас и даст ей возможность перевести дух. Они с теткой Иффат вынудили отца уступить, что тот сделал с большой неохотой. Вот как случилось, что пятеро младших дочерей в семье, включая Сару и меня, вступили в новую эру, связанную с образованием женщины в Саудовской Аравии.

Наш первый школьный класс был расположен в доме одного из наших родственников. Семь семей клана аль-Саудов объединились и наняли учительствовать молодую женщину из Абу-Даби, арабского города в соседних Эмиратах. В классе нас было немного, всего шестнадцать девочек, а обучали нас по популярной тогда групповой методике, называемой Кутаб. Каждый день, от субботы до четверга, мы собирались ровно в девять утра в доме нашего кузена, а заканчивали свои занятия в два часа пополудни.

Именно тогда Сара, моя любимая сестра, обнаружила свои блестящие способности. Она соображала гораздо быстрее девочек, которые были вдвое старше ее. Учительница даже спросила Сару, не училась ли она уже где-нибудь, и только пораженно покачала головой, узнав, что Сара никогда ничему не училась.

Нашей учительнице повезло в жизни, так как отец ее оказался человеком передовых взглядов и, не пожалев средств, отправил ее учиться в Англию. У этой девушки от рождения была изуродована ступня и, не найдя никого, кто захотел бы взять ее в жены, она выбрала для себя путь свободы и независимости. Она с улыбкой говорила нам, что изуродованную ногу ей послал Аллах с тем, чтобы она смогла избежать событий, пагубно влияющих на многие женские души. Хотя девушка и жила в доме нашего кузена (в Саудовской Аравии по-прежнему немисливо, чтобы женщина жила одна), но она получала заработную плату, и сама распоряжалась своей жизнью.

Мне она нравилась за то, что была доброй и терпеливой женщиной и никогда не ругала меня за невыполненное домашнее задание. В отличие от Сары, я оказалась не слишком прилежной ученицей и была счастлива, что учительница не выказывает разочарования от моих промахов. Меня гораздо больше интересовало рисование, чем математика, а молитвам я предпочитала пение. Сара иногда щипала меня, когда я невнимательно слушала учительницу, но мои громкие крики и возмущение вели к тому, что урок оказывался под угрозой, и она оставила свои попытки. Воистину, учительница оправдывала имя, данное ей двадцать семь лет назад при рождении. Ее звали Сакина, что по-арабски означает «спокойствие».

Мисс Сакина говорила нашей матери, что у нее еще в жизни не было такой блестящей ученицы, как Сара. Когда же я подскочила с места и крикнула: «А как насчет меня?»,

учительница помедлила, прежде чем ответить. Затем она улыбнулась и сказала:

– Что касается. Султаны, то я уверена, она станет знаменитой!

Тем вечером за ужином мать с гордостью передала отцу слова учительницы о Саре. Видимо польщенный, тот улыбнулся дочери. Мать засияла от удовольствия, но отец быстро остудил ее пыл, ехидно спросив, как это случилось, что дочь, вышедшая из ее чрева, оказалась способной к восприятию знаний. Не относил он на счет матери и Али, который учился с блеском и был первым в своем классе в городской средней школе. Безусловно, он считал интеллектуальные достижения своих детей исключительно своей заслугой.

Даже и по сей день я вздрагиваю от жалости, когда вижу, как мои старшие сестры пытаются совершить какое-либо простейшее арифметическое действие, вроде сложения или умножения, и испытываю чувство глубокой благодарности к своей тетушке Иффат, благодаря которой изменилась жизнь стольких саудовских женщин.

Когда летом 1932 года – дядя Фейсал пут шествовал по Турции, то влюбился там в незаурядную молодую женщину по имени Иффат аль Тунайяп. Услышав, что молодой саудовский принц приехал в Константинополь, юная Иффат вместе с матерью обратилась к нему с вопросом о собственности, принадлежавшей ее покойному отцу. (Тунайяпы по происхождению саудовцы, но, когда паша страна была в составе Османской империи, переехали в Турцию). Пораженный красотой Иффат, Фейсал пригласил их с матерью в Саудовскую Аравию, чтобы на месте разобраться в интересующем их вопросе. В результате он не только помог Иффат вернуть собственность отца, но и женился на ней. Позже он говорил, что это было самое мудрое решение в его жизни. Мать рассказывала мне, что Фейсал, как одержимый, менял женщин, пока не встретил Иффат.

Во время правления дяди Фейсала Иффат все свои силы положила на то, чтобы саудовские женщины обрели возможность получить образование. Если бы не она, наши женщины и по сей день не знали бы, что такое классная комната. Я восхищалась ее энергией и решительностью и заявляла всем, что хочу быть похожей па теть Иффат. У нее даже хватило смелости нанять няню-англичанку для своих детей, хотя Фейсал и считал это слишком рискованным поступком.

Как ни грустно, говорить об этом, но многие из наших кузенов не выдержали испытания несметным богатством, свалившимся на их головы. Моя мать часто говорила, что бедуины смогли выжить в суровых условиях пустыни, но золотой дождь способны пережить немногие. Обычаи отцов, искренне веривших в то, что скромность украшает человека, оказались не по нраву молодому поколению аль-Саудов. Мне кажется, что большинство людей нашего поколения разложилось именно из-за того, что жизнь их проходит без каких-либо проблем, а большие деньги лишили их амбиций и желаний, ради которых стоило бы трудиться. То, что монархия Саудовской Аравии настолько ослабла за последние годы, в немалой степени явилось следствием страсти молодых отпрысков королевского дома к экстравагантности и расточительности. Я часто со страхом думаю, что лучшие времена нашей истории позади, и мы, подобно многим до нас, вступаем в период упадка.

Большая часть моего детства прошла в поездках с родителями по разным городам нашей страны. Кровь кочевников-бедуинов дает о себе знать в каждом саудовце, и как только мы возвращались из одной поездки, то сразу же начинали строить планы на следующую. Хотя у пас теперь и нет овец, которых надо пасти, ноги сами несут нас туда, где можно увидеть зеленый луг.

В Эр-Рияде расположена штаб-квартира нашего правительства, однако мало кто из аль-Саудов любит город; все они, не переставая, ворчат о том, как в городе тесно и тоскливо. Они говорят, что здесь слишком жарко и сухо, что религиозные лидеры воспринимают себя слишком уж всерьез, а ночи в городе слишком холодны. Большинство семей всегда предпочитали жить в Джидде или Эт-Таифе. Джидда, с ее древним портом, была более открытой для всего нового и современного, а морской воздух позволял дышать полной грудью.

Обычно мы жили в Джидде с декабря по февраль, затем возвращались в Эр-Рияд, где

проводили март, апрель и май. Жаркие летние месяцы наша семья проводила в гористой местности Эт-Таифа, после чего мы снова возвращались в Эр-Рияд на октябрь и ноябрь. Ну и конечно же, рамадан, длящийся в течение месяца, и две недели хаджжа мы проводили в нашем священном городе, Мекке.

В 1962 году, когда мне исполнилось двенадцать лет, отец был уже очень богатым человеком, однако, несмотря на все свое богатство, он оставался наименее экстравагантным из всех аль-Саудов. И все же он построил для каждой из своих четырех жен по дворцу: в Эр-Рияде, Джидде, Эт-Таифе и Испании. Все четыре дворца были совершенно одинаковыми, вплоть до мебели и расцветки ковров. Отец ненавидел перемены и хотел, чтобы в любом из четырех дворцов можно было чувствовать себя так, как будто и не выходил из дому. Я помню, как он говорил матери, чтобы та покупала любых предметов по четыре штуки, хотя бы это даже детское белье. Отцу не хотелось, чтобы семья утруждала себя упаковыванием чемоданов перед каждой из многочисленных поездок. Мне всегда казалось сверхъестественным, что, когда я входила в свою комнату в Джидде или Эт-Таифе, она оказывалась точно такой же, как и моя комната в Эр-Рияде, с той же одеждой, висящей в тех же шкафах. Книги и игрушки покупались мне тоже в четырех экземплярах, для каждого из четырех дворцов.

Мать моя редко возражала отцу, но и она не выдержала, когда отец купил четыре одинаковых красных «порше» для моего брата Али, которому в ту пору было всего четырнадцать. Она сказала отцу, что стыдно так бездумно растрачивать деньги, когда в мире столько людей голодает. Однако, если речь шла об Али, отец не считался с расходами.

Когда Али исполнилось всего девять лет, он получил в подарок свои первые наручные часы – золотой «ролекс». Я была ужасно раздосадована этим, так как долго упрашивала отца, чтобы он купил мне на золотом рынке толстый браслет, который очень мне понравился, однако на все просьбы я получила категорический отказ. Когда шла вторая неделя счастливого обладания золотыми часами, я заметила, что Али забыл их на столике рядом с бассейном. Вне себя от ревности, я взяла камень и разбила часы вдребезги.

Это был как раз тот случай, когда мой проступок не был раскрыт, и я с огромным наслаждением наблюдала, как отец бранит Али за то, что тот небрежно относится к принадлежащим ему вещам. Но конечно же, через пару недель Али получил еще одни часы, и моя обида разгорелась с новой силой.

Мать часто говорила со мной о моей ненависти к старшему брату. Мудрая женщина, она прекрасно видела, какой огонь горит в моих глазах, когда я покорно склоняла голову, не в силах противостоять. Меня, как младшего ребенка в семье, мать и сестры очень любили и всячески со мною нянчились. Оглядываясь в прошлое, мне трудно отрицать, что я была более чем разбалованным ребенком. Я была довольно маленькой для своего возраста, в отличие от сестер, которые рано развились и были намного крупнее меня, поэтому в детстве ко мне все относились, как к маленькой, несмышленной девочке. Все сестры мои были очень тихими и вели себя степенно, как и подобает саудовским принцессам, я же росла шумной и неуправляемой, нисколько не заботясь о своем королевском происхождении. Как же я, должно быть, испытывала их терпение! Однако и сейчас любая из моих сестер бросится на мою защиту при первых признаках опасности.

Но так ко мне относилась только женская часть нашей семьи. Для отца я была всего лишь последним звеном в длинной цепи разочарований. Как следствие, я на протяжении всего своего детства пыталась привлечь его внимание, хотя бы оно и выражалось в наказаниях и ругани. Мне казалось, что если отец будет замечать меня почаще, то увидит, в конце концов, что я достойна его любви не меньше, чем Али. Результатом же явилось то, что безразличие отца переросло в открытую неприязнь.

Моя мать безропотно принимала тот факт, что на земле, где мы живем, нет места для взаимопонимания между полами. Я же была еще ребенком, и мне предстояло самой понять это.

Оглядываясь назад, не могу не признать, что в характере Али, наряду с плохими чертами, присутствовали и хорошие, однако было в нем то, что я не могла принять ни при каких

обстоятельствах – Али был жестоким. Я часто видела, как он издевался над сыном нашего садовника, мальчиком-инвалидом. У бедного ребенка были длинные руки и крошечные, короткие ножки. Очень часто, когда к Али приходили его школьные друзья, он вызывал бедного Сади и требовал, чтобы тот показал всем свою «обезьянью походку», Али никогда не замечал выражения муки на лице Сади или слез, катившихся по его щекам.

Когда Али обнаруживал, что одна из наших кошек окотилась, то всегда прятал котят от матери и с наслаждением наблюдал, как бедное животное ищет своих детей. Никто в нашей семье не смел остановить его, так как отец считал, что Али не делает ничего дурного.

Однажды, после длинной, сердечной беседы с матерью, я помолилась Аллаху, чтобы тот внушил мне чувство любви к брату, и решила попробовать вести себя с Али «по-саудовски», вместо того чтобы без конца ссориться с ним. Кроме того, мать убедила меня, что Аллаху неуютно, когда дети живут в ссоре друг с другом, а для нас это был один из самых серьезных аргументов. Поверив матери, я решила, что если буду себя вести скромно и ровно с Али, то наши отношения обязательно наладятся.

Моих благих намерений хватило меньше чем на неделю, причиной же явился очередной безобразный поступок Али. Некоторое время назад мы с сестрами нашли маленького щенка, который, по-видимому, потерял свою мать. Он был худым, жалким и скулил от голода. Вне себя от возбуждения мы начали собирать свои кукольные бутылочки и подогревать в них молоко. Мы с сестрами кормили его по очереди, и вскоре наш щенок стал веселым и толстым. Мы одевали его в какие-то одежки и даже учили сидеть в кукольной коляске.

Хотя это и правда, что мусульмане не очень любят собак, среди них не много найдется людей, способных обидеть детеныша, независимо от того, собака это, кошка или кто еще. Даже наша мать, правоверная мусульманка, улыбалась при виде нашего песика.

Однажды днем мы катали нашего Базема, что по-арабски означает «смеющееся лицо», в коляске по двору. Али оказался неподалеку со своими друзьями. Увидев, что они тоже восхищаются нашим щенком, брат решил, что собака должна принадлежать ему. Мы с сестрами кричали и отчаянно боролись, когда Али попытался отнять у нас Базема. Отец услышал шум и вышел во двор. Когда Али сказал ему, что хочет этого щенка, отец немедленно велел отдать его брату. Никакие слезы и просьбы не могли поколебать нашего отца – Али захотел щенка, Али должен получить его.

Слезы лились градом у всех сестер, когда Али небрежно взял щенка под мышку и пошел прочь со двора. Возможность полюбить брата была навсегда потеряна для меня, а ненависть разгорелась с новой силой, когда мне сказали, что Али вскоре устал от писка Базема и, поехав кататься с друзьями, выбросил щенка из окна автомобиля на полном ходу.

СЕСТРА САРА

Я почувствовала себя совершенно несчастной, увидев, как моя любимая сестра Сара рыдает в объятиях матери. Она девятая дочь моих родителей и тремя годами старше меня. Нас с ней разделяет только рождение Али. В тот день Сара должна была отмечать свое шестнадцатилетие и с энтузиазмом готовилась к этому событию, когда мать принесла ей горестную новость.

Сара надела чадру два года назад, как только у нее появились первые месячные. Надев чадру, женщина как бы автоматически лишается индивидуальности, и Сара вскоре тоже перестала говорить о своих детских мечтах, в которых видела себя достигшей совершенства во многих областях жизни. Она как-то отдалилась от меня, своей младшей сестры, еще не достигшей требуемого для чадры возраста. Дистанция, возникшая между нами, часто заставляла меня вспоминать о тех временах, когда мы с Сарой были близки и счастливы этим. Внезапно я до боли ясно осознала, что счастье можно понять только тогда, когда встаешь перед лицом несчастья другого. Я не понимала, как мы были счастливы, пока не увидела, как несчастна Сара.

Она была красивой, самой красивой из всех моих сестер. Ее красота стала и ее проклятием, так как многие мужчины слышали о ней от своих матерей и сестер и хотели взять ее в жены. Сара была высокой и стройной девушкой с белой, как сливки, кожей: Ее большие карие глаза светились пониманием того, что окружающие восхищаются ее красотой, а длинные, густые черные волосы были предметом зависти остальных сестер.

При всей своей красоте Сара обладала мягким и добрым нравом. Все, кто знал мою сестру, любили ее и восхищались ею.

К сожалению, проклятием Сары стала не только ее красота – она была к тому же необычайно умна. В нашей стране умная женщина еще более несчастна, чем другие, так как у нее нет возможности приложить свои способности.

Мечтой Сары было учиться живописи в Италии, а затем открыть первую художественную галерею в Джидде. Она поставила перед собой эту цель, когда ей было всего двенадцать лет; книжные полки в ее комнате были всегда заставлены альбомами с репродукциями картин великих мастеров. Она все уши прожужжала мне своими рассказами о европейском искусстве. Буквально несколько часов назад я видела в ее комнате список мест, которые она хотела посетить во Флоренции, Венеции и Милане.

Грустно было осознавать это, но я понимала, что мечты моей сестры не могут осуществиться. Хотя и правда, что в нашей стране большая часть замужеств происходит по решению старших женщин семьи, в нашем доме все по-другому, так как отец не признавал никаких авторитетов, кроме своего. Он давно уже решил, что самая красивая его дочь выйдет замуж за влиятельного и богатого человека.

И вот он наконец нашел подходящую, по его Мнению, пару для Сары. Это был член одной очень богатой семьи из Джидды, делившей Финансовое влияние там с нашей семьей. Жениха. выбрал отец исключительно из деловых соображений; ему пошел уже шестьдесят третий год, и Сара должна была стать его третьей женой. Хотя старик никогда не видел Сары, до Него дошли слухи о ее необычайной красоте от родственниц, так что ему не терпелось договориться о дне свадьбы. Мать попыталась выступить в защиту дочери, однако отец, как всегда, остался глух к женским слезам.

Теперь Саре официально объявили, что она вскоре выходит замуж. Бросив на меня взгляд, мать приказала мне оставить их, но поскольку она стояла ко мне спиной, то я сделала вид, что вышла, поскрипела дверью, и осталась в комнате. Слезы ручьем струились по моему лицу, когда я слушала, как моя любимая сестра проклинает отца, нашу страну и нашу культуру, рыдала так горько, что я не уловила сквозь слезы многих слов, однако одну фразу я хорошо расслышала: она сказала, что ее приносят в жертву, как какого-нибудь барана.

Мать тоже не могла сдержать слез, но ей не чем было утешить Сару, так как она прекрасно понимала, что не в ее власти изменить Решение отца, имеющего, по закону шариата, право выдавать своих дочерей за того, за кого ему это кажется необходимым. Уже шестеро из десяти его дочерей были выданы замуж, и ни одна из них не имела возможности выбирать себе мужа. Мать понимала, что такое же мрачное будущее ожидает и остальных четырех; не было на земле такой силы, которая могла бы помешать этому.

Наконец мать услышала мое всхлипывание и, обернувшись, заметила, что я не ушла, а стою у двери вся в слезах. Она укоризненно покачала головой, но ничего не сказала, только попросила меня принести мокрых полотенец и снова занялась Сарой. Через минуту я вернулась с полотенцами, и мать обмотала ими голову Сары, успокаивая дочь, пока та не уснула. Она долго сидела, вглядываясь в ее красивые черты, затем тяжело вздохнула, и устало поднялась. Не говоря ни слова, она взяла меня за руку и повела на кухню. Хотя было уже поздно, и повар отдыхал, мать нашла для меня кусок торта и стакан холодного молока. В свои тринадцать лет я была маленькой и хрупкой, и мать по-прежнему относилась ко мне, как к ребенку.

К сожалению, слезы Сары только ожесточили отцовское сердце. Я слышала, как она умоляла его и, в конце концов, в своем отчаянии зашла так далеко, что обвинила отца в том, что он ненавидит женщин. Она бросила ему в лицо изречение Будды: «Любая победа порождает

ненависть, потому что побежденные несчастны...». Отец, весь пунцовый от гнева, молча повернулся и пошел прочь. Сара кричала ему вслед, что лучше бы ей не родиться, раз ее постигло такое несчастье. Резко обернувшись, отец сказал, что день свадьбы будет отложен, чтобы она успела примириться с неизбежным.

Обычно отец приезжал к нам на виллу раз в четыре дня. Мужчины-мусульмане, имеющие четырех жен, организуют свою жизнь так, чтобы каждой жене и семье уделялось одинаковое количество времени. Когда мужчина реже посещает какую-либо из своих семей, это воспринимается, как наказание. На нашей вилле царило такое возбуждение, связанное с переживаниями Сары, что отец приказал матери, которая была его первой, а значит, и старшей женой, сообщить остальным трем женам, что ближайшее время он будет проводить в их трех домах, минуя наш. Прежде чем уехать, отец сказал матери, что надеется на то, что она сумеет успокоить Сару и подготовить ее к новой жизни, в которой, по его словам, она должна стать «послушной женой и хорошей матерью».

Я плохо помню, как выходили замуж остальные мои сестры. Знаю, что все они плакали, но я тогда была слишком мала, чтобы понимать, какую душевную и эмоциональную травму представляет собой замужество, когда невеста не видит своего жениха до момента свадьбы. Но сейчас, закрыв глаза, я вплоть до мельчайших подробностей могу припомнить события, происходившие в месяцы, предшествующие свадьбе Сары, саму свадьбу, и то, что произошло через несколько недель после нее.

В семье меня считали трудным ребенком, и я всячески поддерживала окружающих в этом мнении. Шумная и упрямая, я создавала массу проблем и постоянно испытывала родительское терпение. Я насыпала песок в мотор новенького «мерседеса» Али, я воровала деньги из отцовского бумажника, я закопала коллекцию золотых монет брата в саду, я выпустила в бассейн зеленых змей и уродливых ящериц, когда Али спал на своем плотике.

Сара лее была идеальной дочерью, послушной и тихой, она прекрасно училась и не доставляла отцу и матери никаких неприятностей. Я очень сильно любила сестру, казавшуюся мне слабой, однако именно она поразила нас всех за недели, предшествовавшие свадьбе. Сара проявила невиданное упорство, и каждый день приезжала в отцовский офис, где оставляла ему записки, в которых писала, что не собирается выходить замуж. Она даже приехала в офис своего жениха, где оставила у его секретаря-индийца послание, в котором говорила, что считает его старым человеком, которому подобает жениться на зрелых женщинах, а не на девушках, вроде нее. Секретарь, судя по всему, не рискнул передать это письмо своему хозяину, так как от того не последовало реакции, которой можно было бы ожидать, прочитай он это письмо. Сара упорно продолжала добиваться своего, снова поехала туда и потребовала встречи с этим человеком! Однако того не оказалось на месте. Ей сказали, что он улетел в Париж и будет только через несколько недель. Наконец, устав от всех этих проблем, отец приказал отключить все телефоны, а Сару посадили под домашний арест в ее комнату.

Реальность оказалась сильнее желаний, и день свадьбы, наконец наступил. Недели горя и переживаний ничего не смогли поделать с красотой Сары. Напротив, она казалась еще более красивой, чем обычно, какой-то легкой и невесомой, как небесное создание, не предназначенное для жизни в этом мире. Она похудела, черты лица ее утончились, а огромные черные глаза сияли каким-то трагическим блеском. Я часто смотрела в ее бездонные глаза, и мне казалось, что через них я могу заглянуть в самую глубину ее души. То, что я видела там, расстраивало меня еще больше. Это был страх. Наши старшие сестры, кузины и тетушки приехали в наш дом в день свадьбы рано утром, чтобы подготовить невесту к обряду. Мое присутствие осталось ими незамеченным, так как я сидела в углу, не шевелясь и, почти, не дыша. Я старалась не пропустить ничего из того, что мне предстояло увидеть.

Не менее пятнадцати женщин озабоченно сновали взад и вперед, стараясь не упустить ничего важного в приготовлении невесты к свадьбе. Первая церемония, халава, проводилась матерью и одной из старших теток. С тела невесты полагается удалить все волосы, за исключением ресниц и волос на голове. Специальная смесь из сахара, розовой воды и

лимонного сока, которую наносят на тело, кипела на медленном огне в кухне. Когда сладкая масса высыхает на теле, ее отдирают вместе с волосами. Запах смеси был очень приятным, но эта процедура причиняет ужасную боль, и крики Сары до сих пор звучат у меня в ушах, заставляя содрогаться от ужаса.

Для мытья волос была приготовлена хна, которая должна была придать роскошным волосам Сары легкий блеск полированного красного дерева. Ногти на руках и ногах были покрашены в яркий красный цвет, напоминающий мне цвет крови. На крючке у двери висела бледно-розовая свадебная рубашка, украшенная великолепными кружевами, а бриллиантовое кольцо с таким же браслетом и серьгами лежало на туалетном столике. Драгоценности прислали Саре несколько недель назад в качестве свадебного подарка от жениха, но она даже не прикоснулась к ним.

Когда саудовская невеста счастлива и выходит замуж по любви, комната, в которой ее готовят к свадьбе, полна смехом и радостью. В день свадьбы моей сестры в ее комнате царил гнетущая тишина – можно было подумать, что женщины готовят ее тело к погребению. Все говорили шепотом, а Сара вообще не произнесла ни слова. Мне странно было видеть ее такой после событий последних недель, однако позже я поняла, в каком трансе она к тому времени находилась.

Отец, озабоченный тем, что Сара может испортить свадьбу, вслух высказав свое отвращение к жениху, приказал одному из врачей в день свадьбы ввести ей сильный транквилизатор, чтобы лишить ее сил к сопротивлению. Позже мы узнали, что тот же врач передал жениху успокаивающие лекарства для Сары в виде таблеток. Жениху сказали, что Сара слишком сильно возбуждена предстоящим замужеством и таблетки нужны ей, чтобы избежать нежелательных желудочных явлений. Поскольку жених никогда прежде не видел Сары, то он, по-видимому, какое-то время после свадьбы пребывал в уверенности, что его новая жена – очень тихая и покладистая женщина. С другой стороны, множество стариков в нашей стране женятся на молоденьких девушках, и я уверена, что они знают о том страхе, который испытывают перед ними их юные невесты.

Барабанная дробь возвестила о прибытии гостей. Женщины, наконец, закончили приготовление невесты. На нее надели красивое платье, застегнули на спине молнию, а ноги обули в мягкие розовые туфли. Мать застегнула на шее Сары бриллиантовое кольцо. Я со своего места громко провозгласила, что это кольцо ничем не лучше петли или аркана. Одна из теток отвесила мне шлепок, а другая больно крутанула ухо, но Сара никак не отреагировала на мои слова. Все собрались вокруг нее в восхищенном молчании. Никто из присутствующих еще в жизни своей не видел более прекрасной невесты.

Для церемонии во дворе виллы установили огромный навес. Весь сад был заставлен цветами, присланными из Голландии и игравшими на солнце всеми цветами радуги. Зрелище оказалось настолько красивым, что я на время даже забыла о том, какое трагическое событие происходит в жизни моей сестры.

В тени под навесом собралось множество гостей. Женщины из королевской семьи, буквально увешанные бриллиантами, рубинами и изумрудами, собрались вместе с представительницами низших слоев общества, что само по себе редко случается в Саудовской Аравии. Простолюдинкам разрешается присутствовать на свадьбах знатных девушек при условии, что они не снимают чадру и не вступают в разговоры с аристократками. Одна из моих подруг говорила мне, что бывали случаи, когда некоторые мужчины переодевались в женское платье с чадрой, чтобы иметь возможность взглянуть на лица тех, кто никогда не покажется мужчине. Сами мужчины отмечали это событие в одном из крупнейших отелей города, где развлекались таким же образом, как и женщины в доме невесты – болтали, ели и танцевали.

В Саудовской Аравии во время свадьбы женщины и мужчины собираются в разных местах. Единственными мужчинами, которым разрешено присутствовать на женском празднике, являются жених, отец жениха и отец невесты, а также священник, совершающий обряд. В нашем случае отец жениха исключался – его давно уже не было в живых, так что,

кроме священника, только мой отец и жених присутствовали на церемонии.

Наконец рабы и слуги начали подавать еду, возле которой сразу же наступило столпотворение. Первыми к столам были допущены простолюдинки, пришедшие па праздник в чадре. Эти бедные женщины жадно хватали еду, которую им слишком редко случалось попробовать. Руки их так и мелькали, когда они отправляли под свое покрывало кусок за куском. После них и остальные гости подошли к своим столам и принялись за копченую лососину из Норвегии, русскую икру, перепелиные яйца и прочие деликатесы. Четыре огромных стола ломились под тяжестью пищи. Закуски стояли слева, главные блюда посередине, десерты справа, а на отдельном столике располагались прохладительные напитки. Алкоголь, запрещенный Кораном, конечно же, отсутствовал, хотя я видела, что многие женщины принесли с собой в сумочках маленькие фляжки и, хихикая, время от времени удалялись в ваннны комнаты, чтобы сделать глоточек.

Наконец наступила самая интересная, по моему мнению, часть праздника. Появились египетские танцовщицы, которые должны были исполнять танец живота. Толпа женщин самых разных возрастов затихла, с настороженным интересом наблюдая за танцем. Мы, саудовцы, привыкли принимать себя слишком уж всерьез и с подозрением относимся к любому проявлению веселья, так что я была изрядно ошеломлена, когда одна из моих пожилых тетушек вдруг выбежала в центр и присоединилась к танцующим египтянкам, показав на удивление высокий класс, чем привела меня в полное восхищение, несмотря на неодобрительное перешептывание остальных родственниц.

Снова послышался грохот барабанов, и я поняла, что сейчас должна появиться невеста. Все гости в ожидании смотрели на двери, через которые она должна была выйти во двор. И действительно, через несколько секунд двери распахнулись, и появилась Сара, сопровождаемая матерью и одной из старших теток.

Лицо Сары закрывала полупрозрачная розовая вуаль, поддерживаемая тиарой из розового жемчуга. Моя сестра была ослепительно красива, и все присутствующие заахали от восхищения и зацокали языками. Под вуалью можно было разглядеть, как напряжено от страха ее лицо, однако гостей это ни в коей мере не смутило – в конце концов, юная невеста и должна быть испуганной.

Вслед за Сарой из дверей вышли дюжины две родственниц, выражающих радость от предстоящей церемонии громкими восклицаниями и цоканьем. Женщины во дворе также разразились радостными возгласами. Сара пошатнулась, но мать поддержала ее под локоть.

Вскоре появился и мой отец в сопровождении жениха. Я знала, что жених старше моего отца, но одно дело знать, а другое – увидеть своими глазами. Он показался мне совсем древним стариком, а внешностью напоминал лисицу. Меня даже передернуло, когда я представила себе, как он прикасается к моей стыдливой, нежной сестре.

Жених поднял вуаль Сары и расплылся в довольной ухмылке. Сестра была слишком накачана успокоительным, чтобы реагировать, и не шелохнулась, глядя па своего нового хозяина. Настоящая свадьба состоялась много раньше, и на ней не присутствовали женщины. Мужчины собирались отдельно и подписывали брачный контракт между собой, оговаривая детали, от которых моей сестре не было ни холодно, ни жарко. Сегодня будет сказано всего несколько слов, и бедная Сара навсегда лишится и той иллюзорной свободы, которой обладала, живя в доме своего отца.

Священник объявил, что Сара теперь является законной женой и что положенный в таких случаях выкуп за невесту выплачен сполна. Затем он взглянул на жениха, который, в свою очередь, сказал, что он берет Сару в жены, и с этого момента она находится под его покровительством и защитой. Ни один из мужчин во время церемонии даже не взглянул на Сару. Прочитав несколько выдержек из Корана, священник благословил брак моей сестры. Все присутствующие женщины снова разразились приветственными криками и цоканьем. Свершилось! Сара замужем. Довольные мужчины, улыбаясь, обменялись рукопожатиями.

Сара по-прежнему стояла неподвижно, а жених достал кошелек из кармана своей тобы¹ и начал раздавать гостям золотые монеты. Я вздрагивала от отвращения, слыша, как он принимает поздравления по поводу женитьбы на такой красивой девушке. Он подхватил мою сестру под руку и торопливо повел ее прочь. Проходя мимо меня, Сара встретилась со мной взглядом. Ее глаза молили о помощи, но я знала, что никто не сможет помочь ей. Вдруг мне вспомнились слова Сары, сказанные отцу: «Любая победа порождает ненависть, потому что побежденные несчастны». Хотя я была совсем еще молода, все же мне было ясно, что этот человек никогда не будет счастлив в этом браке, и какая бы кара ни постигла его, он ее заслуживает.

РАЗВОД

Отец запретил мне навещать Сару в первые три месяца ее замужества. Он сказал, что ей нужно время, чтобы привыкнуть к новой жизни и связанной с этим ответственностью, а вид родного дома и семьи может спровоцировать ее желание вернуться к юношеским мечтам. Наше громкое возмущение тем, что нам не позволяют видеться с сестрой не вызывало никакой реакции, кроме бесстрастных кивков. С точки зрения отца, Сара занималась тем, для чего вообще созданы женщины: удовлетворением мужских потребностей и производством потомства.

Сара не взяла с собой ничего из своих вещей. Возможно, она отдавала себе отчет в том, что присутствие в новом доме привычных книг и вещей будет только растравлять рану, которую и так ничем нельзя исцелить. У меня было такое чувство, как будто Сара умерла; ее отсутствие образовало в моей жизни пустоту, которую нечем было заполнить. Я очень тосковала по ней и часто сидела в ее комнате, рассматривая принадлежащие ей вещи. Это привело к тому, что я стала разделять многие из ее увлечений и незаметно для себя переняла некоторые ее черты. Я часто читала ее дневник и со временем почувствовала, что многие ее мечты стали моими. Я плакала, как может плакать только тот, кто задается вечным вопросом – как может Аллах допустить, чтобы невинным людям, таким, как моя Сара, причинялось такое ужасное зло.

Однажды мать обнаружила меня в комнате Сары. Я лежала в ее постели, одетая в ее ночную рубашку, и читала одну из ее книг. После этого дверь в комнату Сары заперли, и я не могла больше бывать там.

Нам не пришлось ждать трех месяцев, назначенных отцом – через пять недель после свадьбы Сара предприняла попытку самоубийства.

Я коротала время в саду, играя со зверями в нашем недавно организованном маленьком частном зоопарке, когда увидела, что шофер отца – Омар стремглав мчится к воротам виллы, едва не теряя на ходу сандалии. Меня удивило, что его кожа, обычно ровного бронзового цвета, была совершенно белой. Он быстро отряхнулся, сбил песок с сандалий и крикнул мне, чтобы я побыстрее нашла мать.

Мать моя всегда чувствовала, когда что-то неладное происходило с ее детьми и, как только увидела Омара, спросила, что случилось с Сарой.

Ни один араб не скажет родственнику правды, если кто-то из родственников болен, умирает или мертв. Нашей натуре претит приносить дурные вести. Если умирает ребенок, то тот несчастный, которому выпадает тяжкая обязанность сообщить об этом его родителям, сначала просто говорит, что ребенок нездоров. Начинаются расспросы, и вестник вынужден признать, что необходимо повидаться с врачом, и добавляет, что ребенок находится в больнице. Расспросы становятся все более настойчивыми, и тогда человек, принесший известие, вынужден сказать, что болезнь серьезна, и членам семьи необходимо поспешить к постели

---

¹ Тоба – длинное одеяние, вроде свободной рубахи до пят, которое носят саудовские мужчины. (Прим. ред.)

больного. Затем вестник признает, что жизнь любимого чада находится в опасности. Иногда требуется несколько часов, чтобы выяснить, насколько же плохо обстоят дела. Однако о смерти так и не будет сказано. Самое большее, что может сделать араб, это подготовить родственников к тому, что сообщит им врач.

Омар сказал матери, что Сара отравилась недоброкачественной пищей и сейчас находится в частной клинике в Джидде. Через час должен был прибыть самолет, посланный отцом. Мать поджала губы и пошла за своей абайей (верхней женской одеждой) и чадрой.

Я принялась упрашивать мать, чтобы она взяла меня с собой, и она уступила моим просьбам, взяв с меня слово, что я не устрою в клинике сцену, если с Сарой что-то серьезное. Я пообещала и помчалась к комнате Сары, где изо всех сил колотила в запертую дверь, пока кто-то из слуг не пришел с ключом и не открыл двери. Я хотела взять с собой любимую книгу Сары по искусству.

Омар поехал с нами в отцовский офис, так как забыл взять оттуда какие-то документы, необходимые для поездки. В Саудовской Аравии мужчина должен написать специальное письмо, разрешающее женщинам его семьи путешествовать. Без такого письма нас никто не пустил бы на борт отцовского самолета. Отец также оставил для нас паспорта, передав матери, что, возможно, нам придется отвезти Сару для лечения в Лондон. Испорченная пища? Лондон? Я знала, что было недоброкачественным – отцовские байки об отравлении. Я была почти уверена, что Сары уже нет в живых.

Мы вылетели в Джидду на маленьком частном самолете. Полет прошел без приключений, но атмосфера в пассажирской кабине была чрезвычайно напряженной. Мать говорила мало и на протяжении почти всего полета сидела с закрытыми глазами. Не так уж много лет прошло с тех пор, как она впервые прокатилась на автомобиле. Теперь я видела, как беззвучно шевелятся ее губы, и знала, что она с удвоенной силой молится Аллаху: она молилась о том, чтобы Сара была жива и еще, чтобы самолет успешно доставил нас к ней.

Пилот с помощником были американцами, и мне сразу понравилась их раскованная, свободная манера общения. Они спросили меня, не хочется ли мне посидеть в кабине. Увидев мои умоляющие глаза, мать устало кивнула. Мне никогда раньше не приходилось сидеть в кабине: там всегда находился Али.

Поначалу меня испугал вид неба, открывшийся мне из пилотской кабины, самолет показался мне игрушкой, висящей в воздухе между небом и землей. Я вскрикнула и подалась назад. Джон, тот из американцев, который был покрупнее, ободряюще улыбнулся и не торопясь, начал объяснять мне назначение различных кнопок и рычагов. К своему удивлению, вскоре я освоилась и с интересом смотрела ему через плечо, забыв о своих страхах. Впервые в жизни я чувствовала себя спокойно и комфортно в присутствии мужчин. Я всегда боялась своего отца и не любила Али и своих сводных братьев. У меня появилось довольно странное чувство; я вдруг осознала, что мужчины, о которых меня с детства приучали думать, как о высших существах, могут быть обычными, неопасными людьми. Это было что-то новое, о чем стоило поразмыслить.

Глядя в иллюминатор самолета, я чувствовала себя птицей, парящей в вышине. Это было восхитительное ощущение свободы. Мои мысли вернулись к Саре, и я с ужасом осознала, что даже птицы и звери свободнее, чем моя сестра. Там, в кабине самолета, я дала себе молчаливую клятву, что сама стану хозяйкой моей жизни, независимо от того, что мне придется для этого предпринять и какие страдания перенести.

Я присоединилась к матери, только когда самолет уже садился; она крепко обняла меня и не выпускала до тех пор, пока самолет не зарулил на стоянку. Мать была под чадрой, но я хорошо знала ее и, уловив прерывистое, тяжелое дыхание, поняла, что она чувствует.

Перед тем как покинуть самолет, я распрощалась с добрыми американцами. Я очень надеялась, что они повезут нас обратно в Эр-Рияд, так как испытывала теплые чувства к этим людям, терпеливо отвечавшим на самые глупые детские вопросы.

Наконец мы прибыли в клинику и по длинному коридору поспешили туда, где лежала

Сара. Мать до боли крепко сжала мою руку.

Сару мы обнаружили живой, она была очень плоха. Мы с ужасом узнали, что она пыталась покончить с собой, сунув голову в газовую плиту. Сара была необычно тихой и мертвенно-бледной. Мужа ее в клинике не было, но он послал туда свою мать. Эта старуха сидела у постели Сары и громким голосом обвиняла невестку в том, что та опозорила ее сына и семью. Она была такой злобной, что у меня возникло желание расцарапать ей лицо, чтобы посмотреть, как та бросится наутек, но я помнила об обещании, данном матери. Я стояла, едва дыша от гнева, и держала Сару за руку. Мать отбросила чадру с лица и посмотрела в лицо старухе. Она перебрала в уме многое, услышав о болезни Сары, но никак не ожидала узнать, что ее дочь пыталась покончить с собой. Когда я увидела, с какой яростью она повернулась к старухе, то поняла, что будет гроза. Мать резко оборвала причитания женщины и ледяным тоном спросила, что сделал ее сын такого, что могло заставить девушку попытаться лишиться себя жизни. Затем мать приказала ей немедленно удалиться, сказав, что здесь нет места для таких, как она. Старуха ушла, даже не накинув своей чадры. Мы слышали, как в коридоре она злобным голосом взывала к Аллаху.

Мать обернулась ко мне и увидела мою восхищенную улыбку. Я была довольна, что она проявила характер, и на какой-то момент у меня зародилась надежда, что Аллах не оставит нас и Сара будет спасена. Однако я знала, что матери грозят крупные неприятности, когда отец узнает о ее поведении. Я не сомневалась, что отец будет рассержен тем, что пыталась сделать Сара, и тем, что мать бросилась на защиту дочери. В Саудовской Аравии к старым людям относятся с уважением, близким к поклонению. Что бы они ни говорили или ни делали, как бы они ни вели себя, не найдется никого, кто посмел бы противостоять им. Сегодня мать повела себя, как тигрица, защищающая своего детеныша. Сердце в моей груди громко стучало от гордости за ее смелый поступок.

Через три дня объявился муж Сары, ни разу не навестивший ее в больнице. Теперь он решил, что пришло время забрать свою собственность. Однако к этому времени матери удалось выяснить, в чем причина отчаянного поступка Сары, и она встретила своего зятя с твердой решимостью защитить дочь. Муж Сары оказался садистом. Он обращался с моей сестрой таким образом, что вскоре бедная Сара уже не видела другого выхода из этого кошмара, кроме смерти. Когда отец прилетел в Джидду, даже он был шокирован, узнав, что пришлось пережить его дочери. Однако он согласился со своим зятем, что жена должна принадлежать своему мужу. Муж Сары пообещал отцу, что его отношения с женой отныне будут совершенно нормальными.

Губы матери задрожали, когда отец объявил ей о своем решении. Сара разрыдалась и пыталась встать с постели, крича, что она не хочет жить. Она сказала, что перережет себе вены, если ее заставят вернуться к мужу. Мать встала рядом с дочерью и, впервые в жизни, позволила себе противостоять своему мужу. Она сказала, что Сара никогда не вернется в дом этого чудовища, пригрозив, что в противном случае пойдет к королю и в Совет духовенства и расскажет всем о случившемся и что никто не позволит этому продолжаться. Отец пригрозил матери разводом, но она осталась непоколебимой и сказала, что не позволит, чтобы ее дочь снова вернулась в этот кошмар.

Отец стоял и, не мигая, смотрел на нее. Он конечно, понимал, что скорее всего решением Совета духовенства Сару заставят вернуться к мужу, указав тому, что он должен обращаться со своей женой так, как это определено в Коране, а затем к Саре и ее проблемам просто повернутся спиной, не желая видеть того, что неприятно. Отец стоял и обдумывал слова матери. Ему совершенно не хотелось, чтобы дела семьи выносились на суд общественности и, впервые за всю свою жизнь, он уступил жене. Поскольку мы были членами королевской семьи, и муж Сары не хотел порывать деловые отношения, связывающие его с моим отцом, то он сразу же согласился на развод.

Ислам предоставляет право развода мужчинам, не спрашивая их о мотивах; что же касается женщины, то ей чрезвычайно сложно добиться развода с мужем. Если бы на развод

падала Сара, сразу же могло возникнуть множество сложностей, потому что религиозные авторитеты сказали бы, что она просто не понимает того, что Аллах делает для ее же собственной пользы, и принудили бы ее остаться с мужем. Сариному мужу потребовалось всего лишь трижды произнести фразу: «Я развожусь с тобой» в присутствии двух свидетелей-мужчин, и развод состоялся.

Сара вновь стала свободной! Она вернулась домой.

Любое переживание влечет за собой перемену. Мой мир тоже изменился после замужества Сары, ее попытки самоубийства и последовавшего за ней развода. В мозгу моем дали ростки новые мысли и представления о жизни – я уже больше не была такой наивной, как прежде.

Часами я размышляла над примитивными традициями, связанными с замужеством в моей стране. Множество факторов определяют возможность для девушки выйти замуж в Саудовской Аравии: имя ее семьи, обеспеченность, отсутствие физических недостатков, красота. Встречи между мужчинами и женщинами – это строжайшее табу, поэтому мужчины вынуждены доверяться своим матерям и сестрам в выборе подходящей пары. Даже если договоренность о женитьбе достигнута и назначен день бракосочетания, девушке редко удается увидеть своего жениха до свадьбы, хотя бывают случаи, когда семьи обмениваются фотографиями жениха и невесты.

Если девушка из богатой семьи и лишена физических недостатков, у нее нет отбоя от предложений. Если она красавица, то многие мужчины посылают своих матерей или отцов просить ее руки, так как красота считается огромным достоинством женщины в Саудовской Аравии. Непременным условием является безупречная репутация красавицы, в противном случае желающих взять ее в жены найдется немного; такие женщины оказываются в конечном итоге третьими или четвертыми женами какого-нибудь старика из провинции.

Многие саудовцы оставляют своим женам право решать, за кого выйдут замуж их дочери, зная, что они постараются сделать это с максимальной пользой для семьи. Но и матери часто вынуждают дочерей выходить замуж против желания. Логика их проста: они и сами в свое время были выданы замуж за незнакомых мужчин и свыклись с этим положением. Любовь недолговечна, учат они, поэтому лучше всего выйти замуж в хорошо знакомую семью. С другой стороны, есть мужчины, подобные моему отцу, которые ищут женихов своим дочерям из чисто практических соображений, связанных с семейным бизнесом. Их решение никто не смеет оспорить. Сара, со своей красотой, умом, с ее детскими мечтами, в конце концов была не более, чем пешкой в игре отца.

Это осознание предназначения моей любимой сестры заставило меня во многом по-новому взглянуть на вещи. Я решила, что мы, женщины, должны обрести право голоса в том, что определяет нашу дальнейшую судьбу. С этого момента вся моя жизнь стала борьбой за то, чтобы женщины в моей стране могли жить так, как живут достойные, уважающие себя и уважаемые другими люди, чтобы они обрели те права, которые мужчинам даются от рождения.

АЛИ

Спустя несколько месяцев после возвращения Сары, наша старшая сестра Нура сказала отцу, что нам с Сарой пора посмотреть на мир за пределами Саудовской Аравии. Мы никак не могли вывести Сару из состояния хронической депрессии, и Нура решила, что путешествие могло бы оказать на нее целительное действие. Что касается меня, то я дважды была в Испании, однако тогда я была еще настолько мала, что почти ничего не помнила.

Нура, которая была замужем за одним из внуков нашего первого короля, всегда радовала отца тем, что замужество ее, судя по всему оказалось удачным, да и сама она всегда сохраняла спокойствие и смотрела на жизнь философски. Она всегда делала то, что ей говорили, не задавая при этом лишних вопросов. С годами отец даже полюбил ее, насколько он вообще мог полюбить какую-либо из своих дочерей, так как мало кто из них обладал качествами Нуры. Со

времени развода Сары отец постоянно ставил Нуру в пример остальным дочерям. Она тоже вышла замуж за незнакомого человека, однако ее замужество казалось ей вполне счастливым. Настоящей же причиной безмятежного настроения Нуры было без сомнения то, что муж ее оказался внимательным и добрым человеком.

По мнению отца, Сара сама спровоцировала безобразное поведение своего мужа. В Саудовской Аравии мужчина никогда ни в чем не виноват. Даже если он убьет свою жену, то всегда найдет, чем объяснить это преступление, и любое объяснение будет принято другими мужчинами безоговорочно. У нас в стране я видела газеты, в которых превозносились мужчины, убившие своих жен или дочерей за «недостойное поведение»!

Одно только подозрение в любых проявлениях сексуальности, хотя бы это был обыкновенный поцелуй, автоматически влечет за собой смерть молодой девушки. Мало того, мужчине, совершившему подобное убийство, приносят публичные поздравления представители духовенства, считающие, что этот человек правильно исполняет заветы пророка!

Нура с Ахмедом как раз строили себе новый дворец и хотели отправиться в Европу, чтобы купить итальянскую мебель. По пути планировалась остановка в Египте, чтобы младшие дети Нуры могли посмотреть на пирамиды. Отец, у которого было двадцать две дочери от четырех жен, часто ворчал, что «женщина – это проклятие мужчины». Он видел, что его младшие дочери бунтуют против безраздельной власти мужчин. Наши слова и действия порой бывали непредсказуемыми и беспрецедентными. Мы прекрасно понимали, что нам никогда не достичь того, о чем мы мечтаем, однако одни наши разговоры уже были своего рода победой, так как ни одна саудовская женщина не посмела бы говорить то, что говорили мы.

Нура хотела, чтобы с нами поехала и мать, однако та была какой-то непривычно тихой и подавленной со времени возвращения Сары домой. Похоже было, что пашу мать великое противостояние отцу лишило последней жизненной силы. Но она всячески поддерживала идею нашего путешествия, так как очень хотела, чтобы Сара увидела Италию. Она считала, что я еще слишком мала и могу остаться дома, по я так упрашивала ее, что она в конце концов уступила. Сара по-прежнему оставалась безучастной, даже узнав о возможности увидеть красоты Италии, а я вся сгорала от возбуждения и нетерпения.

Однако радость моя в один миг исчезла, когда Али заявил, что едет с нами. Отец решил, что мне необходим провожатый. Во мгновение ока я представила себе, как Али испортит мне всю поездку, и в ярости решила сделать что-то такое, что могло бы уязвить его. Я схватила его новую гутру² и игааль³ и помчалась с ними в свою ванную комнату. Я еще не знала, что собираюсь сделать с ними, но арабские мужчины считают, что им наносится жестокое оскорбление, когда кто-то прикасается к их головному убору. Моим желанием было уязвить Али как можно сильнее.

Когда Али помчался за мной с криками и угрозами пожаловаться отцу, я захлопнула дверь у него перед носом, сломав при этом ему большой палец на ноге и поранив руку. Услышав его крики и стоны, слуги решили, что я убиваю его, однако никто не поспешил ему на помощь. Я не знаю, что нашло на меня, возможно, я вспомнила нашего щенка и то, что Али сделал с ним, однако я попыталась спустить его головной убор в унитаз. Шнур никак не хотел уходить в канализацию, как я ни старалась пропихнуть его. Когда Али увидел, что я наделала, он бросился на меня с кулаками. Мы катались по полу, пока я не схватила его за сломанный палец и не стала выкручивать его. Мать, услышав его дикие вопли, вбежала в ванную и с трудом вырвала его из моих рук.

Я понимала, что мне грозят большие неприятности и, решив, что хуже уже не будет, дождалась, пока мать с Омаром увезут Али в больницу, чтобы наложить гипс на сломанный

---

² Гутра – головной убор арабских мужчин. (Прим. пер.)

³ Игааль – черный шнурок, которым перевязана гутра.

палец, пробралась в комнату брата и забрала оттуда его «сокровища», запрещенные как нашей религией, так и законами Саудовской Аравии.

Этими «сокровищами» были те предметы, которые мальчики собирают во всем мире, но обладание которыми считается серьезным преступлением в Саудовской Аравии. Я уже давно обнаружила в комнате Али коллекцию «Плейбоев» и других подобных журналов. Теперь, в дополнение к этому, я нашла новую коллекцию слайдов. Вне себя от любопытства, я притащила их в комнату и стала просматривать на своем проекторе. На картинках обнаженные мужчины и женщины делали странные, по моему понятию, вещи. На некоторых слайдах были показаны даже женщины с животными. Не вызвало сомнений, что Али давал эти слайды посмотреть своим приятелям, так как на каждом из них было напечатано его имя.

Я была еще слишком невинна, чтобы понять, что означают эти фотографии, но знала, что они «плохие», потому что Али прятал их в старой коробке с надписью «школьные заметки». Я хорошо знала все его тайники, так как при любой возможности проникала к нему в комнату и рылась в его вещах. Итак, я забрала из комнаты все журналы и слайды, прихватив оттуда и семь миниатюрных бутылочек со спиртным, которые Али привез из поездки в Бахрейн. Злорадно улыбаясь своему плану, я собрала все это в бумажный пакет.

В Саудовской Аравии мечети расположены повсюду, так как правительство считает, что мечеть должна находиться на расстоянии пешей прогулки от каждого мусульманина. Поскольку молитвы возносятся Аллаху пять раз в день, то удобнее делать это, когда, где бы ты ни находился, поблизости всегда найдется мечеть! Хотя молиться можно где угодно, лишь бы ты был повернут лицом к Мекке, считается, что все же предпочтительней молиться в мечети.

Мы жили в одном из самых богатых районов, и неподалеку от нашего дома стояла большая мечеть из опалесцирующего белого мрамора. Поскольку было уже около двух часов пополудни, я знала, что дневная молитва уже прошла, так что я смогу выполнить задуманное, оставшись незамеченной. Даже священники предпочитают отдыхать днем в жарком климате Аравии. Я с опаской открыла дверь мечети и заглянула туда, прежде чем войти. Поскольку я не носила еще чадры, то посчитала, что мое появление не должно вызвать любопытства. Я даже придумала, что сказать, если меня вдруг обнаружат – я ищу своего котенка, шмыгнувшего в двери мечети.

В мечети было на удивление прохладно. Я никогда раньше не была внутри, но часто сопровождала отца и брата к молитве. Начиная с шестилетнего возраста, Али был обязан молиться пять раз в день наравне со взрослыми. Дыхание мое участилось, когда я вспомнила, какие чувства охватывали меня, когда я смотрела, как отец, держа Али за руку, гордо ведет его к главному входу в мечеть, оставляя меня, низшее существо, стоять у порога, задыхаясь отобиды.

Женщинам в моей стране запрещено входить в мечеть. Хотя пророк Магомет и не запрещал женщинам публично молиться в мечети, все же он рекомендовал им делать это дома. Как результат, ни одной женщине в Саудовской Аравии никогда не позволят переступить порог мечети.

В мечети не было ни души, и я торопливо пошла по мраморному полу, гулко отзывавшемуся на стук каблучков моих сандалий. Я положила сумку с «сокровищами» Али на ступеньки, ведущие на балкон, где стояли громкоговорители, возвещающие пять раз в день слова пророка Магомета. На какой-то момент я почувствовала угрызения совести по поводу того, что сделала, но затем вспомнила, как Али сказал, что отец прикажет наказать меня и что он попросит, чтобы ему позволили самому меня побить. Домок я шла, удовлетворенно улыбаясь. Пусть Али тоже получит причитающееся ему!

Этим вечером, до того как отец вернулся из своего офиса, к нашим воротам подошли три представителя мутава – религиозной полиции нравов. Я и трое наших служанок-филиппинок выглянули в окно и увидели, как они кричат что-то Омару, бешено жестикулируя и указывая то на небеса, то на какие-то книги и журналы, которые они держали в руках с видимым отвращением. Мне ужасно хотелось расхохотаться, но я заставила себя хранить серьезное

выражение лица.

Все иностранцы и большинство саудовцев боятся мутава, так как эта организация обладает большой властью и внимательно следит за любым проявлением слабости или неуважения к Корану. Даже члены королевской семьи стараются не привлекать к себе их внимания.

Двумя неделями раньше одна из наших филиппинских служанок разъярила мутава тем, что появилась на рынке в платье, которое открывало ее колени. Группа религиозных фанатиков избил ее палками и выкрасила ноги красной краской. Поскольку правительство Саудовской Аравии не позволяет туристам посещать нашу страну, многие иностранки работают медицинскими сестрами, секретаршами или домработницами в крупных городах. Многие из этих женщин ощущают на себе отношение мужчин, повторяющих слова пророка, но на деле презирающих женщин. Если женщина отважится нарушить наши обычаи, показывая неприкрытые руки или ноги, то она рискует быть избитой и вымазанной краской.

Наша служанка еле отчистила свои ноги растворителем, и они до сих пор еще оставались красными и воспаленными. Ей пришло в голову, что мутава выследила, где она живет, и теперь пришла, чтобы забрать ее в тюрьму. Она была в такой панике, что попыталась спрятаться под моей кроватью. Мне хотелось рассказать ей о причине визита полиции нравов, но я не могла раскрыть своей тайны.

Совершенно белый от ужаса Омар вбежал в дом и стал громко звать Али. Я видела, как Али опускается по лестнице, с трудом удерживая равновесие из-за перевязанной ноги. Я вместе с матерью последовала за ним в гостиную, где Омар судорожно крутил диск телефона, пытаясь дозвониться в офис к отцу. Представители мутава ушли, оставив Омару образцы запрещенной продукции – один журнал, несколько слайдов и бутылочку спиртного. Остальное они унесли в качестве доказательства вины Али. А тот стоял без единой кровинки в лице и смотрел на часть своих «сокровищ», в беспорядке разбросанных на столе перед Омаром.

Заметив меня, Омар приказал, чтобы я покинула гостиную, но я вцепилась в материнскую юбку, а мать ласково гладила меня по голове. Мать, должно быть, всегда ненавидела хозяйское отношение Омара к ее детям и пристально посмотрела ему в глаза. Тот счел за лучшее проигнорировать меня. Он приказал Али сесть и ждать, так как отец уже на пути домой из своего офиса, а мутава отправилась оповестить полицию. «Али наверняка арестуют», – уверенно сказал он.

В комнате повисла мертвая тишина, подобная затишью перед бурей. На мгновение я почувствовала ужас, но Али быстро оправился от потрясения и, брызжа слюной, закричал на Омара:

– Они не могут арестовать меня! Я принц! Эти религиозные фанатики не более, чем мошки, пытающиеся укусить меня!

Мне пришла в голову мысль, что тюрьма пошла бы Али на пользу.

Визг тормозов отцовской машины возвестил о его прибытии. Он ворвался в комнату, едва сдерживая гнев, и принялся перебирать запрещенные предметы, лежавшие на столе. Бутылочку он презрительно отшвырнул в сторону, так как спиртное держали у себя дома все принцы без исключения. Но когда он поднес один из слайдов к свету лампы, то сразу же приказал нам с матерью немедленно выйти из комнаты. Из-за дверей мы слышали глухие звуки ударов, которыми он осыпал своего сына.

Как бы там дальше ни было, день для Али оказался не очень-то удачным.

Представители мутава решили не спешить вызывать полицию, понимая, что имеют дело с членом королевской семьи. Они вернулись одни и потребовали у отца объяснений. Ему пришлось долго извиняться и просить их пожалеть па первый раз его единственного сына. В особенную ярость и мутава, и отца привели слайды, изображавшие женщин, совокупляющихся с животными.

Шел 1968 год, и король Фейсал был не таким терпимым к проступкам принцев, как его старший брат Сауд. Мутава чувствовала за собой поддержку, поскольку и полиция, и отец

прекрасно знали, что король будет взбешен, если содержание слайдов станет известно общественности. То, что мутава боялись, было вполне понятно, если учесть курс на модернизацию страны, взятый правительством. Король Фейсал постоянно предупреждал своих братьев и кузенов, чтобы они не давали повода мусульманским старейшинам обвинять членов королевской семьи в недостойном поведении. Король пообещал представителям духовенства, что модернизация страны не превратится в ее вестернизацию. Он говорил, что от Запада надо брать только хорошее, отбрасывая то, что не годится для страны, управляемой по законам ислама. Мутава тщательно выискивала признаки разложения в королевском доме. Слайды, принадлежавшие Али, дали им возможность вслух говорить о том, о чем раньше они могли только перешептываться.

Мы слышали, как люди из мутава до поздней ночи обсуждали, какого наказания достоин принц. Али крупно повезло, что он был членом семьи аль-Саудов. Представители мутава понимали, что без личного разрешения короля ни один принц не может быть привлечен к суду. Такое могло произойти только в самом исключительном случае, и прецедентов пока не было. Однако, если бы Али оказался членом обычной саудовской семьи или иностранцем, он без всякой жалости был бы приговорен к длительному тюремному заключению.

Наша семья хорошо знала печальную историю, произошедшую с братом одного из наших шоферов-филиппинцев. Четыре года назад этот человек, работавший в итальянской строительной фирме в Эр-Рияде, был арестован за обладание копией порнографического фильма. Этот бедняга был приговорен к семи годам тюремного заключения. Мало того, что он томился в тюрьме, его приговорили еще и к телесным наказаниям. Каждую пятницу он получал по десять плетей. Наш шофер, который навещал брата по субботам, плача, рассказывал Али, что каждый раз заставлял брата в кровоподтеках с головы до пят. Он боялся, что бедный парень не сможет выжить до конца срока.

К несчастью для Али, его вину установили сразу и, без всякого сомнения. Его имя было четко напечатано на каждом запрещенном слайде и журнале. В конце концов, нашли своего рода компромисс: отец пожертвовал крупную сумму денег мечети, а Али обязали присутствовать на молитвах все пять раз в день под присмотром религиозных авторитетов. Мутава прекрасно знала, что мало кто из молодых принцев утруждает себя посещением мечети, так что наказание это должно было стать для Али весьма болезненным. Ему сказали, что он должен будет показываться представителю мутава в нашей мечети во время каждой молитвы в течение ближайших двенадцати месяцев. Единственной уважительной причиной могло быть отсутствие в городе. Поскольку Али обычно спал до девяти часов утра, "он пришел в ужас от одной только мысли, что каждый день отныне ему придется вставать с рассветом, чтобы успеть к утренней молитве. К тому же, он должен был тысячу раз каллиграфически написать фразу: «Аллах велик, и я оскорбил его тем, что следовал аморальным и продажным традициям безбожного Запада». И, наконец, Али должен был назвать имя того, кто снабдил его слайдами и журналами. Журналы Али привез из своих поездок за границу, что было нетрудно, так как принцы редко подвергаются таможенному досмотру, который для них не более чем формальность. Что же касается слайдов, то ему их продал один иностранец, с которым Али познакомился на вечеринке, так что мой брат поспешил назвать его имя и адрес, чтобы перевалить поскорее вину на него. Позже мы узнали, что этот человек был арестован, выпорот плетьюми и депортирован.

Я чувствовала себя ужасно. Моя глупая затея поставила всю семью в неловкое положение. Я далеко не была уверена, что происшедшее послужит для Али уроком, но знала, что доставила неприятности родителям, а может, и каким-то совсем посторонним людям. К тому же, как мне ни стыдно в этом признаться, я ужасно боялась, что мое участие в этом деле будет каким-то образом раскрыто, и молила Аллаха о том, чтобы все—осталось в тайне. Я поклялась, что, если Аллах уберет меня на этот раз, я с этого дня буду самым примерным и послушным ребенком.

Омар проводил людей из мутава, а мы с матерью ждали, когда отец с Али вернется в гостиную. Отец тяжело дышал и, схватив Али за плечо, грубо втолкнул его в комнату. Али

посмотрел в мою сторону, и наши глаза встретились. Я видела, что он внезапно понял, кто был причиной его неприятностей. Но я видела также, что он скорее подавлен, чем сердит.

Я начала всхлипывать от сознания того, какое чудовищное преступление я совершила. Отец с жалостью взглянул на меня, затем ударил Али, крича, что тот расстроил всю семью, включая невинных детей. Впервые в моей жизни отец подошел ко мне, обнял, и сказал, чтобы я не волновалась.

Тут я почувствовала себя совершенно несчастной. То прикосновение, которого я ждала всю свою жизнь, оказалось незаслуженным и не принесло мне того счастья и блаженства, которое я мечтала испытать.

Но как бы то ни было, я достигла поставленной перед собой цели. Никто больше и не вспомнил о сломанном пальце Али и о том, что я спустила в унитаз его головной убор. Один грех перевесил другой, и оба они, в конце концов, перечеркнули друг друга.

ПОЕЗДКА

Несмотря на отгремевший семейный скандал, поездку в Египет и Италию не отменили, и, хотя мое настроение было изрядно испорчено, я собирала чемоданы и составляла список необходимых вещей, а Али то и дело маячил возле дверей моей комнаты. До последнего времени он почти не замечал меня – я была всего лишь девчонкой, не заслуживающей его внимания, низшим существом. Теперь, однако, он смотрел на меня по-другому, пораженный открытием, что я, женщина и младший ребенок в семье, оказалась опасным противником.

В день нашего отъезда потребовалось шесть лимузинов, чтобы доставить нас в аэропорт. В четырехнедельную поездку отправлялось двенадцать человек: Нура и Ахмед с тремя из своих пятерых детей, две их служанки-филиппинки, мы с Сарой, Али и его друг Хади.

Хади был на два года старше моего брата и учился в Религиозном Институте – мужской школе в Эр-Рияде, обучавшей тех, кто хотел идти работать в мутаву. Хади производил впечатление на взрослых тем, что без конца цитировал Коран. Мой отец был уверен, что Хади окажет благотворное влияние на его детей. Когда находились желающие слушать его, Хади громко выражал свое мнение о женщинах, заключавшееся в том, что все они обязаны сидеть дома. Он даже сказал Али, что именно женщины являются причиной всего зла, существующего на земле.

Я уже представляла, что за путешествие мне предстоит в компании этого ханжи и моего брата.

Мать не сопровождала нас в аэропорт – в последние дни она была очень грустна и немногословна. Думаю, что проступок Али серьезно обеспокоил её. Она распрощалась с нами в саду и долго махала рукой вслед удаляющимся лимузинам, стоя у ворот нашей виллы. Мать была под чадрой, но я знала, что она плачет. Что-то с ней было не так в последнее время. Я чувствовала это, но выяснять ничего не стала, занятая приготовлениями к путешествию.

Ахмед недавно купил новый самолет, так что наш полет был сугубо частным. Я заглянула в кабину – посмотреть, кто будет пилотировать самолет, в надежде увидеть тех же дружелюбных американцев, что везли нас с матерью в Джидду, но, к моему сожалению, их там не было. Впрочем, двое пилотов-англичан показались мне тоже весьма приятными людьми. Королевская семья вообще предпочитала нанимать в качестве пилотов англичан и американцев. Ахмед о чем-то совещался с пилотами, пока Нура со служанками сажали детей в самолет. Сара сняла чадру и, завернувшись в одеяло, принялась рассматривать свои книги. Хади с неудовольствием взглянул на нее и повернулся к Али, сердито шепча ему что-то на ухо. Тот приказал Саре не снимать вуали, пока мы не покинем Саудовскую Аравию. Сестра довольно резко сказала ему, что не собирается портить глаза, читая сквозь ткань, и посоветовала Али закрыть свой рот и оставить ее в покое.

Не успели мы взлететь, как произошла столь обычная для нас семейная сцена: я попыталась наступить Али на больной палец, но промахнулась, а он, в свою очередь, хотел

отвесить мне подзатыльник, но я сумела увернуться. Ахмед, как старший мужчина, прикрикнул на нас и приказал всем сидеть спокойно. Они с Нурой обменялись взглядами, не оставлявшими сомнений в том, что, не успев покинуть страну, они уже сожалеют, что берут с собой всю эту беспокойную компанию.

Есть три самых святых для любого мусульманина места – Мекка, Медина и Иерусалим. В сторону Мекки обращают свои молитвы более миллиарда мусульман на всем земном шаре, так как именно в этом городе Аллах впервые объявил свою волю пророку Магомету. Основами нашей религии являются пять обязательных ритуальных действий, именуемых столпами веры. Так, ислам требует, чтобы каждый мусульманин сделал все возможное и изыскал средства, чтобы совершить хаджж. Ни один мусульманин не может считать, что выполнил свой долг, если хотя бы раз в жизни не совершил паломничество в Мекку.

Второй город – Медина. Он считается городом пророка, так как именно там похоронен Магомет.

И, наконец, Иерусалим. Именно там пророк был вознесен Аллахом на небеса. Мусульмане всегда с горечью говорят об Иерусалиме, потому что город оккупирован и не доступен для людей нашей веры.

Если Мекка, Медина и Иерусалим являются источником веры для любого мусульманина, то Каир представляет собой образец торжества мусульманства. Каир как бы воплощает в себе достижения арабской цивилизации за прошедшие пятьдесят веков. Вообще Египет можно назвать источником гордости всех арабов. Когда думаешь о могуществе и богатстве древних египтян, об их культуре и науке, современные страны Персидского бассейна представляются карликами, несмотря на всю выгоду, выкачиваемую ими из нефтяных скважин.

Именно в Каире, городе, в котором жизнь бурлит уже много тысячелетий, я стала женщиной. В арабской культуре, где моменту перехода от ребенка к женщине придается столь большое значение, каждая девочка одновременно со страхом и удовлетворением встречает свои первые месячные. Я была просто поражена, когда некоторые из моих подруг из Европы и Америки рассказывали мне, что не знали, что происходит с ними, когда увидели свою первую кровь, а кое-кто из них даже решил, что умирает. Приход месячных – обычная тема для разговора в мусульманском мире. В этот момент ребенок становится взрослым. Обратного пути в теплый кокон детской невинности не существует.

В Саудовской Аравии появление первых месячных говорит о том, что пора выбирать первую чадру и абайю. Даже продавцы, мусульмане из Индии или Пакистана, относятся с уважением к девочке, покупающей себе первую чадру. Они стараются помочь выбрать то, что наилучшим образом подходит юной женщине.

Хотя чадра должна обязательно быть черного цвета, качество и вес материала могут быть самыми разными. Чадра может быть очень тонкой, позволяя окружающим видеть слабый контур запретного лица. Лучше, однако, приобретать чадру из более плотного материала, сквозь который хорошо видно, но в то же время он надежно защищает женщину от любопытных взглядов. Если женщина выбирает традиционную чадру из толстой черной ткани, ни один мужчина не сможет рассмотреть ничего за этим покровом, который не колышется, даже когда женщина глубоко вздыхает. Правда, такой выбор делает невозможным рассматривать драгоценности на золотом рынке или заметить в сумерках движущийся автомобиль. Должна сказать, что в дополнение ко всему этому многие женщины носят толстые черные перчатки и такие же чулки, чтобы ни один сантиметр запретной плоти не оказался выставленным на всеобщее обозрение.

Для тех, кто хочет проявить свою индивидуальность, есть много способов. Часто женская одежда шьется по специальному заказу и украшается самыми разнообразными ювелирными изделиями. Некоторые из женщин настолько обвешаны побрякушками, что мужчины оборачиваются на один только звон украшений. Сама абайя тоже часто украшается разнообразной вышивкой.

Женщины, особенно молодые, всячески стараются выделиться из толпы себе подобных.

Продавцы показывают им образцы одежды, которая должна соответствовать последним веяниям моды. Они показывают девушке, как сейчас принято запахивать покрывало, как завязывать абайю, чтобы нога была видна именно настолько, насколько ее можно выставить, не навлекая на себя риска попасть в поле зрения мутава. Каждая девушка старается подобрать для себя наиболее подходящую манеру носить абайю.

В магазин входит ребенок, а выходит оттуда уже женщина, одетая в абайю и чадру и считающаяся с этого момента достигшей возраста замужества. Арабские мужчины без всякого интереса смотрят на девочку, когда она входит в магазин, но как только она появляется в чадре, отношение к ней меняется. Теперь мужчины пытаются увидеть хоть что-то запретное, пусть это будет тоненькая полоска кожи между обувью и абайей. Скрытые чадрой, мы, арабские женщины, кажемся нашим мужчинам загадочными и соблазнительными.

Впрочем, я сейчас была в Каире, а не в Саудовской Аравии, так что появление первых месячных не означало ничего, кроме неудобства. Сара и Нура показали мне, что я должна делать, и сказали, чтобы я ни в коем случае не говорила об этом Али, так как тот немедленно приказал бы мне надеть чадру, хотя мы были и в Каире, а не дома, Сара смотрела на меня с грустью и вздыхала не переставая. Она-то знала, что ждет меня. Отныне я буду считаться опасной для всех мужчин, пока меня не выдадут замуж и не спрячут за стенами нового дома. В Каире у Ахмеда были великолепные апартаменты, занимавшие три этажа одного из современных зданий в центре города. Ахмед с Нурой поселились на верхнем этаже, чтобы никто не докучал им, а служанки-филиппинки, трое детей Нуры, Сара и я заняли второй этаж. Али, Хади и египетский проводник жили под нами. Мы с Сарой вздохнули с облегчением, когда узнали, что Али и Хади будут жить на другом этаже.

В первый вечер нашего пребывания в Каире Ахмед, Нура, Али и Хади решили отправиться в ночной клуб, чтобы посмотреть танец живота. Ахмед решил, что лучше будет, если мы с Сарой останемся дома с детьми и служанками. Сара не возражала, что же касается меня, то я подняла такой шум, что Ахмед не выдержал и в конце концов махнул на меня рукой.

Мне было четырнадцать лет, и я была настолько поражена страной фараонов, что громко провозглашала, что Каир – мой любимый город. Это чувство к Каиру и по сей день живет во мне. Возбуждение бурлящего, огромного города передалось и мне, так что душу мою охватили самые разнообразные чувства. Я видела гуляющих по улицам мужчин и женщин в самой разнообразной одежде, людей, ищущих приключений и пытающихся обрести новые возможности. Я поняла, что моя прошлая жизнь была пресной и что Каир являет собой полную противоположность городам моей страны, казавшимся мне стерильными и безжизненными.

В Каире полно нищих, и это поначалу угнетало меня, однако, по зрелому размышлению, я решила, что и в этом есть свой плюс, так как в борьбе противоположностей я увидела возможность движения вперед. Бедность многих толкает на борьбу за перемены, а без этого ни одно государство не сможет динамично развиваться. Я снова вспомнила Саудовскую Аравию с ее всеобщим благосостоянием, ведущим к застою и разложению.

Безусловно, в нашей стране существуют различные классы: от богатейших членов королевской семьи до низкооплачиваемых рабочих, но никто из них, включая иностранную рабочую силу, не лишен самого необходимого. Наше правительство гарантирует благосостояние всех саудовцев. Каждый мужчина имеет право на собственный дом, медицинское обслуживание, образование, работу и даже деньги на питание, если заработка ему не хватает. Женщин обеспечивают мужчины их семей, будь это муж, отец, брат или кузен.

В результате удовлетворения всех основных потребностей искра жизни, которую разжигает неудовлетворенность, безнадежно угасла в моей стране. Из-за этого я почти отчаялась дожидаться, что Саудовская Аравия окажется в состоянии перевернуть очередную страницу своей истории. Мы слишком богаты и слишком ленивы, чтобы пытаться изменить что-либо в жизни нашей страны. Когда мы ехали по Каиру, я сказала об этом своим спутникам, но, кроме Сары, никто не понял, что я имею в виду.

Садилось солнце, и небо за резкими контурами пирамид золотилось в его закатных лучах.

Могучий Нил величаво катил свои воды через город и дальше, в пустыню. Глядя на все это, я чувствовала, как кровь закипает у меня в жилах.

Али со своим приятелем были в ярости оттого, что нам с Сарой, двум незамужним женщинам, позволили поехать в ночной клуб. Хади долго и нудно внушал моему брату, что это ничто иное, как подрыв устоев, и победно заявил, что все его сестры вышли замуж в возрасте четырнадцати лет и что до этого их тщательно оберегали мужчины его семьи. Он сказал, что поскольку считает себя глубоко религиозным человеком, то обязательно доложит моему отцу об этом недостойном поведении. Мы с Сарой, осмелевшие оттого, что находились далеко от Эр-Рияда, корчили ему рожи и говорили, что лучше бы ему держать свое мнение при себе.

Хади пожирал танцовщиц глазами, но в то же время отпускал в их сторону грубые замечания и без конца повторял Али, что все они шлюхи и что будь его воля, он приказал бы забить их камнями. Вообще этот Хади казался мне напыщенным ослом. Даже Али устал от его лицемерия и начал нетерпеливо барабанить пальцами по столу и демонстративно смотреть по сторонам.

После поведения и высказываний Хади я была просто потрясена тем, что произошло на следующий день.

Ахмед нанял лимузин, чтобы отвезти нас с Сарой и Нуру за покупками, сам отправился на какую-то деловую встречу, а гид-египтянин, бывший по совместительству шофером, повез филиппинок с детьми в бассейн отеля «Mega House». Когда мы уезжали, Али и Хади еще спали, утомленные вчерашним походом в ночной клуб.

Изнуряющая городская жара вскоре утомила Сару, и я предложила ей поехать домой, оставив Нуру делать покупки. Нура не возражала и велела шоферу отвезти нас, а затем вернуться за ней.

Когда мы вошли в дом, то услышали сдавленные крики, доносившиеся из комнаты приятелей. Дверь была не заперта, и мы с Сарой окаменели на пороге, когда увидели, что происходит. Хади насиловал совсем еще маленькую девочку, ребенка лет восьми, а Али держал ее, чтобы бедняжка не могла вырваться. Повсюду была кровь, а наш брат и Хади громко хохотали.

При виде этой кошмарной сцены с Сарой сделалась истерика, она громко закричала и бросилась бежать. Разъяренный Али вытолкнул меня за дверь и сбил с ног, так что я покатила по лестнице. Я отчаянно пыталась придумать, что же делать, как вдруг раздался звонок в дверь. Я увидела, как Али открывает дверь и впускает женщину-египтянку лет сорока. Он протянул ей пятнадцать египетских фунтов и спросил, есть ли у нее еще дочери. Женщина сказала, что есть и что она приведет одну из них завтра. Хади выволок плачущего ребенка. Мать, не моргнув глазом, взяла содрогающуюся от рыданий девочку за руку и пошла прочь.

Ахмед не был удивлен, когда Нура рассказала ему о происшествии, свидетелем которого пришлось стать нам с Сарой. Он поджал губы и сказал, что разберется с этим. Позже он сказал Нуре, что мать сама продала своего ребенка, противозаконного не случилось.

Даже после того, как мы застали брата с Хади за таким постыдным занятием, они продолжали вести себя как ни в чем не бывало. Когда я спросила Хади, как он может считать себя религиозным человеком после того, что позволил себе, он просто расхохотался мне в лицо. Повернувшись к Али, я пригрозила ему, что расскажу отцу, как он охотится за маленькими девочками, но брат тоже рассмеялся, наклонился ко мне и прошипел:

– Скажи ему, я не возражаю!

Он сказал, что отец сам дал ему адрес человека, предоставляющего подобного рода услуги, а затем добавил, что с маленькими девочками куда интереснее, а, кроме того, отец сам всегда делает то же самое, когда бывает в Каире.

Я чувствовала себя так, как будто меня посадили на электрический стул – мозг мой пылал, рот широко открылся, и я непонимающе смотрела па брата. Первой моей мыслью было, что все мужчины просто подонки. Мне хотелось стереть из памяти воспоминание об этом ужасном дне и вернуться к безоблачным мечтам моего детства. Наконец, не найдя, что сказать в ответ, я

повернулась и молча пошла прочь, с ужасом думая, что же еще готовит мне ужасный мир мужчин.

Я по-прежнему считала Каир чудесным городом, по мысли о том, как благотворно влияет бедность на общество, оставили меня. Несколько дней спустя я снова увидела, как та же египтянка стучит в дверь нашего дома, держа за руку очередную маленькую девочку. Я хотела поговорить с ней, чтобы выяснить, как может быть, что мать продает свое дитя, однако, увидев мое лицо, женщина поспешила удалиться.

Сара, Нура и я долго обсуждали этот феномен, и Нура грустно сказала, что, по словам Ахмеда, это обычная практика во многих странах. Когда я раздраженно вскричала, что скорее бы умерла от голода, чем продала своего ребенка на поругание, Нура согласилась со мной, но заметила, что легко говорить так, когда когти голода впиваются не в твой желудок.

Вскоре мы оставили Каир, и у Сары появилась возможность увидеть Италию, о которой она так долго мечтала. Стоило ли ей пережить то, что она пережила, чтобы ее мечта осуществилась? Сама она сказала, что реальность превзошла ее ожидания.

Мы посетили Венецию, Флоренцию и Рим. Веселый смех и жизнерадостный говор итальянцев до сих пор стоят у меня в ушах. Я считаю их любовь к жизни величайшим благом, большим даже, чем их искусство и архитектура. Рожденная в унылой стране, я восхищаюсь народом, который старается не принимать себя слишком всерьез.

В Милане Нура за несколько дней потратила столько денег, сколько большинство людей не зарабатывают в течение всей своей жизни. Они с Ахмедом самозабвенно делали покупки, и создавалось впечатление, что этим они стараются заполнить какую-то пустоту в своей жизни.

Хади и Али проводили большую часть своего времени, покупая женщин, так как улицы итальянских городов и днем и ночью полны теми, кто согласен продать себя любому, готовому заплатить назначенную цену. Я увидела Али таким, каким он был всегда – эгоистом, не желающим думать ни о чем, кроме своих удовольствий. Но я знала, что Хади гораздо хуже и опаснее моего брата, так как он, покупая женщин, презирал их за роль, выполняемую ими в этой сделке. Он желал их, но в то же время ненавидел и их, и систему, которая позволяет им распоряжаться собой по своему усмотрению. Его лицемерие казалось мне квинтэссенцией всего дурного, что есть в мужчинах.

Когда наконец наш самолет коснулся посадочной полосы в аэропорту Эр-Рияда, я знала, что мне надо готовиться не к самому приятному событию в жизни. Мне было четырнадцать, отныне меня будут считать женщиной, и я не знала, какая судьба ожидает меня. Каким бы ни было мое детство, мне ужасно не хотелось расставаться с ним. У меня не было сомнений, что моя жизнь женщины станет постоянной борьбой против порядков моей страны, которая жертвует нами во имя торжества мужчины.

Однако мои страхи были ничто по сравнению с тем, что ждало меня дома. Приехав домой, мы узнали, что наша мать умирает.

КОНЕЦ ПУТИ

Единственно, в чем можно быть уверенным в нашей жизни на сто процентов, так это в том, что когда-нибудь умрешь. Наша мать была женщиной, безоговорочно верившей в слова пророка Магомета, поэтому со смирением приняла мысль о том, что жизненный путь ее пришел к своему концу. Она жила праведно, не нарушая законов ислама, и знала, что ей нечего бояться. Одно беспокоило ее – судьба незамужних дочерей. Мать была нашей единственной опорой и поддержкой и знала, что без нее за нас некому будет заступиться.

Она призналась нам, что знала о своей приближающейся смерти еще до нашего отъезда. Основанием для этого послужили три очень ярких сновидения, посетивших ее.

Родители моей матери умерли от лихорадки, когда ей исполнилось всего восемь лет от роду. Поскольку она была единственной их дочерью, то именно ей пришлось ухаживать за родителями во время их короткой, но смертельной болезни. Казалось, они уже поправляются,

когда однажды, во время песчаной бури, отец поднялся на локтях, с улыбкой взглянул на небо, пробормотал всего три слова: «Я вижу сад» и умер. Мать умерла вскоре после него, не произнеся ни единого слова.

Как только у нашей матери появились первые месячные, братья выдали ее замуж за моего отца.

Отец моей матери был добрым и мягким человеком и любил дочь так же, как и сыновей. Когда другие мужчины племени жаловались при рождении дочери, дедушка только смеялся и говорил, что они должны благодарить Аллаха за то, что в их доме прибавилось тепла. Мать говорила, что ее никогда бы не выдали замуж в столь юном возрасте, будь жив отец. Она верила, что он позволил бы ей насладиться еще несколькими годами детства.

Мы с Сарой сидели у постели матери, пораженные снами, о которых она нам рассказала. Первое видение посетило ее за четыре дня до того, как мы получили известие о попытке самоубийства Сары. Мать рассказывала нам:

Я увидела себя в бедуинском шатре. Это был точно такой же шатер, как тот, в котором я провела свое детство. Я была поражена, когда увидела своих отца с матерью, молодых и здоровых, сидящих у очага, на котором варился кофе. В отдалении слышались голоса братьев, загоняющих на ночь овец. Я бросилась к родителям, но они не видели меня, хотя я громко называла их по именам.

Двое моих братьев, один из которых уже умер, вошли в шатер и сели рядом с родителями. Они пили теплое верблюжье молоко из маленьких чашек, а отец молот кофейные зерна. А потом отец прочитал стихотворение, которое придумал сам. В нем говорилось о рае, ожидающем всех добрых мусульман. Стихи были простые, и я запомнила их. Они звучали так:

*Там, где чистые, быстрые реки текут,
И зеленые кроны спасают от зноя,
Там, где сочные фрукты лежат под ногами,
Там, где мед с молоком без конца и без края,
Там души любимых все ждут терпеливо
Тех, кто прикован к грешной земле.*

На этом и закончился сон. Мать сказала, что не слишком задумывалась о нем, посчитав, что Аллах дал ей знать, что ее семья находится в раю.

Через неделю после возвращения Сары домой матери приснился второй сон. Теперь она увидела всех членов своей семьи, сидящих в тени пальмового дерева. Они ели какую-то изысканную пищу из серебряных тарелок. В этот раз они увидели ее, и отец с матерью встали, чтобы поприветствовать свою дочь. Отец взял ее за руку и пытался уговорить присесть и поесть с ними.

Мать сказала, что очень испугалась во сне и попыталась убежать, но отец так крепко держал ее за руку, что она не могла вырваться. Тогда она сказала, что у нее нет времени есть с ними, потому что она должна заботиться о младших детях. Но ее мать положила ей руку на плечо и сказала: «Фадила, Аллах позаботится о твоих дочерях. Пришло время оставить их Ему».

Тут мать внезапно осознала, что это ее дети, те которых она потеряла, когда они были еще малышами. Они собрались вокруг нее, все пятеро, и она начала играть с ними и ласкать их.

Да, мать уходила к тем, кого когда-то потеряла, и оставляла тех, кто любил ее. Она покидала нас.

К счастью, наша мать не сильно мучилась перед смертью. Мне кажется, что Аллах, зная, какую жизнь ей пришлось прожить, не считал нужным сделать ее уход слишком болезненным.

У смертного одра матери собрались все ее дочери, окружив ее любовью и лаской. Она поочередно смотрела на нас, не говоря ни слова, но мы знали, что она прощается с нами. Когда глаза ее остановились на мне, я увидела мелькнувшее в них беспокойство. Она знала, что мне, которая никогда не любила подчиняться, придется в жизни тяжелее остальных моих сестер.

Тело матери было обмыто и приготовлено к погребению старшими женщинами нашей семьи. Я видела, как они заворачивают в белое полотно ее худое тело, иссушенное многочисленными родами и болезнью. На лице ее застыло спокойствие человека, освободившегося от всех земных забот. В смерти она показалась мне моложе, чем в жизни. Трудно было поверить, что она родила шестнадцать детей, из которых одиннадцать выжило.

В доме у нас собралась вся семья, включая остальных отцовских жен и их детей. Вслух зачитывались стихи из Корана, а затем запеленатое тело матери погрузили в лимузин, и Омар увез его.

Наши обычаи не позволяют женщинам присутствовать на похоронах, но мы с сестрами так дружно упрашивали отца, что он согласился, взяв с нас слово, что мы не будем рыдать и рвать па себе волосы. Так что вся наша семья последовала за матерью к месту ее последнего успокоения, далеко в пустыню.

В исламе скорбеть по умершим – значит выражать неудовольствие волей Аллаха. Кроме того, наша семья происходит из Неджда, а по тамошним обычаям не принято выражать по этому поводу скорбь или носить траур.

Слуги-суданцы уже выкопали могилу в пустынном, песчаном месте. Али, единственный сын нашей матери, снял с ее лица белое покрывало, и тело было бережно опущено в могилу. Сестры мои стояли в отдалении, а я не могла отвести от могилы взгляда. Я была последним ребенком, которого она родила, и решила не отходить от могилы до конца церемонии. Осознание непоправимости случившегося охватило меня, когда я увидела, как слуги засыпают красным песком ее лицо и тело.

Глядя, как песок навсегда скрывает от меня ту, которую я так любила, я вспомнила чудесные строки великого ливанского философа Кахлила Джибрана: *«Пусть похороны среди людей станут праздником среди ангелов»*. Я представила свою мать, сидящую вместе со своими родителями, увидела, как она держит на руках своих давно умерших детей. Я поверила в то, что еще придет время, когда я снова смогу ощутить ласковое прикосновение матери и, улыбнувшись, подошла к сестрам, изумленным выражением спокойствия и радости на моем лице. Я процитировала им стих, который Аллах послал мне, чтобы уменьшить боль, и сестры согласно закивали, пораженные глубиной слов Кахлила Джибрана.

Итак, мы оставили мать в безмолвии пустыни, по я знала, что не имеет значения отсутствие знака на ее могиле, что не прочел над пей молитву священник, чтобы почтить память простой женщины, которая согрела всех пас своей любовью. Наградой ей стало воссоединение с теми, кто ее любил, и теперь она может в покое ждать нас.

Впервые в жизни я увидела, что мой брат Али чувствует себя потерянным, и поняла, что он тоже глубоко переживает смерть матери. Отец говорил мало и уехал в тот же день. После этого он посылал нам свои распоряжения через вторую жену, ставшую после смерти матери старшей.

Но прошло и месяца, как мы узнали от Али, что отец собирается жениться, так как богатым людям в нашей стране полагается иметь четырех жен. Коран гласит, что со всеми женами необходимо обращаться одинаково. В Саудовской Аравии это нетрудно. Самый простой бедуин может обеспечить женам равные условия, установив каждой из них свою отдельную палатку. Поэтому не только богатые, но и бедные саудовцы часто имеют четырех жен. Хуже всего в этом смысле приходится представителям среднего класса, так как труднее обеспечить четверем женам средний уровень жизни.

Отец планировал взять в жены одну из наших кузин, Ранду, Девушку, с которой мы были знакомы с детства. Мы даже часто играли вместе. Ей исполнилось пятнадцать лет, и она была всего на год старше меня, его младшей дочери от первой жены.

Через четыре месяца после смерти матери я присутствовала на свадьбе отца. Мне очень не хотелось этого, так как я, по попятным причинам, была рассержена на отца за то, что он так скоро забыл о матери, родившей ему шестнадцать детей и столько лет прожившей в его доме,

помогая ему во всем.

Впрочем, сердита я была не только на отца. Я чувствовала ненависть к Ранде, своей бывшей подруге, которой предстояло теперь стать его четвертой женой и заполнить пустоту, образованную смертью моей матери.

Свадьба была пышной, а невеста молодой и красивой. Впрочем, моя злость на Ранду прошла, как только я увидела ее лицо, когда отец уводил девушку с церемонии к брачному ложу. Ее губы дрожали от страха! Как пламя в газовой горелке исчезает от одного поворота крана, так и моя ненависть к Ранде превратилась в сострадание, когда я увидела, в каком состоянии она находится. Я почувствовала стыд за свою враждебность, осознав, что Ранда всего лишь одна из нас, беспомощная женщина в стране, где правят мужчины.

Отец отправился проводить медовый месяц с молодой женой в Париж и Монте-Карло. Я ждала возвращения Ранды и поклялась себе, что постараюсь разжечь в новой жене отца стремление к борьбе за освобождение женщин в нашей стране.

Я знала, что отец будет уязвлен, если его молодая жена проснется от спячки и заявит о себе. Я не могла простить ему легкости, с которой он забыл мою мать – прекрасную женщину и верную жену.

ПОДРУГИ

Возвратясь из свадебного путешествия, отец с Рандой поселились у пас на вилле, потому что по закону Ранда, как новая жена, должна была взять на себя обязанности матери по отношению к нам, детям прежней, умершей жены отца. Поскольку я, самая младшая из всех, была всего на год моложе Ранды, в нашей ситуации этот обычай оказывался нелепостью. Впрочем, в Саудовской Аравии никому нет дела до каждой конкретной ситуации, поэтому Ранда поселилась в нашем доме и, хотя она была не более чем ребенком, изображающим из себя женщину, ей пришлось делать вид, что она управляет всем нашим хозяйством.

Ранда вернулась из поездки непривычно тихой и выглядела почти сломленной. Она мало говорила, никогда не улыбалась и ходила по нашей вилле с такой осторожностью, словно боялась что-то сломать или разбить. Отец был явно доволен своим новым приобретением и проводил все свободное время у себя вместе с юной женой.

Пошло три недели, в течение которых отец уделял Ранде все то же неустанное внимание, так что Али даже отпустил в моем присутствии шутку по поводу его сексуальной мощи. Я спросила его, а думает ли он о том, что чувствует Ранда, которой пришлось выйти замуж за человека много старше ее, за человека, которого она не знала и не любила. Выражение лица моего брата не оставляло никаких сомнений в том, что эта мысль никогда не приходила ему в голову. Узость его кругозора не давала ему возможности смотреть на вещи широко. Я подумала, что на примере Али ясно видно, что душа саудовского мужчины – это темное болото эгоизма, недоступное какому-либо состраданию.

Мы с Рандой по-разному смотрели на жизнь. Она считала, что надо принимать жизнь такой, как она есть, я же считала, что смиряться нельзя, что нужно пытаться сделать жизнь такой, какой ты себе ее представляешь. Ранда была болезненно застенчивой и робкой, тогда как я всегда чувствовала в себе жизненную силу, позволявшую мне противостоять суровой действительности.

Я заметила, что Ранда постоянно смотрит на стрелки часов и начинает нервничать задолго до того, как приходило время отцу вернуться домой на обед или ужин. Оказывается, он велел ей, чтобы она успевала поесть до его приезда, а затем принимала душ и готовилась к встрече с мужем.

Каждый день ровно в полдень Ранда приказывала подавать себе обед. Она быстро ела и уходила в свои комнаты. Отец приезжал в час, обедал и шел к своей новой жене. В пять часов

вечера он снова уезжал в свой офис⁴.

Видя, как подавлена Ранда, я подумала о том, что не мешало бы процитировать отцу изречение из Корана, в котором говорилось, что каждый мусульманин должен делить свое время поровну между всеми своими женами. Отец же после женитьбы на Ранде полностью игнорировал остальных трёх своих жен. Впрочем, по здравом размышлении я решила не искушать судьбу и оставила эти мысли.

По вечерам все повторялось. Ранда приказывала подать себе ужин в восемь, ела и уходила в свои комнаты принимать раину и готовиться к встрече с мужем. Больше мы ее не видели до того момента, пока отец не уезжал утром в свой офис. Ей было приказано не выходить из спальни, пока он не уедет.

Наблюдая безрадостную, унылую жизнь Ранды, я не выдержала и решилась на рискованное мероприятие. У меня были две подруги, которые даже меня путали своей отчаянностью. Я подумала, что их пример может пробудить Ранду от спячки. Тогда я еще не понимала, какого джинна, выпустила на свободу, создав своеобразный девичий клуб, единственными членами которого были Ранда, мои подруги и я сама.

Мы назвали свой клуб «Бойкие языки», так как считали своей задачей путем обсуждений и разговоров набраться храбрости для вступления в борьбу против угнетенной роли женщины в нашем обществе. Мы поклялись делать следующие вещи:

Использовать любую возможность, чтобы высказаться о правах женщин.

Каждый член брал на себя обязательство привлекать в клуб ежемесячно нового члена.

Выступить против того, чтобы молодых девушек выдавали замуж за стариков.

Мы, молодые женщины Аравии, понимали, что мужчины нашей страны никогда не станут думать о проблемах представительниц нашего пола, не говоря уже об изменениях нашего статуса. Мы верили, что мужчины в Саудовской Аравии могут править только до тех пор, пока женщины молча соглашались с существующим положением вещей. Мы решили, что долгом каждой женщины является в своем узком кругу распространять эти идеи. Никаких решительных действий мы не собирались предпринимать. Наши женщины настолько забиты веками рабства, что сначала необходимо пробудить их дух.

Две мои подруги, Надя и Вафа, не принадлежали к королевской семье, они были дочерьми богатых семей Эр-Рияда.

Отец Нади был владельцем крупной компании, занимающейся строительными подрядами. На него работали тысячи наемных рабочих из Шри-Ланки, Филиппин и Йемена. Он был почти так же богат, как члены королевской семьи, и без труда содержал трёх жен и четырнадцать детей. Наде исполнилось семнадцать, и она была средней из семи сестер. Она видела, как ее сестер выдали замуж, руководствуясь исключительно деловыми соображениями. Сестрам ее повезло, у всех брак оказался удачным, и они чувствовали себя вполне счастливыми со своими мужьями, оказавшимися неплохими людьми. Надя говорила, что такое везение не может длиться до бесконечности, и была уверена, что уж ей-то достанется старый, уродливый и жестокий муж.

Впрочем, Наде повезло по сравнению с большинством саудовских женщин – отец решил, что она должна продолжать свое образование. Он сообщил Наде, что не будет принуждать ее выходить замуж, пока ей не исполнится двадцать один год. Поскольку граница была установлена, Надя решила не терять времени. Она заявила, что раз у нее есть еще четыре года свободы, она постарается за это время попробовать в жизни все, что только возможно, чтобы было о чем вспомнить потом, когда ей придется влачить унылое существование замужем за каким-нибудь стариком.

У Вафы ситуация была другой: ее отец являлся одним из руководителей мутава, и его

---

⁴ В Саудовской Аравии рабочий день разделен надвое: с девяти утра до часу дня, затем четырехчасовой перерыв, а потом работа продолжается с пяти до восьми вечера. (Прим. пер.)

экстремизм породил экстремизм дочери, которая не хотела мириться с порядками в доме. У ее отца была всего одна жена, мать Вафы, и он слыл очень жестоким и злым человеком. Вафа говорила, что не хочет иметь ничего общего с религией, которая выбирает своими лидерами таких людей, как ее отец. Вафа верила в Аллаха и в то, что Магомет был его пророком, однако считала, что последователи Магомета исказили его учение, так как ни один Бог не позволил бы такого отношения к женщине, созданной им самим.

Для того чтобы сделать такие выводы, Вафе не надо даже было выходить из дома. Достаточно было взглянуть на ее мать. Бедной женщине запрещалось покидать дом; она была постоянной пленницей своего фанатичного мужа. Из ее шестерых детей пятеро были сыновьями, к тому времени уже взрослыми. Когда родилась Вафа, отец был страшно разочарован. Он совершенно игнорировал свою дочь, ограничиваясь в общении с ней одними приказаниями. Он велел ей сидеть дома и учиться шить и готовить. С семилетнего возраста он заставлял ее носить абайю и покрывать волосы. Каждое утро, с тех пор как ей исполнилось девять лет, отец спрашивал ее, не появились ли у нее месячные. Он боялся, что его дочь может появиться на людях с открытым лицом после того, как в глазах Аллаха она уже станет женщиной.

У Вафы было мало подруг, а те, что были, переставали приходить к ней после того, как ее отец открыто спрашивал у них о месячных.

Мать Вафы, измученная бесконечными придирками мужа, в конце концов приняла решение молча противостоять его самодурству. Она помогала дочери незаметно улизнуть из дому, а на вопросы мужа отвечала, что Вафа спит или изучает Коран.

Я считала себя отчаянной бунтовщицей, но Вафа с Надей только смеялись надо мной, говоря, что одной болтовней ничего не решить. Они считали, что все мои попытки пробудить сознание ни к чему не ведут. Моя жизнь и в самом деле не изменилась, и я решила, что они правы.

Никогда не забуду инцидента, происшедшего однажды в городе возле рынка, недалеко от того места, которое иностранцы называют «Площадь чоп-чоп», подражая звуку ударов топора, которым преступникам рубят головы и руки по пятницам.

Я скрывала от отца появление у меня месячных, так как хотела оттянуть, насколько возможно, облачение в чадру. Я бы и дальше продолжала скрывать это, но Нура с Ахмедом решили, что я и так слишком долго откладываю неизбежное. Итак, я собрала своих подруг, включая Ранду, и мы отправились приобретать для меня новую «форму одежды» – черную накидку, черную чадру и черную абайю.

Омар подвез нас к рынку, мы вчетвером вышли из лимузина и договорились с ним о встрече на том же месте через два часа. Обычно Омар сопровождал нас по рынку, чтобы присмотреть за нами, но в тот день ему потребовалось что-то отремонтировать в автомобиле, и он воспользовался случаем сделать свои дела, пока мы ходим за покупками. Кроме того, он посчитал, что раз дочь хозяина сопровождает мачеха, то опасаться нечего. Он и представить себе не мог, что Ранда медленно, но верно просыпается от многолетней спячки.

Мы неторопливо прогуливались по рынку, ощупывая и рассматривая самые разнообразные шарфы, вуали и абайи. Мне хотелось приобрести для себя что-нибудь особенное, что выделяло бы меня из толпы. Я пожалела, что не заказала себе абайю в Италии, из тонкого итальянского шелка, такую, чтобы сразу было видно, что под ней скрывается женщина со вкусом и индивидуальностью.

На всех моих подругах была традиционная одежда, все они носили чадру, по я заметила, что Надя с Вафой все время переглядываются и перешептываются. Мы с Рандой умили шаг, и я спросила подруг, над чем они хихикают. Надя наклонилась ко мне и сказала, что они вспоминают одного мужчину, с которым встречались на рынке.

Мужчина? Я бросила взгляд на Ранду. Мы обе были поражены услышанным.

Для того чтобы найти подходящую абайю, нам потребовался всего час, так как выбор оказался весьма ограниченным.

Я чувствовала, что жизнь моя изменилась – я вошла на рынок личностью с открытым лицом, а уходила оттуда безликим созданием, с головы до йог укутанным в черное.

Должна признать, что первые минуты под чадрой возбудили меня. Все теперь казалось мне и другим, и я с интересом наблюдала, как смотрят на меня мужчины, для которых я теперь стала таинственной незнакомкой. Я знала, что они только и ждут, чтобы ветерок откинул вуаль с моего лица и они могли бы заметить хоть полоску запретной кожи. На какое-то мгновение я почувствовала себя красавицей, которую скрывают от мужчин, чтобы не возбуждать в них неконтролируемые желания.

Впрочем, ощущение новизны быстро прошло. Покинув прохладу рынка и выйдя на палящее солнце, я стала задыхаться. Воздух с трудом проникал сквозь черную ткань и казался застоявшимся и мертвым, словно профильтрованным. Я выбрала самую тонкую из имевшихся на рынке вуалей, однако мне казалось, что я теперь смотрю на жизнь сквозь какой-то экран. Я ломала голову, как другие женщины могут что-то видеть сквозь более толстую материю? Небо не было больше голубым, солнце светило тускло; мое сердце екнуло, когда я представила себе, что отныне за пределами дома все окружающее будет лишено для меня своих естественных красок. Мир внезапно стал скучным, и, что еще важнее, опасным! Я осторожно шла, опасаясь ненароком выставить лодыжку или, упаси Аллах, колено.

Мои подруги смеялись над моими страхами и над тем, как при малейшем ветерке я судорожно хватаюсь за чадру. По пути я встретила несколько женщин-бедуинок и позавидовала их вуалям, которые закрывают только нос и рот, оставляя открытыми глаза. Как же мне хотелось в тот момент быть бедуинкой! Я бы смирилась с чадрой, если бы моим глазам было позволено видеть мир таким, каков он есть.

Мы пришли на место встречи с Омаром задолго до назначенного времени. Ранда посмотрела на часы и сказала, что у нас еще почти целый час. Она предложила вернуться па рынок, где было попрохладнее. Надя с Вафой спросили нас, не хотим ли мы повеселиться. Я согласилась не задумываясь, а Ранда переминалась с пятки па носок, высматривая, не появится ли где Омар. Было видно, что она почувствовала себя неуютно при одном только упоминании о веселье. Я всегда обладала даром убеждать людей и без труда уговорила Ранду отправиться с подругами. Мне было любопытно посмотреть, как женщины могут нарушать установленные правила. Бедная Ранда просто подчинилась более сильной воле.

Наши подруги обменялись заговорщическими улыбками и сказали, чтобы мы следовали за ними. Они повели нас к строительной площадке неподалеку от рынка. Там работали мужчины, в основном, иностранцы.

Мы вчетвером осторожно пробрались среди лавочек и мелких строений, а затем вышли на дорогу. Ранда вскрикнула и хлопнула меня по руке, когда я откинула вуаль, чтобы лучше видеть приближающиеся автомобили. Я вдруг осознала, что показала свое лицо всей улице! Мужчины были поражены свалившейся на них удачей, так как им удалось увидеть лицо женщины в общественном месте! Я поняла, что лучше попасть под автомобиль, чем показать свое лицо на улице.

Мы вошли в здание и подошли к лифту. Я была потрясена поведением своих подруг: Вафа и Надя подошли к симпатичному иностранцу, по виду – сирийцу, и спросили его, не желает ли он повеселиться. На какое-то мгновение мне показалось, что он сейчас убежит, так как было видно, что он испуган. Он огляделся по сторонам и нажал па кнопку лифта, но потом передумал, почувствовав, что ему представляется редкая возможность пообщаться с саудовскими женщинами. Он спросил, о каком веселье идет речь. Вафа спросила его, есть ли у него машина и квартира. Он ответил утвердительно, добавив, что делит комнату со своим товарищем, ливанцем. Надя поинтересовалась, не нужна ли его приятелю подруга, на что сириец ухмыльнулся и ответил, что подружки нужны им обоим. В этот момент мы с Рандой как раз настолько оправались от потрясения, что были в состоянии передвигать ноги, поэтому, подобрав подола наших одеяний, бегом бросились прочь, в ужасе от того, что подвергли свои жизни такой опасности. На бегу я потеряла свою накидку и, вернувшись за ней, столкнулась с

Рандой, которая упала, выставив на всеобщее обозрение свои ноги.

Мы стояли, с трудом переводя дух, возле какого-то магазинчика, когда Надя и Вафа нашли нас. Подойдя, они принялись хохотать, как безумные. Оказывается, они видели всю цепу нашего бегства, которая развеселила не их одних.

Мы принялись шепотом ругать их, спрашивая, как они могли додуматься до того, чтобы так рисковать. Знакомиться с мужчинами! С иностранцами! Что такого веселого они планировали делать? Разве они не знают, что Ранда будет забита камнями, а мы попадем в тюрьму или тоже будем убиты? Веселье – это когда весело, а то, что они собирались сделать, иначе, как самоубийством, и не назовешь!

Однако Надя и Вафа только смеялись и пожимали плечами, не обращая никакого внимания на наше возмущение. Они знали, что, если их поймают, они будут жестоко наказаны, однако это их не беспокоило. Они считали свое будущее таким безрадостным, что не боялись потерять его. Впрочем, они говорили, что надеются встретить подходящих иностранцев и выйти за них замуж. Они готовы были на все, лишь бы не оказаться женами саудовцев!

Мне показалось, что Ранда лишится рассудка от ужаса. Она сорвалась с места и побежала искать Омара. Ранда знала, что от моего отца ей не ждать пощады/ узнай он, что его жена принимает участие в таких затеях.

Увидев нас, Омар обеспокоено спросил, что произошло. Ранда начала было говорить, но я прервала ее и сказала, что мы стали свидетельницами происшествия на рынке, когда подросток пытался украсть с прилавка золотое ожерелье. Я сказала, что продавец избил его и отдал в руки полиции. Голос мой дрожал, когда я говорила Омару, как нам жаль мальчишку, ведь теперь ему отрубят за это руку. Омар поверил моей истории, и я облегченно перевела дух. Ранда благодарно пожала мою руку.

Позже я узнала, что Надя" и Вафа называли «весельем». Они встречались с иностранцами, обычно жителями соседних арабских стран, иногда с англичанами или американцами. Они старались выбрать красивого на внешность мужчину, такого, какого, по их мнению, они могли бы полюбить. Делали они это обычно возле лифтов. Иногда мужчина пугался и скрывался в лифте, чтобы избежать неприятностей. Чаще же мужчин заинтересовывало предложение девушек. В этом случае Надя и Вафа договаривались о встрече с ним на этом же самом месте. Затем, когда наступало назначенное время, девушки делали вид, что отправляются за покупками. Шофер отвозил их на рынок, они покупали пару вещиц, а затем спешили в назначенное место. Иногда мужчина все-таки не приходил, иногда ждал, пугливо озираясь по сторонам. Если у него был фургон, то девушки быстро залезали на заднее сиденье, где никто не мог их заметить. Мужчина отвозил их к себе домой, и они осторожно, чтобы не привлекать внимания, выбирались из машины и шли к нему. Все они знали, что в случае разоблачения наказание будет суровым, скорее всего, все участвующие в этом мероприятии будут казнены.

Объясню, почему для этого нужен именно фургон. В Саудовской Аравии мужчинам и женщинам запрещено находиться в одном автомобиле, если они не близкие родственники. Если мутава что-либо заподозрит, то машина будет остановлена для выяснения личности едущих в ней. Добавлю, что одиноким мужчинам запрещено приводить в свой дом женщин. При подозрении в нарушении этого закона мутава может окружить дом и арестовать всех, находящихся в нем.

Я опасалась за своих подруг и снова и снова предупреждала их о возможных последствиях их поведения, но они не желали меня слушать, говоря, что жизнь им наскучила, и нет смысла слишком дорожить ею. Иногда они набирали наугад телефонные номера, пока не ответит иностранец. Они готовы были встретиться с любым, лишь бы он не был саудовцем или йеменцем. Они спрашивали его, не одинок ли он и не хочется ли ему провести время в компании девушек. Как правило, они получали утвердительный ответ, так как женщин из других стран редко пускают в Саудовскую Аравию, а большинство иностранных рабочих трудятся у нас по контракту, запрещающему привозить с собой семьи. После того, как основная договоренность была достигнута, девушки просили мужчину описать им свое тело.

Польщенный таким вниманием, мужчина обычно подробно описывал им себя и просил сделать то же самое. Тогда Надя с Вафой описывали себя с ног до головы, не упуская ни малейшей подробности. Это здорово возбуждало их, и подружки часто потом договаривались о встрече.

Мне было любопытно, насколько же близки мои подружки с этими случайными любовниками, и я была потрясена, узнав, что они позволяют делать с собой абсолютно все, ставя условием только сохранение девственной плевы. Этим они рисковать не могли, так как прекрасно понимали, какие последствия им грозят, если па брачном ложе вдруг выяснится, что они не девственницы. Мужья немедленно отказались бы от них и вернули домой, к родителям, которые тоже не признали бы их. Этим бы заинтересовалась мутава. Так что в конце концов если бы им повезло и они остались живы, им просто некуда было бы даже пойти.

Вафа сказала, что при встречах с этими мужчинами они хотя и раздеваются догола, но вуалей своих не снимают ни при каких обстоятельствах. Мужчины умоляли их, требовали, а иногда даже пытались силой сорвать чадру, но девушки не уступали, считая, что их безопасность во многом обусловлена тем, что никто не видит их лиц. Подружки говорили мне, что если бы у кого-то из этих случайных друзей появились серьезные намерения, то тогда, возможно, они бы и рискнули открыть лица. Само собой разумеется, что ни о каких серьезных намерениях со стороны этих людей не могло быть и речи – они тоже просто развлекались. Отчаянные попытки моих подруг найти выход из беспросветного, по их мнению, будущего ни к чему хорошему не привели.

Мы с Рандой плакали навзрыд, обсуждая поведение наших подруг. Ненависть к обычаям нашей страны горьким комом стояла у меня в горле. Я понимала, что именно абсолютное лишение женщин всех прав, лишение их элементарной человеческой свободы толкает молодых девушек, таких как Надя и Вафа, на отчаянные поступки. Они делали это, несмотря на то, что прекрасно знали – в случае разоблачения им может грозить смерть.

Не прошло и года, как Надя с Вафой были арестованы. Люди из самозванного Комитета общественной морали, наводнившие в последние годы Эр-Рияд и выискивающие любые намеки на поступки, не одобряемые Кораном, каким-то образом узнали об их поведении. Когда один раз Надя с Вафой садились в очередной фургон, машину окружила толпа фанатиков. Они уже две недели наблюдали за этим местом, после того как один из членов Комитета случайно услышал рассказ палестинца о двух женщинах под чадрой, которые предлагали ему себя возле лифта.

Жизни Нади и Вафы были в этот момент спасены только потому, что их девственность оказалась нетронутой. Ни Комитет по морали, ни Совет духовенства, ни их отцы не поверили в их басню о том, что они просто просили мужчину подвезти их до дома, когда задерживался их шофер. Впрочем, полагаю, что ничего лучшего они просто не могли бы придумать, учитывая обстоятельства.

Представители Совета духовенства опросили каждого из работающих в этом районе мужчин и насчитали четырнадцать, которые сказали, что двое женщин обращались к ним у лифта. Ни один из мужчин не признался, что имел с ними какие-то отношения.

После трех месяцев содержания под стражей, ввиду отсутствия доказательств сексуальных связей наших подруг с мужчинами, их отпустили домой с тем, чтобы отцы сами определили для них наказание за недостойное поведение.

Как это ни удивительно, но отец Вафы, человек, помешанный на религии, подробно обсудил с дочерью причины ее поступка. Когда она зарыдала и рассказала ему, какое чувство безысходности толкнуло ее на это безрассудство, он проникся к ней жалостью. Однако он сказал Вафе, что должен поступить так, чтобы лишить ее возможности в будущем поддаться соблазну. Он посоветовал ей изучать Коран и вести достойную жизнь вдали от города. Некоторое время спустя он выдал ее за начальника мутава в маленьком бедуинском селении. Этому человеку было пятьдесят три года, и Вафа в свои семнадцать лет стала его третьей женой.

По иронии судьбы именно отец Нади впал в безумную ярость, узнав о прегрешениях

дочери. Он отказался выслушивать какие-либо оправдания и приказал ей не покидать своей комнаты до того момента, пока он не решит, что с ней делать.

Прошло несколько дней, и однажды мой отец, рано вернувшийся из своего офиса, вызвал нас с Рандой в гостиную для разговора. Мы не поверили своим ушам, когда он сказал нам, что отец Нади принял решение утопить ее в семейном бассейне. Он собирался сделать это собственноручно в пятницу, в десять часов утра. Вся семья Нади должна присутствовать при казни. Был четверг, и мне едва не стало дурно, когда я представила себе, что произойдет завтра.

Сердце мое затрепетало от страха, когда отец спросил Ранду, не принимали ли мы когда-нибудь участия в позорных похождениях Нади и Вафы. Стоило мне открыть рот, чтобы попытаться выступить в паше оправдание, как отец рывкнул на меня и приказал сидеть молча. Ранда разрыдалась и рассказала отцу о том дне, когда мы отправились покупать мою первую чадру и абайю. Отец сидел не шевелясь и не моргая, пока Ранда не закончила. Затем он спросил нас о нашем женском клубе, который мы называли «Бойкими Языками». Он сказал, что лучше нам рассказать правду, так как Надя давно уже призналась в нашей деятельности. Ранда не в силах была произнести ни слова, а отец раскрыл свой чемоданчик и достал из него бумаги нашего клуба. Как оказалось, он обыскал мою комнату и нашел наши записи и списки членов. Впервые за всю свою жизнь я почувствовала, что в горле у меня пересохло. Я знала, что сейчас не смогла бы произнести ни единого слова.

Отец спокойно положил бумаги обратно в чемоданчик, затем посмотрел Ранде прямо в глаза и сказал:

– С этого момента я развожусь с тобой. Твой отец через час пришлет автомобиль, что бы забрать тебя. С этого момента я запрещаю тебе общаться с моими детьми.

Затем, к моему ужасу, он медленно повернулся ко мне.

– Ты моя дочь, – сказал он. – Твоя мать была хорошей женщиной, но, несмотря на это, если бы ты принимала участие в том, что дела ли Надя и Вафа, я последовал бы законам пашей религии и исполнил бы свой долг, который требует лишить в таком случае любую женщину жизни. Приказываю тебе не попадаться мне на глаза и посвятить себя учебе, пока я не подберу тебе подходящего мужа. – Он помедлил, а затем наклонился ко мне и пристально взглянул прямо в мои перепутанные глаза. – Султана, ты должна с покорностью принять свое будущее, у тебя нет другого выбора.

Отец закрыл свой чемоданчик и, не сказав больше ни слова, вышел из комнаты.

Униженная происшедшим, я пошла с Рандой в ее комнату и тупо помогала ей собирать вещи, одежду, книги и драгоценности, грудой лежащие на кровати... Лицо Ранды словно окаменело. Мне хотелось что-то сказать ей, но я не находила слов. Вскоре зазвенел звонок входной двери, и вот я уже помогаю слугам вынести вещи Ранды в машину. Не сказав ни слова, Ранда покинула наш дом, но навсегда осталась в моем сердце.

На следующее утро, ровно в десять часов, я сидела на балконе своей спальни одна и смотрела перед собой невидящим взглядом. Я думала о Наде, представляя ее закованной в тяжелые цепи, с черным мешком на голове. Я видела, как сильные руки поднимают ее и бросают в голубовато-зеленую воду семейного бассейна. Я закрыла глаза и представила, как содрогается ее тело, как тщетно открывается рот, как вода заливает жаждущие воздуха легкие. Я вспомнила ее умные карие глаза и то, как она могла заполнить наши унылые будни своим веселым, мелодичным смехом. Я вспомнила, какой нежной и чистой была ее кожа, и с содроганием подумала, как быстро земля уничтожит ее. Я взглянула на часы – было десять минут одиннадцатого, и сердце мое сжалось от осознания того, что никогда уже нам не услышать смеха подруги.

Этот день был самым драматичным в моей юности, но я знала – что бы ни сделали мои подруги, они не заслужили такого страшного конца, какой пришелся па долю Нади. Такая жестокость лучше всего иллюстрирует «мудрость» мужчин, разрушающих жизни своих женщин безразличием и непониманием.

ИНОСТРАНКИ

После неожиданного отъезда Ранды, замужества Вафы и смерти Нади жизнь моя превратилась в безрадостнейшее существование. У меня было ощущение, что моему телу больше неинтересны радости жизни. Мне казалось, что я погружена в спячку, что даже сердце мое бьется медленнее обычного, как у тех животных, которые замедляют свой жизненный процесс на несколько месяцев в году. Чтобы ощутить это по-настоящему, я ложилась на кровать, зажимала нос пальцами и крепко стискивала челюсти. Я старалась не дышать, сколько возможно, но вскоре мои легкие начинали гореть от недостатка кислорода, и я должна была признать, что не в состоянии контролировать жизненные функции своего организма.

Домашние слуги заботливо относились ко мне, так как я слыла среди них доброй, потому что всегда принимала участие в решении их проблем. Те деньги, что им платили, не компенсировали многолетней разлуки с родственниками, которые у многих из наших слуг были очень далеко.

Пытаясь возродить во мне интерес к жизни, моя служанка-филиппинка Марси начала рассказывать мне о том, как живут женщины в ее стране. Благодаря нашим долгим беседам, мои отношения с Марси стали чем-то большим, чем отношения хозяйки и служанки.

Однажды она поделилась со мной своей самой заветной мечтой: она хотела накопить достаточно денег, работая служанкой в нашей семье, чтобы вернуться на Филиппины и закончить там курсы медицинских сестер, филиппинские медсестры пользуются спросом во всем мире, и для женщины в этой стране стать медицинской сестрой – значит, сделать карьеру.

Марси говорила, что после окончания курсов она хочет вернуться в Саудовскую Аравию, чтобы работать в одной из суперсовременных больниц. Мечтательно улыбаясь, она говорила, что медсестры-филиппинки зарабатывают до 3.800 саудовских риалов в месяц! (это около 1.000 долларов, по сравнению с 200 долларов, которые зарабатывает служанка.) При таком жалованье, сказала Марси, она смогла бы содержать всю свою семью на Филиппинах.

Когда Марси исполнилось всего три года, ее отец погиб во время аварии на шахте. Мать была на восьмом месяце беременности. Им грозила голодная смерть, по бабушка Марси взялась посидеть с малышами, пока мать работала в две смены горничной в местном отеле. Мать неоднократно говорила Марси, что единственным средством от бедности являются знания, и всячески убеждала детей, что надо стремиться любым путем получить образование. Сама она откладывала каждый грош, чтобы дать своим детям возможность учиться.

За два года до того, как Марси должна была поступать в школу медсестер, ее брат Тони попал под автомобиль и получил серьезные травмы. Врачи не смогли спасти его ноги, и их пришлось ампутировать. Плата за лечение оказалась такова, что денег на образование для Марси уже не осталось.

Узнав историю Марси, я не могла сдерживать слез и не раз спрашивала ее, как она может так спокойно и открыто улыбаться каждый день, когда бы я ни увидела ее. Марси в ответ снова улыбалась и говорила, что для нее это не составляет труда, так как у нее есть мечта и возможность воплотить эту мечту в жизнь.

После полуголодного существования в бедном районе одного из городов на Филиппинах Марси чувствовала себя вполне счастливой, имея работу и трехразовое питание. Она не раз подчеркивала, что люди у нее на родине не умирают от голода, но постоянное недоедание дает возможность процветать заболеваниям, невозможным в обществе, где люди питаются полноценно.

Марси настолько живо рассказывала мне о своем народе, что я чувствовала себя причастной к его истории и богатой культуре. Я поняла, что недооценивала Марси и других наших слуг-филиппинцев, считая их не более, чем небольшим пародом с большими амбициями. Как же я ошибалась!

Прошло несколько недель, и Марси набралась смелости рассказать мне о своей подруге Мадлен. Рассказывая ее историю, Марси завела речь о моральных ценностях нашей страны.

Именно от Марси я впервые узнала, что женшины из стран третьего мира часто оказываются сексуальными рабынями в моей стране – Саудовской Аравии.

Марси и Мадлен были школьными подругами. Как ни бедна была семья Марси, семья Мадлен жила в еще большей бедности. Мадлен вместе со своими семерыми сестрами и братьями просила милостыню на дороге, ведущей от их городка к Маниле. Время от времени рядом с ними останавливался большой грузовик, перевозивший иностранных рабочих, и чьи-то руки бросали несколько монет в протянутые ладони. В то время, как Марси ходила в школу, Мадлен попрошайничала.

С детства у Мадлен была мечта, и вот наконец она собралась претворить ее в жизнь. Когда ей исполнилось восемнадцать, она сшила себе платье из старой школьной формы Марси и поехала в Манилу. Там она нашла агентство, нанимающее девушек для работы за границей, и справилась о работе горничной– или служанки. Мадлен была так хороша собой, что хозяин агентства, ливанец, тут же предложил устроить ее в публичный дом в Маниле, обещая заработки гораздо большие, чем если бы она работала служанкой. Мадлен, хотя и выросла в бедности, была глубоко верующей католичкой. Ее реакция озадачила ливанца, и он понял, что здесь продать ее тело не удастся. Он с сожалением вздохнул, велел ей заполнить форму и ждать.

Наконец ливанец сообщил Мадлен, что раздобыл контракт на наем трех тысяч филиппинских работников в район Персидского залива, и сказал, что у Мадлен есть преимущество, так как богатые арабы предпочитают красивых служанок. Провожая девушку из офиса, он подмигнул и хлопнул ее по задку.

Мадлен была одновременно взбудоражена и слегка испугана перспективой работы служанкой в Эр-Рияде, в Саудовской Аравии. Приблизительно в то же самое время Марси пришлось отложить свое поступление в школу медсестер, и она решила последовать примеру Мадлен и поискать работу за пределами Филиппин. Когда Мадлен уезжала в Саудовскую Аравию, Марси шутила, что вскоре приедет за ней. Подруги распрощались и пообещали писать друг другу.

И в самом деле, через четыре месяца Марси тоже предложили работу в Саудовской Аравии, а от Мадлен так и не пришло ни одного письма. Приехав в Эр-Рияд, Марси не знала, где искать свою подругу, однако попыток найти ее не оставляла.

Я хорошо помню тот вечер, когда Марси приехала в наш дом. За все в доме, в том числе и за слуг, тогда отвечала мать. Я помню, что Марси была слегка напутана и сразу постаралась попасть под покровительство старшей из наших филиппинских служанок.

Поскольку на вилле было более двадцати слуг, мало кто обращал особое внимание на Марси. Как самой молодой и неопытной, ей поручили уборку комнат младших дочерей в семье. Я почти не замечала ее, когда она повсюду ходила за мной и спрашивала, не нужно ли мне чего.

Марси удивила меня, рассказав, что остальные слуги считают, что ей повезло, так как ни я, ни Сара никогда не били ее. Более того, мы даже никогда не повышали на нее голоса. Я удивилась, услышав от Марси, что в нашем доме бьют слуг, и усомнилась в ее словах. Марси ответила, что в нашем доме слуг не бьют, а вот на других виллах это бывает часто. Слуги говорили, что из всех обитателей нашего дома труднее всего им приходится с Али, так как он часто бывает резок и начинает кричать и ругаться. Что же касается рукоприкладства, то самое большее, что Али мог сделать, так это пнуть в сердцах Омара, чему я бывала очень рада, потому что всегда недолюбливала его.

Марси шепотом рассказала мне, что слышала от слуг, как вторая жена отца, которая была родом из одной соседней страны, каждый день бьет и шиплет своих служанок. Одна из них, пакистанка, даже получила сотрясение мозга, когда хозяйка столкнула ее с лестницы. Ее обвинили в нерасторопности, медлительности, и, когда бедная девушка, торопясь куда-то с корзиной грязного белья, нечаянно налетела на хозяйку, та разъярилась и сильно толкнула ее. Девушка лежала на полу и стонала, а хозяйка подбежала и стала пинать ее ногами. Служанка потеряла сознание, и ее пришлось везти к доктору. Впрочем, она так до конца и не оправилась,

и с тех пор у нее тряслась голова, и она все время беспричинно хихикала.

По приказу жены отца дворцовый доктор оформил бумагу, в которой написал, что девушка упала и получила сотрясение мозга. После поправки девушка должна была отправиться домой, в Пакистан. Ей отказались выплатить двухмесячное жалование и отправили к родителям со смехотворной суммой в 50 риалов (15 долларов).

Марси не могла понять, чему я так удивляюсь. Она сказала, что в нашей стране большинство служанок вынуждены терпеть подобное обращение. Наша вилла была одним из редких исключений. Я сказала Марси, что мне не раз приходилось бывать в домах моих подруг¹ и, хотя там, действительно, не обращали никакого внимания на прислугу, я ни разу не видела, чтобы кого-то били. Некоторые из моих знакомых оскорбляли прислугу, но не поднимали на слуг руку.

Марси устало вздохнула и сказала, что физическое насилие, так же, как и сексуальное, тщательно скрывается от посторонних глаз. Она напомнила мне, что я живу совсем недалеко от дворца, где множество молоденьких девушек подвергаются ежедневному насилию. Она мягко посоветовала мне быть повнимательней и понаблюдать, как в пашей стране обращаются с женщинами-иностранками.

Со временем Марси стала доверять мне и в один прекрасный день решила рассказать всю правду о своей подруге Мадлен. Я помню наш разговор и се простое, бесхитрое лицо так же ясно, как будто это было вчера.

– Мадам, – сказала она, – я хочу рассказать вам о своей близкой подруге, Мадлен. Вы принцесса, и кто знает, может, когда-нибудь наступит день, и вы сможете помочь нам, бедным филиппинским женщинам.

Я тогда, скучая, сидела все утро одна в своей комнате и была рада поговорить хоть с кем-нибудь, даже со служанкой. Я поудобнее устроилась на своей постели, а Марси подложила мне под спину подушки.

Я сказала ей:

– Прежде, чем ты начнешь свой рассказ, принеси мне вазу с фруктами и стакан лабана⁵. Когда она вернулась с фруктами и прохладным напитком, я вытянула ноги и попросила ее помассировать их, пока она будет рассказывать.

Теперь, оглядываясь назад, я чувствую стыд за свой детский эгоизм. Мне было интересно услышать рассказ о чьей-то трагической истории, в то время как я сама находилась в безопасности и все мои желания были выполнены! Теперь, став старше и умнее, я с сожалением констатирую, что переняла многие обычаи, свойственные саудовцам. Впрочем, я не знаю ни одного саудовца, который интересовался бы жизнью слуг. Никому нет дела до их семей, до их желаний и нужд. Люди из стран третьего мира приезжают в Саудовскую Аравию, чтобы служить саудовцам, и ничего более. Даже моя мать, которая была доброй и участливой женщиной, редко интересовалась проблемами слуг. Впрочем, у псе по было па это времени, так как па ней лежало все хозяйство, да плюс к этому надо было угождать требовательному отцу. Что касается меня, то мне нечем оправдать своего равнодушия. Для меня в течение долгого времени слуги тоже были всего лишь роботами, созданными для моего удобства. А слуги считали меня доброй, только потому, что я хоть изредка, но спрашивала у них, как дела! Нелегко признать свой эгоизм, когда сам считаешь себя чувствительным человеком. С невозмутимым лицом Марси принялась массировать мне ноги и рассказывать свою историю.

– Мэм, прежде чем я уехала с Филиппин, я попросила того ливанца дать мне адрес работодателя Мадлен. Он долго отказывался, мол, это не разрешено. Я обманула его, мэм, ска-зав, что мать Мадлен просила меня передать ей кое-какие вещи. Я долго упрашивала его, и наконец он дал мне номер телефона и сказал, в каком районе Эр-Рияда находится место работы Мадлен.

---

⁵ Лабан – кисломолочный напиток, очень популярный на Ближнем Востоке. (Прим. пер.)

– Она работает у принца?

– Нет, мэм. Ее хозяин живет в районе, который называется Аль Малаз, это в получасе езды отсюда.

Наш дворец располагается в районе Аль Насирийя, престижном месте, где обитает большинство членов королевской семьи. Это самый богатый район Эр-Рияда. В районе Аль Малаз я однажды была несколько лет тому назад и помнила, что там много красивых вилл и дворцов, в которых, судя по всему, жили богатые бизнесмены.

Я знала, что Марси запрещено покидать виллу, за исключением специальных ежемесячных поездок за покупками, организуемых Омаром для прислуги. Наши слуги, как и повсюду в Саудовской Аравии, работали семь дней в неделю, пятьдесят две недели в году, и я недоумевала, как Марси умудрялась ускользнуть из дому, чтобы навестить свою подругу.

Я спросила ее:

– Марси, как тебе удается ездить в Аль Малаз?

Она помедлила и ответила:

– Мэм, вы знаете Антуана, шофера-филиппинца?

У нас было четыре шофера – два египтянина и два филиппинца. Меня возил Омар или второй египтянин. Филиппинцы обычно ездили за покупками.

– Антуан? Это тот молодой шофер, который всегда улыбается?

– Да, мэм, это он. Мы с ним встречаемся, и он согласился помочь мне найти подругу.

– Марси! У тебя есть возлюбленный! – Я рассмеялась. – А как же Омар? Он ведь следит за всей прислужкой. Как ты умудрилась сделать это так, что он не заметил?

– Мы подождали, пока Омар со всей семьей поедет в Эт-Таиф, и только тогда решились исполнить наш план. – Марси улыбнулась, увидев мое довольное лицо. Она знала, что ничто не порадует меня так, как любой обман мужчин в нашем доме. – Сначала я позвонила по телефонному номеру который дал мне ливанец па Филиппинах. Я сказала, что у меня письмо от матери Мадлен. После долгих переговоров мне описали виллу и сказали, где она находится. Антуан поехал туда и нашел этот дом. Там он передал письмо для Мадлен. Письмо у Антуана взял какой-то йеменец. Прошло две недели, и Мадлен позвонила мне по телефону. Я едва могла слышать подругу, так как она говорила шепотом из боязни, что кто-нибудь узнает, что она воспользовалась телефоном... Она сказала мне, что находится в крайне тяжелом положении и попросила о помощи. По телефону мы договорились, что делать.

Я остановила Марси, сказав, что не надо больше массировать мои ноги, поджала их под себя и с нетерпением ждала продолжения рассказа. Я понимала, как они с Мадлен рисковали, и мой интерес к смелой филиппинке возрастал с каждой минутой. Она спокойно продолжала:

– Прошло два месяца. Мы были уверены, что летом у нас появится возможность встретиться. Единственно, мы опасались, что хозяин Мадлен возьмет ее с собой в Европу. К нашему счастью, он велел ей оставаться в Эр-Рияде. Когда вся ваша семья вместе с Омаром уехала из города, я спряталась на заднем сиденье автомобиля, и Антуан отвез меня к Мадлен.

Голос Марси дрожал, когда она заговорила вновь.

– Я сидела в машине, а Антуан позвонил в двери виллы. Я была удивлена, увидев, в каком запустении находится вилла: краска облупилась, ворота заржавели, чахлая зелень пожелтела от недостатка влаги. Сразу было видно, что это нехорошее место. Я подумала, что моя подруга в опасности, раз она работает в таком доме.

Я почувствовала беспокойство еще до того, как меня пустили внутрь. Антуан позвонил три или четыре раза, прежде чем за воротами послышалось какое-то шевеление. Все было именно так, как описывала Мадлен. Старый йеменец, одетый в потрепанный халат, открыл ворота. У него был сонный вид, а на уродливом лице гримаса явного недовольства. По-видимому, мы разбудили его.

Мы с Антуаном были напутаны, и голос моего друга дрожал, когда он спросил, нельзя ли поговорить с мисс Мадлен. Йеменец едва понимал по-английски, а Антуан плохо, знает арабский. Наконец они кое-как поняли друг друга, и йеменец сказал, чтобы мы убирались

прочь. Он махнул рукой и принялся закрывать ворота, когда я выскочила из машины и разрыдалась. Сквозь слезы я сказала ему, что Мадлен – моя сестра, а я только что приехала в Эр-Рияд и работаю в доме одного из принцев. Я думала, что это испугает его, но он и глазом не моргнул. Я махала перед его носом конвертом с письмом, которое недавно получила из дому, и говорила, что наша мать смертельно больна и что мне надо хоть несколькими словами перекинуться с Мадлен, чтобы передать ей последний привет от матери.

Мысленно я молила Бога, чтобы он простил мне эту ложь, и Господь услышал меня. Йеменец смилостивился, услышав слово «мать», сказанное по-арабски. Я увидела, что он колеблется. Он посмотрел на меня, потом на Антуана и сказал, чтобы мы подождали. А затем закрыл ворота, и мы слышали шарканье его шлепанцев, когда он не спеша отправился в дом.

Мы знали, что он сейчас будет просить Мадлен, чтобы она описала свою сестру. Я слабо улыбнулась Антуану в надежде, что наш план сработает.

Марси сделала паузу, вспоминая события того дня.

– Мэм, этот йеменец выглядел опасным человеком. У него было злое лицо и кривой кинжал за поясом. Но беспокойство за подругу придало мне сил.

Мадлен сообщила мне, что виллу охраняют двое йеменцев. В их обязанности входило присматривать за женщинами в доме. Ни одной из женщин не позволялось покидать своего места. Мадлен сказала по телефону, что тот из йеменцев, что помоложе, наиболее жесток. Она грустно пошутила, что он не пустил бы на порог и саму умирающую мать. Она считала, что лучше попробовать уговорить старика.

Поскольку вся семья уехала в Европу, младшему йеменцу дали двухнедельный отпуск, и он уехал домой, чтобы жениться. На вилле было всего двое мужчин – старик, что открыл нам двери, и садовник-пакистаец.

Мы с Аптуапом ждали, нетерпеливо поглядывая па часы. Наконец послышалось шарканье шлепанцев старика. Ворота со скрипом открылись. Мороз пробежал у меня по коже, как if будто это открылись врата ада. Старый йеменец проворчал, что Аптуану придется остаться снаружи вместе с машиной. Внутрь разрешалось войти только мне.

– Как же ты отважилась войти туда? – спросила я, пораженная храбростью Марси. – Я бы вызвала полицию!

Марси покачала головой.

– В вашей стране полиция не помогает филиппинцам. О нас бы сообщили нашему хозяину, после чего мы попали бы в тюрьму или были бы депортированы, в зависимости от того, что скажет ваш отец. Полиция в этой стране помогает сильным, а не слабым.

Я знала, что она говорит правду. Филиппинцы стоят па низшей ступеньке социальной лестницы даже по сравнению с женщинами. Даже я, принцесса, не получила бы помощи от полиции, если бы это означало, что полицейским придется пойти против воли мужчин моей семьи. Но я не хотела сейчас думать о своих проблемах, увлеченная рассказом Марси.

– Ну, скорее же, расскажи мне, что ты увидела внутри? – нетерпеливо спросила я.

Почувствовав, что полностью завладела моим вниманием, Марси оживилась и начала бурно жестикулируя, рассказывать" об увиденном.

– Я шла за йеменцем, внимательно оглядывая внутренний двор. Блоки, из которых были сложены стены, давно никто не красил. Во дворе стоял небольшой домик, в котором, видимо, жила прислуга. В нем даже не было двери, только циновка, висящая в дверном проеме. Кругом валялись пустые банки и прочий мусор. Я решила, что в этом домишке живет старик-йеменец, судя по запаху, которым там все было пропитано. Мы подошли к бассейну, который был почти пуст, только на дне плескалось сантиметров десять застоявшейся воды. На дне я увидела три маленьких скелетика, принадлежавших, по-видимому, котяткам.

– Котяткам? О, Аллах! – Я обожала котят, и Марси знала об этом. – Какая ужасная смерть!

– Я думаю, кошка родила их, когда бассейн был пуст, а потом туда налили воду, и она не смогла спасти бедняжек.

Я вздрогнула, представив себе это, а Марси продолжала:

– Само здание виллы показалось мне хотя и большим, но таким же неухоженным, как и все в этом странном месте. Стены были покрашены очень давно, и песчаные бури содрали с них почти всю краску. Там было что-то вроде садика, но растения в нем давно высохли, так как их, судя по всему, никто не поливал. На дереве висели клетки с несчастными и поблекшими птицами.

Йеменец прокричал что-то по-арабски, а затем махнул мне, приглашая в дом. Я помедлила па пороге, пораженная запахом застоявшегося воздуха. Вся дрожа от страха, я окликнула Мадлен. Йеменец повернулся и ушел, не сказав больше ни слова.

В темном холле показалась Мадлен. В полу-мраке я сразу не смогла рассмотреть ее. Уви-Дев, что это я, она бросилась мне навстречу. Мы обнялись, и я с удивлением обнаружила, что у нее ухоженный вид и она хорошо пахнет. Мадлен несколько похудела, но я счастлива была увидеть ее живой и невредимой!

Я с облегчением перевела дух, так как ожидала, что Марси скажет мне, что обнаружила Мадлен полумертвой, лежащей на грязной циновке и мечтающей только о том, чтобы отдать Марси распоряжения по поводу своих похорон. – Так что же случилось? – Мне не терпелось услышать конец истории.

Голос Марси утих до шепота, как будто ей было трудно говорить.

– После того как мы вволю наобнимались, Мадлен повела меня по длинному коридору. Она взяла меня за руку и ввела в маленькую комнатку, усадила на софу, а сама села на пол.

Теперь, когда мы были одни, она горько разрыдалась, уткнув голову мне в колени. Я гладила ее по голове и просила объяснить, что случилось. Наконец она немного успокоилась и рассказала мне, что произошло с пей с того момента, как она год тому назад покинула Манилу.

В аэропорту Эр-Рияда ее встретили двое йеменцев. Один из них держал в руке картонку, па которой по-английски было написано ее имя. Она последовала за ними, так как ничего другого ей не оставалось. Она была немного испугана их видом и, когда они ехали через весь город, Мадлен стала опасаться за свою жизнь. Когда они приехали па виллу, было уже темно, и Мадлен не заметила ничего, что могло бы подсказать ей, что она попала в нехорошее место.

Хозяева виллы в тот момент совершали хаджж в Мекку. Какая-то старуха, по говорившая по-английски, показала Мадлен ее комнату. Ей дали печенья и горячего чаю. Старуха отдала ей записку, в которой говорилось, что на следующий день она будет ознакомлена со своими обязанностями.

– Старуха, должно быть, бабушка хозяина? – спросила я.

– Не знаю, – ответила Марси, – Мадлен мне не сказала. Сердце бедной моей подруги упало, когда настало утро, и она увидела свой новый дом. Осмотрев постель, на которой она спала, Мадлен в ужасе подскочила – простыни были грязными, а в тарелке и стакане кишели тараканы.

Она нашла ванную комнату, но оказалось, что душ не работает. Тщетно она пыталась хоть как-то умыться При помощи грязного обмылка и холодной воды. Она молила Господа, чтобы Он помог ей успокоиться и обдумать происходящее. Наконец в дверь постучали, и вошла вчерашняя старуха, приказавшая Мадлен следовать за ней.

Они пришли на кухню, и старуха дала Мадлен листок, на котором были расписаны ее обязанности. Она прочитала записку, в которой говорилось, что ей вменяется в обязанность помогать повару, убирать и смотреть за детьми. Старуха знаками показала, чтобы Мадлен приготовила себе что-нибудь поесть. После завтрака она начала мыть грязные горшки и миски.

Вместе с Мадлен в доме работали еще три женщины: старая повариха из Индии, привлекательная служанка из Шри-Ланки и горничная из Бангладеш. Поварихе было по крайней мере шестьдесят, а обеим девушкам лет по двадцать пять.

Повариха ни с кем не разговаривала; ей через два месяца предстояло вернуться в Индию, и все ее мысли были только о доме. Горничная из Бангладеш выглядела несчастной, так как ей предстояло работать еще почти целый год. Красотка из Шри-Ланки мало чем занималась и целыми днями вертелась возле зеркала. Она громко разглагольствовала о том, что скоро поедет

домой и что хозяин обещал привезти ей из Мекки золотую цепочку.

Мадлен была удивлена, когда красотка попросила ее покрутиться, чтобы она могла рассмотреть ее фигуру. Затем она уперла руки в бока и сказала, что на вкус хозяина Мадлен худовата, но может, ею заинтересуется кто-нибудь из сыновей. Мадлен не придавала значения ее словам и продолжала выполнять домашнюю работу.

Прошло четыре дня, и из Мекки вернулись хозяева. Мадлен сразу поняла, что они не принадлежат к высшему обществу, а вскоре их поведение утвердило ее в этом мнении. По-видимому, богатство свалилось на них неожиданно. Они были совершенно необразованны и не знали ничего, кроме Корана, которым пользовались так, как им удобно.

Глава семьи считал, что раз Коран называет женщину вторичной по отношению к мужчине, значит, с ней надо обращаться, как с рабыней. Любую женщину, которая не была мусульманкой, он считал проституткой. Никакого значения не имел тот факт, что отец вместе со своими двумя сыновьями четыре раза в год ездил в Таиланд, чтобы посетить тамошние бордели и купить сексуальные услуги молодых и красивых тайских женщин. Эти люди считали, что если некоторые восточные женщины продаются, то значит любая, не исповедующая ислам, наверняка продажна. Когда семья нанимала служапку-шюстранку, то считалось, что с пей можно обращаться, как с домашним животным.

От матери семейства Мадлен сразу же узнала, что ее наняли для оказания сексуальных услуг двоим сыновьям-подросткам. Она сказала, что Мадлен должна обслуживать Базеля и фариса через день. Мать не обратила никакого внимания на ужас и отчаяние, охватившее Мадлен.

К удивлению красотки-служанки, Мадлен сразу же понравилась отцу, и он сказал сыновьям, что они смогут спать с новой служанкой, как только он вдоволь насладится ею.

Я сглотнула комочек, подступивший к горлу и затаила дыхание, понимая, о чем сейчас расскажет мне Марси. Я не хотела слышать этого.

– Госпожа, – всхлипывая, продолжала Марси, – в первый же день после возвращения отец семейства изнасиловал Мадлен! Но это было только начало, так как он решил, что Мадлен ему нравится и продолжал насиловать ее каждый день без перерыва!

– Но почему же она не убежала оттуда?

– Мэм, она пыталась, даже просила других слуг помочь ей. Повариха со служанкой отказались, так как боялись потерять место и лишиться жалования. Что же касается красотки, то она возненавидела Мадлен, так как считала, что именно из-за нее хозяин не подарил ей золотую цепочку. Жена хозяина и старуха, которая встречала ее, не хотели ничего слышать. Они говорили, что Мадлен наняли, чтобы доставлять удовольствие мужчинам.

– Я бы выскочила в окно и убежала!

– Она много раз пыталась убежать, но ее каждый раз ловили и приказали всем в доме присматривать за ней. Однажды, когда все в доме спали, она выбросила па улицу записку с просьбой о помощи. Соседи отдали записку ее хозяевам, и Мадлен была – жестоко избита.

– Что же случилось после того, как ты нашла ее?

Марси погрузилась и продолжала:

– Я пыталась помочь ей, даже звонила в наше посольство в Джидде. Человек, который ответил мне, сказал, что они получают много таких сообщений, но не в силах ничего сделать. Наша страна во многом зависит от саудовских денег, и правительство не хочет портить отношения с вашей страной. Антуан поговорил с некоторыми из своих приятелей-шоферов, и они сказали ему, что в полицию обращаться нет смысла, так как она поверит ее хозяевам, а для самой Мадлен положение только ухудшится.

– Марси! – воскликнула я. – Что же может быть хуже?

– Ничего, мэм. Ничего! Я не знала, что же нам делать. Антуан испугался и сказал, что мы сделали все, что в наших силах. В конце концов я написала матери Мадлен и обо всем ей рассказала. Она поехала в Манилу в агентство по найму, но там ей сказали, чтобы она убиралась. Тогда она пошла к мэру нашего города, но он сказал, что ничего не может сделать.

Никто не хотел заниматься этим.

– Где же теперь твоя подруга?

– Я получила от нее письмо месяц назад и была рада узнать, что ее двухгодичный контракт закончился и она уехала домой. На ее место приехали двое совсем молоденьких филиппинок. Можете себе представить, мэм, Мадлен написала, что сердита на меня. Она считает, что я не попыталась ей помочь!

Поверьте, я сделала все, что могла. Я написала Мадлен об этом, но так и не получила ответа.

Не зная, что сказать, я смотрела на Марси, чувствуя стыд за свою страну и ее жителей.

Наконец Марси нарушила молчание и сказала:

– Вот, мэм, что случилось с моей подругой в вашей стране.

Я видела, что Марси глубоко переживает происшедшее с Мадлен. Жалость охватила меня – как еще можно реагировать на такой рассказ? Чувствуя стыд за мужчин нашей страны, я не могла больше чувствовать свое превосходство над этой бедной девушкой, у которой хватило смелости попытаться спасти свою подругу, рискуя при этом не только своим местом, но, может, и свободой. Я зарылась лицом в подушку и, махнув рукой, отослала ее. Много дней я ходила под впечатлением от рассказа Марси и размышляла о том, почему же в нашей стране так тяжело живется как иностранцам, так и самим саудовцам.

Сколько еще в Саудовской Аравии таких Мадлен, которым некуда обратиться, которых унижают и насилуют, которым отказывают в праве на то, чтобы распоряжаться собственной жизнью? Да и на Филиппинах, решила я, мужчины не лучше, чем у нас, в Саудовской Аравии, потому что из соображений выгоды и личного спокойствия отмахиваются от того факта, что гражданок их страны используют в качестве сексуальных рабынь.

Прошло некоторое время, и я стала всем своим подругам рассказывать о судьбе Мадлен и ей подобных, чтобы пробудить в них сочувствие к прислуге, заставить увидеть в тех, кто обслуживает, людей, а не роботов, созданных для их удобства. Я не могла смириться с тем, что мужчины моей страны с пренебрежением относятся к любой женщине, какого бы происхождения она ни была. Я стала собирать факты, подтверждающие мое мнение.

Так я узнала об индийской девушке Шакунтале, которую собственный отец продал в возрасте тринадцати лет за сумму в 600 саудовских риалов (170 долларов). Днем она работала, а по ночам ее заставляли удовлетворять сексуальные прихоти хозяев дома. Но Шакунтале было еще хуже, чем Мадлен, потому что она была куплена, и у нее не было Надежды когда-нибудь вернуться домой. Она была не более чем собственностью своих мучителей.

Я с ужасом услышала, как одна мать со смехом рассказывала о том, в каком состоянии была ее служанка из Таиланда, после того как была изнасилована ее сыном. Она сказала, что ее сын нуждался в женщине, а поскольку саудовки недоступны, то ему пришлось воспользоваться тайкой. Этим женщинам все равно, с кем ложиться в постель, уверенно заявила она. Мальчики – короли в глазах своих матерей, и им позволено все.

Я не удержалась и спросила Али, зачем они с отцом три раза в год ездят в Таиланд и па Филиппины. Он нахмурился и сказал, что это не мое дело. Но я знала ответ, так как многие отцы и сыновья в моей стране знают дорогу в прекрасные, цветущие страны, в которых люди готовы продать своих женщин любой твари, согласной платить.

Я обнаружила, что мало знаю о мужчинах и их сексуальных аппетитах. На поверхности виднеется лишь маленькая часть айсберга. За фасадом благопристойности творятся вещи, о которых мужчины предпочитают не говорить – они делают их.

Впервые за свою жизнь я поняла, что перед представительницами нашего пола стоит неразрешимая проблема. Мечта о равенстве женщин не может осуществиться в полной мере, потому что мужчины во всем мире более всего озабочены тем, чтобы получать удовольствия, а это они предпочитают делать за наш счет. Мы, женщины, не более чем вассалы, а стены наших тюрем исключают всякую возможность разрушить их. Болезнь, которой болен мир, заложена в самой сперме мужчин, смертельная, неизлечимая болезнь, жертвой которой всегда является

женщина.

Собственность на мое тело вскоре должна была перейти из рук моего отца в руки незнакомца, которого мне придется называть своим мужем, так как отец сказал мне, что я выйду замуж через три месяца после того, как мне исполнится шестнадцать. Я уже чувствовала, как меня опутывают цепи ненавистных обычаев; мне оставалось наслаждаться подобием свободы еще шесть месяцев. Я ждала своей судьбы с чувством безысходности, словно бабочка, попавшая в паутину, сплетенную пауком, которого она никогда не видела.

ХУДА

Было десять часов вечера 12 января 1972 года, когда мы с сестрами, все девятеро, слушали, как наша старая рабыня – суданка Худа, предсказывает будущее одной из пас, Сары. Со времени своего драматического замужества и последовавшего за ним развода, Сара увлеклась астрологией и была уверена, что именно Луна и звезды оказали такое сильное влияние на ее жизнь. Худа, которая с самого детства рассказывала нам о черной магии, была польщена, что оказалась в центре внимания всей нашей семьи, изнывавшей от скуки.

Все мы знали, что в 1899 году, когда Худе было восемь лет, мать, занятая сбором ямса для скудного ужина, оставила ее без присмотра, и девочка была похищена работником-арабом. Не было ребенка в нашей семье, которого Худа не развлекала бы рассказами о своем похищении.

К нашему удовольствию, Худа всегда рассказывала об этом давнишнем событии весьма эмоционально, как будто оно произошло только вчера. Она в лицах изображала, как сидела под деревом и напевала песенку, а затем с криком бросала подушку себе на голову, как будто это был мешок похитителя. Она стонала, брыкалась, каталась по полу и громко звала мать. В конце концов она вскакивала на кофейный столик и обращала свой взор вдаль, как бы увидев за окном воды Красного моря, по которому плыл корабль, перевозивший рабов из Судана в Аравийскую пустыню.

В глазах ее затем разгорался дикий огонек, когда она изображала, как боролась с ворами, пытавшимися украсть у нее пищу. Она хватала из вазы с фруктами персик или грушу и жадно вгрызалась в нее, оставляя только черенок или косточку. Затем она заводила руки за спину и начинала ходить взад и вперед по комнате, призывая Аллаха на помощь и умоляя его не позволить продать ее на невольничьем рынке.

Ее продали клану Рашидов из Эр-Рияда, которые заплатили за нее сумму, равную цене одного ружья, после чего вместе с остальными рабами отвели из Джидды в крепость Мишмаак, где стоял гарнизон Рашидов.

Спектакль продолжался, и Худа начинала ползать по комнате, прячась под столами и кроватями, как будто стараясь укрыться от пуль, которыми осыпали крепость атаковавшие ее Абдул Азиз со своими шестьюдесятью соратниками. Они разбили Рашидов и захватили крепость, вернув страну клану аль-Саудов. Несмотря на то, что была изрядной толстухой, Худа перепрыгивала через кресло и пряталась за ним, чтобы избежать резни, устроенной воинами пустыни. Она говорила, что ее спас отец нашего отца, и в подтверждение хватала одну из пас, валила на пол и начинала целовать, говоря, что именно так целовала нашего дедушку, благодаря за спасение. Вот каким замечательным образом Худа попала в нашу семью.

По мере того как мы росли, она умело отвлекала нас от наших личных драм и трагедий, путая рассказами о сверхъестественном. Мать всегда с улыбкой отмахивалась от разглагольствований старой рабыни, по после того, как я однажды проснулась среди ночи, напуганная страшным сном, в котором присутствовали злые духи и прочая нечисть, она запретила Худе пугать детей своими рассказами. Теперь, когда матери больше не было среди живых, Худа с энтузиазмом взялась за свою магию.

Мы с интересом смотрели, как Худа рассматривает линии на ладони Сары и, качая головой, закатывает глаза, как будто вся будущая жизнь Сары открывается перед пей.

Сара не была слишком удивлена, когда Худа сказала, что ей не удастся реализовать ее планы и стремления. Было похоже, что она и сама не сомневалась в этом. Я застонала и отвернулась; мне так хотелось, чтобы мечты Сары сбылись. Разозлившись, я громко обвинила Худу в шаманстве, но никто не обратил на меня внимания, а Худа продолжала рассматривать руку Сары, почесывая подбородок. Наконец она подняла глаза и сказала:

– Эй, малютка Сара. Я вижу, что вскоре ты выйдешь замуж!

Сара ахнула и выдернула руку. Менее всего она хотела кошмара очередного замужества. Худа громко рассмеялась и сказала Саре, что не надо убегать от своего будущего. Она добавила, что замужество Сары будет по любви и что она произведет на свет шестерых детей, которые подарят ей много радости и счастья.

Сара задумчиво нахмурилась, затем лицо ее посветлело, как если бы она решила не ломать себе голову над тем, что не в ее власти. Она посмотрела в мою сторону, и на лице ее появилась улыбка, которую в последнее время нам приходилось видеть так редко. Она попросила Худу попробовать прочесть по руке мое будущее, сказав, что если она сможет угадать, какие действия предпримет ее непредсказуемая сестра, то она и в самом деле поверит в ее способности. Остальные мои сестры дружно рассмеялись, соглашаясь с Сарой, но по их лицам я видела, что все они нежно любят меня, свою сестру, которая столько раз испытывала их терпение.

Я задрала нос и села перед Худой с выражением высокомерия, которого на самом деле не чувствовала. Я показала ей свои ладони и важно спросила, что я буду делать через год. Худа не обратила никакого внимания на мое ребячество и рассматривала мои ладони так долго, что мне показалось, прошла целая вечность. Она вела себя странно: трясла головой, бормотала что-то про себя и издала горловой стой, прежде чем огласить мою судьбу. Наконец она заговорила громким шепотом, и в голосе ее была такая уверенность, что я почувствовала, как горячий ветерок волшебства овеивает мое лицо.

Худа торжественно провозгласила, что отец скоро объявит о моем предстоящем замужестве. Я обрету и горе, и счастье в лице одного человека. Я буду приносить неприятности всем, кто окружает меня. Мои действия и поступки в будущем доставят массу проблем моей семье. На мою долю придется и великая любовь, и лютая ненависть. Во мне мистическим образом соединилось зло и добро. Я – загадка для всех, кто любит меня.

С жалобным воплем Худа вознесла руки к небу и стала молить Аллаха, чтобы он вмешался и защитил меня от самой себя. Затем она обняла меня, припала к моей груди и горько разрыдалась.

Нура вскочила на йоги и спасла меня от объятий Худы. Сестры принялись успокаивать меня, а Нура твердо взяла Худу за руку и вывела прочь из комнаты. Старуха продолжала бормотать себе – под нос, что верит в то, что Аллах не оставит своей милостью младшую дочь ее любимой Фадилы.

Я вся дрожала, находясь под впечатлением предсказания Худы. Я начала плакать и сквозь слезы бормотать, что Худа говорила мне, что ее мать была колдуньей, а до нее бабушка и что свойства эти в их семье передавались от матери к дочери. Я говорила, что Худа воссала умение колдовать с молоком матери. И вообще, рыдала я, только колдунья могла распознать мою натуру!

Одна из моих старших сестер, Тахани, начала успокаивать меня, пытаясь убедить в том, что все происходящее – не более чем глупая игра, на которую не стоит обращать внимания.

Сара вытерла мои слезы и сказала, что, по ее мнению, все мои тревоги оттого, что я боюсь не дожить до того момента, когда сбудутся предсказания Худы. Остальные сестры подхватили ее шуточный тон и со смехом стали вспоминать мои проделки, особенно те, жертвой которых стал наш брат Али.

Особенно веселило их воспоминание о том дне, когда я попросила одну из моих подруг позвонить Али и притвориться, что она не может устоять перед его чарами. Часами мы слушали, как он нес по телефону невероятную чушь и строил планы по поводу того, каким

образом ему удобнее было бы встретиться со своей поклонницей.

Подружка предложила, чтобы Али вел на поводке козленка, добавив, что в таком случае ее шофер наверняка узнает его. Она сказала, что ее родители уехали из города и что если Али последует за ее шофером, то сможет увидеться с незнакомкой у нее дома, не подвергаясь при этом никакой опасности.

Место встречи было назначено через дорогу от дома моей подруги, и мы с сестрами расположились на балконе ее спальни и стали наблюдать за улицей. Мы хохотали до колик в животах, глядя, как бедняга Али час за часом стоит на одном месте с козленком на поводке и крутит головой в поисках несуществующего шофера. К нашему веселью, моей подруге удалось обмануть Али таким образом не раз и не два, а целых три раза! Бедолага так жаждал встретиться с таинственной незнакомкой, что здравый смысл совершенно покинул его. Я вспоминаю, что тогда мне пришла в голову мысль о том, что все наши законы по поводу чадры могут быть неудобными не только для женщин!

Сестрам удалось достичь своей цели: увлекшись воспоминаниями о былых проделках, я забыла о зловещем бормотании Худы. В конце концов, старой служанке было уже за восемьдесят, так что не стоило придавать большого значения ее словам.

Впрочем, мое спокойствие длилось не долго: тем же вечером к нам приехал отец и заявил, что нашел для меня подходящего мужа. Внутри у меня все оборвалось, предсказания Худы начинают сбываться! Новость так поразила меня, что я даже не спросила отца, как зовут моего будущего мужа, а вместо этого пулей вылетела из комнаты, едва сдерживая слезы. Той ночью я не сомкнула глаз, снова и снова вспоминая слова старой служанки. Впервые в своей жизни я смотрела в будущее со страхом.

На следующее утро к нам приехала Нура и сказала, что мне предстоит выйти замуж за Карима – одного из наших кузенов. Когда я была еще маленькой девочкой, мне приходилось встречаться с его сестрой, но я ничего не помню из того, что она говорила о своем брате, разве что упоминание о том, что он любит покомандовать. На тот момент ему было двадцать восемь, и мне предстояло стать его первой женой. Нура сказала, что видела его фотографию и он показался ей чрезвычайно привлекательным. Он был образованным молодым человеком и даже закончил юридический факультет в Лондоне. Нура сказала, что, в отличие от остальных наших кузенов, он всерьез занимается бизнесом и обладает реальным весом в деловом мире. Он был главой одной из крупнейших юридических фирм в Эр-Рияде. Мне очень повезло, заметила Нура, так как Карим сказал моему отцу, что хочет, чтобы я завершила образование до того, как выйду замуж, так как ему неинтересна жена, с которой он не мог бы общаться на должном уровне.

Ничто, однако, не могло улучшить моего настроения, и я, состроив Нуре гримасу, с головой укрылась одеялом. Нура глубоко вздохнула, когда я обиженно заявила, что повезло не мне, а Кариму, раз ему достанется такая жена, как я!

После ухода Нуры я позвонила сестре Карима и заявила, что советую ее брату хорошенько подумать, прежде чем жениться на мне. Я даже пригрозила, что, если ему вздумается завести себе других жен, я отравлю их всех при первой же возможности. Кроме того, сказала я, отцу было весьма трудно подобрать мне мужа, так как в школьной лаборатории со мной произошел несчастный случай. Сестра Карима стала выпытывать у меня, что же произошло, и я сказала, что уронила колбу с кислотой, в результате чего лицо мое оказалось покрыто шрамами от ожогов. Бедняга поспешила закончить разговор, чтобы поскорее сообщить брату ужасную новость.

Тем же вечером на виллу примчался разъяренный отец в сопровождении двух тетушек Карима. Меня заставили стоять по стойке смирно, пока женщины рассматривали меня, пытаясь обнаружить несуществующие изъяны. Процедура настолько меня возмутила, что я открыла рот и предложила им посмотреть, в порядке ли мои зубы. В конце концов я дошла до того, что бросилась на них с криком, как бы собираясь вцепиться им в волосы. Они в панике ретировались, не рискуя даже оборачиваться.

Отец долго стоял молча и смотрел на меня. Я видела, что он с трудом сдерживается, но вдруг, к моему неописуемому удивлению, он тряхнул головой и громко расхохотался. Я ждала чего угодно: крика, а может, и удара, но только не смеха. Я почувствовала, что и сама начинаю улыбаться и в конце концов расхохоталась вместе с ним. В комнату вбежали Сара с Али и с удивлением уставились на нас.

Отец рухнул на софу, утирая слезы рукавом своей тобы. Наконец он взглянул на меня и сказал:

– Султана, ты видела их лица, когда они решили, что ты собираешься покусать их? Одна из них сама была похожа на лошадь! Дитя мое, воистину ты неподражаема. Не знаю, завидовать Кариму или сочувствовать ему. – Отец высморкался. – И в самом деле, жизнь с тобой вряд ли окажется скучной!

Поведение отца воодушевило меня, и я присела на пол у его ног. Он погладил меня по плечу, и сердце мое радостно забилося; мне хотелось, чтобы это мгновение никогда не кончалось. Я спросила отца, нельзя ли сделать так, чтобы я смогла увидеть Карима до свадьбы.

Отец обернулся и посмотрел на Сару; по-видимому, что-то в выражении ее лица тронуло его. Он похлопал по софе, приглашая ее присесть. Между нами в эти мгновения не было произнесено ни слова, но мы говорили на языке крови. Али, видимо, пораженный тем, какое внимание его обычно суровый отец уделяет женщинам, в изумлении прислонился к дверному косяку, широко открыв рот – слов у него не было!

КАРИМ

К огромному удивлению моего отца, равно как и к моему горькому разочарованию, семья Карима не стала расторгать нашу помолвку. Вместо этого отец Карима привел сына в офис к моему отцу и попросил разрешения на нашу с Каримом встречу, которая должна была состояться под надлежащим присмотром. Карим узнал о моем более чем странном поведении в присутствии его родственников и теперь хотел убедиться, вправду ли я сумасшедшая или просто была излишне возбуждена.

На мою просьбу о встрече с будущим мужем отец не счел нужным отреагировать, однако просьба семьи жениха – это совсем другое дело. После длительного обсуждения этой проблемы с некоторыми из моих тетушек и сестрой Нурой отец согласился исполнить просьбу Карима.

Когда отец сообщил мне эту новость, я пустилась от радости в пляс. Еще бы, ведь я смогу встретиться со своим будущим мужем до свадьбы! Мои сестры тоже чувствовали невероятное возбуждение – мне предстояло то, что в нашем обществе представлялось невероятным; мы почувствовали, как цепи традиций, сковывавшие нас, ослабевают.

Родители Карима договорились с отцом и Нурой, что мой жених в сопровождении своей матери посетит пашу виллу через две недели. Присматривать за нами должны были Нура, I. Сара, две мои тетушки и мать Карима. Замаячившая передо мной надежда на то, что жизнь с этим человеком может отличаться от традиционной жизни саудовской женщины, сделала мои девические фантазии более реальными. Я даже поймала себя на том, что хочу, чтобы он мне понравился. И тут меня поразила неожиданная мысль: а вдруг я ему не понравлюсь! О, как мне хотелось быть такой же красивой, как Сара!

Теперь я часами вертелась возле зеркала, проклиная свой маленький рост и закручивая непокорные локоны. Мне казалось, что мой нос слишком мал, а в глазах нет блеска. Я даже начала думать, что и в самом деле надежней будет скрывать меня до свадьбы под чадрой!

Сара посмеивалась над моими тревогами и всячески пыталась успокоить меня. Она говорила, что мужчинам нравятся миниатюрные женщины, особенно курносые и с веселыми глазами. Нура, с чьим мнением обычно считались, со смехом сказала, что все женщины нашей семьи считают меня весьма привлекательной. Я никогда не стремилась быть красивой, но вот настало время изменить свои взгляды.

Целиком захваченная своим желанием казаться привлекательной, я заявила отцу, что мне

совершенно нечего надеть. Хотя мы, саудовские женщины, и ходим по улицам, укутанные в черное, эта униформа служит нам лишь до тех пор, пока мы не оказываемся в гостях у какой-нибудь из своих приятельниц. Поскольку мы лишены возможности фигурировать в обществе мужчин, то нам ничего не остается, как только стараться поразить друг друга разнообразием наших нарядов. Я говорю правду, мы одеваемся не для того, чтобы произвести впечатление на мужчину! Представьте себе – женщины в моей стране ходят друг к другу на чай, облаченные в свои самые богатые наряды и обвешанные драгоценностями с ног до головы. Многие мои подруги-иностранки бывали потрясены, увидев, какие ожерелья скрываются под традиционной абайей. Мне говорили, что саудовские женщины напоминают прекрасных райских птиц, которых прячут под слоем черной краски. Нет сомнения, что нам, женщинам Востока, приходится прилагать куда больше усилий для того, чтобы проявить в одежде свою индивидуальность, чем западным женщинам, не скованным цепями традиций.

Отец чрезвычайно обрадовался тому обстоятельству, что я выказываю неподдельный интерес к своему будущему замужеству, и был готов удовлетворить любую мою прихоть. Нура вместе со своим мужем даже согласились сопровождать меня в Лондон за покупками в универмаг «Харродз», где мне стоило немалых усилий сказать продавщицам, что на следующей неделе мне предстоит первая встреча с моим будущим мужем. Я считала, что стыдно саудовской принцессе признавать, что она не принадлежит себе в выборе спутника жизни. Впрочем, продавщицы не обратили на мои слова ни малейшего внимания. Тот, кто свободен, не часто способен понять того, чья свобода ограничена.

Когда мы были в Лондоне, Нура отвела меня в косметический кабинет, а также велела приготовить образцы расцветок для моего гардероба. Специалисты-дизайнеры сказали, что самый выигрышный для меня цвет – изумрудно-зеленый. Тогда я заказала себе семнадцать предметов этого цвета. Мои непокорные волосы были уложены в красивую прическу, и я не переставала удивляться изящной незнакомке, отражающейся в зеркальных витринах лондонских магазинов, в которые я без усталости смотрелась.

Наконец настал день, когда я должна была встретиться со своим женихом. Сара и Марси помогли мне одеться. Мне все не нравилось, и, когда я возмущенно сетовала на то, что не могу воспроизвести свою лондонскую прическу, в дверях моей спальни появилась Худа.

– Берегись! – воскликнула она. – Сначала ты познаешь счастье, но затем горе ожидает тебя. Оно придет вместе с твоим мужем!

Я швырнула в нее гребешок и громко приказала не портить мне день своими глупыми предсказаниями. Рассерженная Сара дернула меня за ухо и заметила, что мне должно быть стыдно так ругать бедную старуху. Однако совесть меня совершенно не мучила, и я заявила об этом Саре, на что та ответила, что причина, по всей видимости, в полном отсутствии у меня совести. Мы препирались друг с другом, пока не раздался звонок в двери виллы. Сара вздохнула, покачала головой и сказала, что я просто великолепна в своем изумрудном наряде.

Я ничего не слышала и не понимала – ведь мне предстояло во плоти увидеть своего будущего мужа! Сердце в груди так колотилось, что мне казалось, этот стук услышат все окружающие. Я чувствовала, что все смотрят на меня, и медленно начала краснеть, хотя это совершенно не входило в мои планы. Как мне хотелось вернуться в безопасный мир моего детства!

Однако все мои страхи улетучились, когда я увидела Карима. Он оказался не только самым красивым из всех мужчин, каких мне приходилось видеть, по более того, его умные и теплые глаза смотрели на меня с таким восхищением, что я чувствовала себя самой очаровательной женщиной на свете. Не прошло и нескольких секунд с того момента, как нас представили друг другу, а я уже была уверена – он никогда не расторгнет нашу помолвку.

Я с удивлением обнаружила, что обладаю столь необходимым каждой женщине талантом. Я умела флиртовать! Помимо своей воли я слегка поджала губы и посмотрела на Карима из-под полуприкрытых век. В своем воображении я представляла, что он всего лишь один из многочисленных поклонников.

Мать Карима внимательно, рассматривала меня. Она была явно недовольна моим вызывающим поведением.

Сара с Нурой и тетушками обменивались выразительными взглядами. Что же касается Карима, то он, без сомнения, был как под гипнозом, так что все остальное не имело значения. Прежде чем уехать, Карим попросил разрешения позвонить мне в один из ближайших дней, чтобы обсудить детали предстоящей свадьбы.

Я окончательно добила своих тетушек тем, что, не спросив их дозволения, ответила:

– Конечно, звоните в любое время после девяти вечера.

Затем я одарила Карима многообещающей улыбкой и распрощалась с ним. Пока Сара, Нура и тетушки в деталях объясняли мне, что я сделала не так, я беззаботно напевала свою любимую ливанскую любовную балладу. Они сказали мне, что мать Карима наверняка теперь будет настаивать на отмене помолвки, потому что я беззастенчиво соблазнила ее сына.

Я ответила, что они просто завидуют мне, потому что ни одной из них не выпало счастья встретиться со своим мужем до свадьбы. Теткам я показала язык и заявила, что они просто стары, чтобы понять, как бьются молодые сердца.

Они так и остались стоять с открытыми ртами, потрясенные моей дерзостью, а я заперлась в ванной и продолжала во весь голос распевать свою любимую песню. Позже я поразмыслила над своим поведением: если бы Карим мне не понравился, я бы сделала так, чтобы и он остался ко мне равнодушным. Но он понравился мне, и я хотела, чтобы он влюбился в меня. Я тщательно следила за собой, старалась есть, как принцесса и вообще была занята исключительно тем, чтобы произвести на него впечатление.

Кариму и его матери очень повезло, что мне не пришлось демонстрировать им свой буйный нрав.

Я была счастлива увидеть, что моим мужем будет красивый молодой человек, а не уродливый старик, и совершенно уверилась в том, что в нашем браке найдется место для любви. Возбужденная этими приятными мыслями, я подарила Марси несколько своих старых платьев и сказала ей, что собираюсь попросить отца съездить со мной в мой будущий дом.

Карим позвонил мне тем же вечером. Он сказал, что, к его огромному удивлению, мать посоветовала ему расторгнуть помолвку. Она была в ярости от моего поведения и заявила, что от меня Кариму можно ждать крупных неприятностей.

Я была настолько уверена в своей неотразимости, что предложила ему последовать совету матери. Карим прошептал в трубку, что я – девушка его мечты: кухня королевской крови, красавица и к тому же умная и веселая. Он сказал, что ему никогда не нравились женщины, которых мать предлагала ему в жены; они сидели, как истуканы, и мечтали только о том, чтобы понравиться ему. Его но интересовали обычные женщины, он скучал с ними. Объяснив мне все это, он пробормотал, что влюбился в меня с первого взгляда.

В конце разговора Карим – задал странный вопрос; он спросил, делали ли мне обрезание. Я ответила, что не знаю и спрошу отца.

Карим запротестовал:

– Нет-нет, не спрашивай. Раз ты не знаешь этого, значит, ты не обрезана. – Мне показалось, что он очень доволен моим ответом.

По наивности я задала вопрос об обрезании вечером за ужином. Отец в этот день был у своей третьей жены, так что во главе нашего стола сидел Али. Пораженный моим вопросом, он стукнул стаканом по столу и вопросительно посмотрел на Сару.

Я спокойно ела и поначалу не заметила, как за столом повисло напряжение. Когда я подняла голову, то увидела, что сестры беспомощно смотрят друг на друга. Али, который считал себя в отсутствие отца главой семьи, ударил кулаком по столу и грозно спросил, откуда мне известно это слово.

Я уже начала понимать, что что-то не так и, вспомнив слова Карима, сказала, что слышала об обрезании от кого-то из слуг. Однако Али не принял мои объяснения и резко приказал Саре на следующий же день позвонить Нуре и попросить ее поговорить со мной.

Теперь, когда матери нашей больше не было, Нура, как старшая из сестер, считалась ответственной за то, чтобы просвещать младших в подобных вопросах. На следующее утро, когда часы не показывали еще и десяти, она приехала к нам на виллу и сразу же направилась ко мне в комнату. По дороге ей встретился Али, который заявил, что она не справляется со своими обязанностями старшей дочери. Он не преминул добавить, что пожалуется отцу.

Нура присела на краешек моей кровати и мягким тоном спросила, что мне известно об отношениях между мужчиной и женщиной. Я уверенно ответила, что знаю об этом все, что необходимо.

Сестра не смогла сдержать улыбки и ласково проговорила:

– Боюсь, сестрица, ты слишком самоуверенна. Возможно, ты чего-то и не знаешь об этой жизни.

Как Нуре удалось выяснить, я была довольно неплохо осведомлена о половом акте, как таковом. В Саудовской Аравии, как и во многих других странах арабского мира, тема секса считается запретной. Результатом этого запрета является то, что женщины только об этом и болтают. Основными темами разговора на женских половинах служат мужчины, секс и дети. В моей стране, где женщинам практически некуда приложить свою энергию, они только и делают, что ходят друг к другу в гости.

При желании можно встречаться со своими подругами хоть каждый день, даже в пятницу, которая считается днем отдыха. Мы собираемся, пьем кофе или чай, едим сладости, валяемся на мягких диванах и сплетничаем. Как только женщина надевает чадру, она автоматически становится участницей этих посиделок.

Вот и я, едва надев свою первую чадру, без устали, как завороченная, слушала рассказы юных жен о первой брачной ночи – рассказы подробные, в которых не опускалось ни одной детали.

Некоторые из новобрачных шокировали своих подруг заявлениями о том, что наслаждаются сексом. Другие говорили, что притворяются перед своими мужьями, чтобы у тех не возникло желания жениться на ком-нибудь еще. Были, впрочем, и такие, которые ненавидели эту процедуру и лежали с закрытыми глазами, стиснув зубы от отвращения, пока их мужья делали свое дело. Стоит упомянуть, что были и такие женщины, которые хранили молчание во время подобных разговоров. Это были те, которым пришлось встретиться с жестокостью и садизмом, те, которых постигла участь Сары.

Нура, убедившись в том, что я имею представление о семейной жизни, добавила кое-что к моим познаниям. Она сказала мне, что первейшей моей обязанностью, как жены, является доступность в любое время, когда этого пожелает муж, вне зависимости от того, хочется мне этого или нет.

Я тут же возмутилась и заявила, что буду поступать так, как мне хочется, и что Кариму не удастся заставить меня делать что-либо против моей воли.

Нура грустно покачала головой. Ни Карим, ни любой другой мужчина не согласятся смириться с таким положением дел. В супружеской постели они не привыкли получать отказ. Я сказала, что Карим не такой, как остальные, он никогда не применит силу. Однако Нура уверила меня, что пет мужчины, который считался бы с желаниями женщины.

– Не стоит надеяться на это, иначе тебя постигнет горькое разочарование, – сказала она.

Чтобы переменить тему разговора, я спросила у сестры об обрезании. Тихим, срывающимся голосом Нура сказала, что ей сделали обрезание в двенадцать лет, и добавила, что эту процедуру проделали еще с тремя нашими сестрами. Остальным шестерым удалось избежать этого варварского обычая благодаря вмешательству врача-иностранца, который в течение нескольких часов объяснял нашему отцу нелепость и опасность обрезания. Нура сказала, что я должна благодарить Аллаха, что избежала такой страшной травмы.

Нура была сильно взволнована, в глазах ее стояли слезы, и я спросила, что же произошло.

Многие поколения женщин в нашей семье подвергались обрезанию. Наша мать, подобно большинству саудовских женщин, была обрезана, когда стала женщиной за несколько недель

до свадьбы...

У Нуры месячные начались в четырнадцать, и мать, следуя единственной традиции, которую знала, договорилась, чтобы Нура произвели обрезание в маленькой деревушке недалеко от Эр-Рияда. По этому поводу в деревне было организовано празднество, на котором Нуру чествовали, как почетную гостью. Вскоре мать сказала Нуре, что женщины должны кое-что сделать с ней, и попросила дочь лежать спокойно.

Одна из женщин ритмично ударяла в барабан, а другие хором скандировали какие-то изречения из Корана. Несколько пожилых женщин сгрудились вокруг испуганной девочки.

Нура, обнаженная снизу до пояса, лежала на белой простыне, а четверо женщин держали ее за руки и за ноги. Старшая из женщин занесла руку, и Нура с ужасом увидела, что та держит какой-то предмет, похожий на бритву. Девочка закричала и почувствовала острую боль в области гениталий. Она почти потеряла сознание от шока, а женщины подняли ее в воздух и принялись поздравлять. Нура с испугом увидела, что по ногам ее струится кровь. Ее отнесли в шатер и перевязали.

Раны быстро затянулись, и Нура не понимала смысла процедуры, пока не наступила первая брачная ночь, принеся невыносимую боль и обильное кровотечение. С каждым разом ей становилось все хуже и хуже. Несчастливая Нура с ужасом ждала каждой ночи, которую ей предстояло провести с мужем.

Когда она забеременела, то обратилась к доктору-иностранцу, который был потрясен, увидев ее шрамы. Он сказал Нуре, что у нее полностью удалены наружные половые органы, в результате чего половой акт каждый раз будет сопровождаться трением, болью и кровотечением.

Когда врач узнал, что еще три наши сестры были обрезаны и такая же участь ждет остальных шестерых, он попросил Нуру организовать ему встречу с нашими родителями. Остальные три сестры тоже посетили доктора, который сказал, что Бахер находится в еще более тяжелом положении, чем Нура. Он добавил, что с трудом представляет, как она выдерживает сексуальные контакты с мужем.

Нура присутствовала на обрезании своих сестер и рассказала, что Бахер боролась со старухами и даже умудрилась вырваться от них и пробежать несколько метров, прежде чем ее схватили и уложили на простыню. Результатом этого стали многочисленные раны и потеря крови.

Доктор был поражен, когда узнал, что именно мать настаивала на обрезании своих дочерей. Она сама прошла через это и считала, что такова воля Аллаха. В конце концов доктор смог убедить отца в бессмысленности и несомненной опасности для здоровья подобной процедуры. Нура снова подчеркнула, что мне крупно повезло, что я смогла избежать этой унижительной и жестокой операции.

Я спросила Нуру, почему Карим поинтересовался у меня об обрезании. Сестра ответила, что, к моему счастью, он оказался из тех мужчин, которые предпочитают, чтобы женщина была полноценной, тогда как большинство настаивают на том, чтобы их невесты были обрезаны. Все зависит от района, где девочка родилась, и от порядков в ее семье. Некоторые семьи отказались от варварского обычая, другие же были непреклонны.

У Нуры создалось впечатление, что Карим хочет жену, с которой он мог бы разделить удовольствие, а не объект для удовлетворения своих желаний. Наконец Нура ушла, оставив меня наедине со своими мыслями.

Теперь я понимала, как мне повезло, что я оказалась одной из младших дочерей в семье. При мысли о том, что довелось пережить моим сестрам, меня буквально трясло от ужаса и отвращения. Мне было приятно, что Карим беспокоится о моем физическом состоянии, и я пришла к выводу, что и в нашей стране женщина может быть счастливой, невзирая на традиции, не совместимые с цивилизованным образом жизни.

И все же несправедливость происходящего не давала мне покоя. Саудовская женщина может обрести счастье только в том случае, если попадет в жены к умному и внимательному

мужчине, в противном случае ей не на что надеяться. Что бы мы ни делали, наше будущее зависит только от одного – насколько добр и великодушен мужчина, которому мы подчинены!

Наконец я уснула, утомленная всем происшедшим, и мне приснилось, что я, одетая в великолепный изумрудно-зеленый свадебный пеньюар, жду своего жениха – Карима. Но Карим пришел, и сон превратился в кошмар, от которого я проснулась в холодном поту: мне приснилось, что толпа старух в черном держат меня за руки и за ноги, а одна из них заносит надо мной бритву.

Я позвала Марси и попросила ее принести холодной воды. Я была в ужасе, так как поняла значение кошмарного сна: главным препятствием к освобождению арабских женщин от власти варварских обычаев являются сами женщины!

Поколение моей матери было поголовно необразованным. Эти бедные женщины не знают ничего, кроме того, что говорят им их мужья. Трагическим следствием этой необразованности стало то, что обычаи, подобные обрезанию, соблюдаются именно теми, кто сам и страдает от этого. Я подумала, что именно такое поведение женщин и укрепляет мужчин во мнении, что с нами можно делать все, что угодно.

Даже когда моей матери сказали об опасности этой ужасной процедуры для здоровья, она продолжала настаивать на том, что всем ее дочерям необходимо подвергнуться обрезанию. Она считала, что малейшее отступление от традиций может повлиять на шансы дочерей выйти замуж.

Лишь только мы, современные, образованные женщины, можем пытаться что-то изменить. Я решила, что именно мне предстоит на примере своей жизни и своего замужества показать, что этот мир можно изменить. Мои сыновья и дочери смогут сделать Саудовскую Аравию страной, в которой жизнь будет хороша для всех граждан, как мужчин, так и женщин.

СВАДЬБА

По случаю моей свадьбы комната, в которой меня готовили к церемонии, была полна весельем. Окруженная женщинами моей семьи, я не могла разобрать ни одного слова из того, что они говорили, так как их одновременная болтовня сливалась в сплошной веселый, жизнерадостный гул.

Мы находились во дворце Нуры и Ахмеда, постройка и отделка которого закончились буквально за несколько недель до моей свадьбы. Нура была очень довольна своим новым домом и хотела, чтобы сплетни о его роскоши и удобстве поползли по всему Эр-Рияду.

Что касается меня, в тот момент я ненавидела новый дворец Нуры; из романтических соображений я мечтала, чтобы паша с Каримом свадьба состоялась в Джидде, на берегу моря. Однако отец настоял на традиционном бракосочетании, и я впервые в жизни промолчала, когда мою просьбу отвергли.

Уже несколько месяцев прошло с того момента, как я приняла решение сдерживать свой темперамент в мелочах. Меня занимали более важные проблемы – я берегла силы для решающей борьбы за освобождение женщин моей страны!

Нура вся светилась от счастья, слушая, как родственницы наперебой расхваливают ее новый дом. Мы с Сарой незаметно обменялись понимающими улыбками, так как давно уже пришли к общему заключению, что дворец представляет собой образчик весьма дурного вкуса.

Это было гигантское мраморное сооружение. Сотни филиппинских, тайландских и йеменских рабочих под руководством специалистов из Германии работали, сменяя друг друга, круглые сутки в течение нескольких месяцев, однако ввиду того, что художники, резчики по дереву и специалисты по художественному литью не согласовали своих действий, внешний вид и внутреннее убранство дворца вступали в неразрешимое противоречие друг с другом.

В результате получился архитектурный монстр, способный вызвать восхищение лишь у тех, кто ничего не смыслит в красоте. Украшенные позолотой залы дворца были сплошь увешаны картинами известных художников. Мы с Сарой насчитали 180 картин только в одном

зале.

Сара пожалала плечами и заявила, что картины подбирал человек, совершенно не разбирающийся в живописи. На полу повсюду лежали ковры с изображениями различных птиц и животных. От спален, украшенных тяжеловесной резьбой, становилось тяжело на душе. Мне было непонятно, как дети одних родителей могут иметь диаметрально противоположные представления о хорошем вкусе.

Впрочем, должна признать, что, хотя Нура и потерпела, на мой взгляд, фиаско в деле украшения собственного дома, она в полной мере проявила себя в другом: ее парк оказался настоящим шедевром. Дворец окружала почти квадратная миля озер, лужаек, великолепно подобранных цветов, кустарников и деревьев. В парке посетителя поджидало множество приятных сюрпризов – скульптуры, яркие домики для птиц, весело журчащие фонтаны и даже детская площадка для игр с разнообразными аттракционами.

Наша с Каримом свадьба должна была состояться в саду в девять часов вечера. Нура знала, что я обожаю жёлтые розы, и теперь несколько тысяч этих цветов, привезенных из Европы, покрывали водную гладь озера, на берегу которого стоял украшенный такими же розами павильон, в котором мне предстояло встретиться с Каримом.

Нура с гордостью заявила, что повсюду уже шепчутся о том, что нашей свадьбе не было равных за последние несколько лет. О помолвках и свадьбах в Саудовской Аравии не объявляют заранее; эти мероприятия считаются сугубо частным делом, однако слухи о количестве потраченных на то или иное празднество денег циркулируют повсюду, и члены королевской, семьи лезут из кожи вон, чтобы перещеголять друг друга.

Когда тетушки принялись за ужасную процедуру удаления волос с самых интимных частей моего тела, я громко закричала, что не могу попять, откуда взялся этот варварский обычай.

Старшая из моих тетушек влепила мне звонкую пощечину за такое кощунство. Глядя на меня в упор, она заявила, что я просто глупая девчонка и что истинная мусульманка обязана подчиняться заветам пророка Магомета, который велел удалять волосы на лобке и подмышками каждые сорок дней из соображений гигиены.

В ответ я закричала, что этот обычай больше не имеет смысла; в конце концов, мы – современные мусульмане и имеем все необходимое для того, чтобы содержать себя в чистоте. У нас есть горячая вода и мыло, и для того чтобы быть чистыми, не обязательно использовать песок! Однако мои тетки, прекрасно зная, что я способна спорить до бесконечности, продолжали делать свое дело.

Мне ничего не оставалось, как только окончательно шокировать собравшихся заявлением, что если бы пророк был сейчас жив, то он наверняка прекратил бы действие этого глупого обычая.

– Мы, саудовцы, – кричала я, – доказываем, что не умнее бестолкового мула, который идет след в след за вожаком каравана, не думая о том, куда его могут привести! Пока мы не сможем посмотреть правде в глаза и выбрать свой путь, нам не избавиться от гнета старых обычаев.

Мои родственницы обменивались беспокойными взглядами. Их всегда пугало мое стремление к бунту, и они чувствовали себя уютно только в компании таких же, как они, смирившихся со своим угнетенным положением женщин. Помолвка с таким человеком, как Карим, воспринималась ими, как неслыханное везение, и я знала, что они вздохнут с облегчением только после завершения свадебной церемонии. Мое платье было сшито из самого яркого красного кружева, какое я только смогла найти. Я чувствовала огромное удовлетворение от того, что могу лишней раз шокировать своих родных, которые настоятельно советовали мне надеть что-нибудь бледно-розовое. Как всегда, я настояла на своем, так как была уверена, что права. В конце концов даже мои сестры вынуждены были признать, что ярко-красный цвет выгодно оттеняет мою кожу и глаза.

Я испытала истинное блаженство, когда Сара и Нура надели на меня платье и застегнули

все пуговицы. Легкая грусть охватила меня, когда Нура застегнула на моей шее подарок Карима – ожерелье из рубинов и бриллиантов.

Мне невольно вспомнилась моя мать в грустный день Сариной свадьбы, когда она так же застегивала на ее шее свадебное ожерелье. Это было всего два года назад, а мне казалось, что прошла целая вечность. Но тут я подумала, что мать, наверное, смотрит на меня из каких-то неведомых далей, и на душе у меня посветлело. Я едва могла дышать в тесном корсете, но все же нагнулась и взяла со стола букетик весенних цветов, изготовленный из драгоценных камней, заказанный Сарой специально к этому дню. Наконец, глядя на улыбающихся сестер, я провозгласила: – Я готова!

Наступила пора начинать новую жизнь. Раздался грохот барабанов, заглушивший даже звуки оркестра, прибывшего из Египта специально для того, чтобы играть на нашей свадьбе. Сопровождаемая Нурой и Сарой, я с гордо поднятой головой вышла к гостям, которые уже давно в нетерпении толпились в саду.

Как это принято в Саудовской Аравии, официальная церемония была проведена загодя. Карим со своими родственниками находился в одной половине дворца, я со своими – в другой, а священник ходил из комнаты в комнату и спрашивал нас, согласны ли мы на бракосочетание. Ни Кариму, ни мне не было позволено перемолвиться словом друг с другом. Празднество длилось уже четыре дня и четыре ночи, а после нашего с Каримом появления перед гостями предстояло еще трое суток веселья.

Нынешний же день был посвящен соединению молодоженов на брачном ложе. Это был наш с Каримом день! Я не видела своего жениха со времени нашей первой встречи, хотя не было и дня, чтобы мы с ним не вели длинных бесед по телефону. И вот, наконец, я снова увидела его.

Он не спеша шел по направлению к павильону в сопровождении своего отца. Возбуждение охватило меня, когда я подумала, что этот красивый мужчина сейчас станет моим мужем. Все чувства мои обострились, я замечала каждую мелочь: то, как нервно подрагивают его руки, как бьется жилка у него на горле, выдавая участившееся сердцебиение.

Я представила, как бьется сердце в его груди, и с удовольствием подумала, что это сердце отныне будет принадлежать мне. Теперь от меня зависело, будет оно биться от счастья или от горя. Я поняла, что беру на себя ответственность.

Когда Карим наконец подошел ко мне, меня внезапно захлестнула волна эмоций. Губы мои задрожали, на глаза навернулись слезы, и я едва сдерживалась, чтобы не разрыдаться. Впрочем, это длилось буквально несколько секунд, и когда мой жених бережно поднял мою чадру и открыл мне лицо, оба мы рассмеялись от радости.

Окружавшие нас женщины разразились приветственными криками и громко затопали ногами. Нечасто в Саудовской Аравии случается, что жених и невеста с такой радостью встречают друг друга. Я посмотрела Кариму в глаза и буквально утонула в них, не в силах поверить своему счастью. Я выросла во мраке, а мой муж, который по всем законам должен был бы стать для меня очередным источником страха и горя, на самом деле сулил мне избавление от оков рабства.

Нам с Каримом так хотелось остаться наедине, что мы совсем недолго пробыли среди гостей, принимая поздравления. Пока Карим разбрасывал золотые монеты среди веселящихся гостей, я потихоньку ускользнула, чтобы переодеться для свадебного путешествия.

Мне хотелось поговорить с отцом, но он поспешил по своим делам, как только все формальности были выполнены. Судя по всему, он чувствовал невыразимое облегчение; младшая дочь, которая доставляла ему столько беспокойства, теперь наконец благополучно выдана замуж, и вся ответственность за ее дальнейшую судьбу отныне переложена на плечи другого мужчины. Мое желание близости с отцом так и не воплотилось в жизнь.

Карим обещал мне, что наш медовый месяц мы проведем там, где я пожелаю, и так, как я пожелаю. С ребяческим восторгом я перебирала названия мест, где мне хотелось бы побывать. Мы собирались поехать в Каир, оттуда в Париж, Нью-Йорк, затем в Лос-Анжелес и на Гавайи.

Нас ждали восемь драгоценных недель свободы от Саудовской Аравии.

Я надела изумрудно-зеленый шелковый костюм и вышла попрощаться с сестрами. Сара горько рыдала и не переставала твердить:

– Мужайся, Султана! Будь храброй девочкой!

Сердце мое разрывалось при виде ее слез. Я понимала, что воспоминания о собственном замужестве никогда не изгладятся из ее сердца. Понадобятся годы и годы, пока эти шрамы зарубцуются.

Я надела поверх своего модного костюма абайю и чадру и уселась на заднее сиденье мерседеса рядом со своим мужем. Мой багаж, состоящий из четырнадцати чемоданов, уже был доставлен в аэропорт.

Для того, чтобы никто не докучал нам, Карим выкупил все места первого класса на нашем самолете. Стюардессы-ливанки одаривали нас понимающими улыбками, глядя, как глупо мы себя ведем. Мы и вправду вели себя, как подростки, потому что совершенно не знали, что такое ухаживание.

И вот мы в Каире! Быстро пройдены таможенные формальности, и машина везет нас на роскошную виллу, стоящую прямо на берегу древнего Нила. Эта вилла, принадлежащая отцу Карима, была построена в восемнадцатом веке богатым турецким торговцем. Впоследствии ее отреставрировали в соответствии со вкусом нового хозяина. В ней было около тридцати комнат на разных уровнях, а полукруглые окна выходили в цветущий сад. Стены покрывали нежно-голубые изразцы с изображениями каких-то мифологических животных.

Я была в восторге от дома и сказала Кариму, что не могла бы и представить себе более подходящего места для начала супружеской жизни. Внутреннее убранство виллы говорило о безусловном вкусе ее хозяина, невольно вызывая в памяти несуразность дворца Нуры.

Я вдруг подумала, что количество денег отнюдь не свидетельствует о внутреннем мире их обладателя. Мне в ту пору было всего шестнадцать лет, по, к счастью, муж мой не забывал об этом. Он облегчил мое вхождение в мир взрослых при помощи решения, которое я считаю уникальным для Саудовской Аравии.

Карим так же, как и я, резко отрицательно относился к традициям брака в нашей стране. Он сказал, что малознакомые люди не должны вступать в интимные отношения, даже если они муж и жена. По его мнению, мужчина и женщина должны получше узнать друг друга, тогда появится и желание близости.

Карим сказал, что давно уже решил, что после свадьбы будет ухаживать за мной таким образом, чтобы завоевать мою любовь. Он хотел, чтобы именно я в один прекрасный день произнесла фразу:

– Я хочу узнать все о тебе! Мы проводили дни и ночи в развлечениях – обедали в ресторанах, ездили верхом к пирамидам, бродили по шумным каирским базарам, читали книги и разговаривали друг с другом. Слуги пораженно смотрели на веселую молодую чету, особенно когда мы расходились на ночь по своим спальням.

На четвертую ночь я сама затащила Карима в свою постель. Позже, уютно устроив голову у него на плече, я прошептала, что я, по-видимому, похожа на тех скандальных молодых женщин в Эр-Рияде, которые во всеуслышание заявляют, что получают наслаждение от занятий любовью со своими мужьями.

Я никогда не была в Америке, и мне не терпелось составить свое мнение о народе, распространившем свою культуру по всему свету, по, как мне казалось, так мало знающем о других народах и странах. Грубые и напористые нью-йоркцы испугали меня, и я с облегчением вздохнула, когда мы прилетели в Лос-Анджелес.

Город показался мне гораздо более спокойным, а люди в нем добрыми и любезными. В Калифорнии мне пришлось встречаться со многими американцами, которые съезжаются туда практически из всех штатов, и я в конце концов заявила Кариму, что мне нравятся эти странные, шумные люди. Когда он спросил меня, почему они прилились мне по душе, я не сразу смогла объяснить. Наконец я сказала:

– Я уверена, что смешение различных культур, которое произошло в Америке, привело эту цивилизацию куда ближе к реальности, чем любую отдельно взятую страну.

Мне показалось, что Карим не совсем понял мои слова, и я пояснила:

– Лишь немногие большие страны имеют возможность обеспечить полную свободу своих граждан без того, чтобы не ввергнуть государство в хаос.

Представь себе, что полную свободу предоставили бы людям в арабском мире: страна размером с Америку немедленно оказалась бы в состоянии гражданской войны, а каждый гражданин был бы уверен, что именно у него есть правильный рецепт для всех остальных. В наших странах люди не видят ничего дальше собственного носа, в этом-то и все различие!

Карим был потрясен моей речью. Он никогда не видел женщины, которая интересовалась бы чем-то, кроме дома, детей, украшений и одежды. До глубокой ночи он все задавал и задавал мне вопросы, стремясь узнать мое мнение по самым разным поводам. Было ясно, что мой муж не привык, чтобы у женщины было свое мнение, отличное от мнения мужчин.

Когда я принялась разглагольствовать о политике, он был уже в состоянии полного шока. В конце концов, несколько придя в себя, он поцеловал меня в шею и сказал, что мне следует продолжить мое образование, когда мы вернемся в Эр-Рияд.

Я была несколько раздражена его покровительственным тоном и заявила, что вопрос о моем образовании я в состоянии решить и сама. Запланированные восемь недель свадебного путешествия растянулись до десяти, и только после звонка отца Карима мы, наконец, стали собираться в обратный путь. Мы планировали жить в доме родителей Карима, пока для нас не построят отдельную виллу.

Я знала, что мать Карима не любит меня, и вполне отдавала себе отчет в том, что она постарается сделать мою жизнь невыносимой. Я уже жалела о своей несдержанности при нашей первой встрече, но, к сожалению, прошлого не вернешь. Знала я также и о том, что Карим, как и любой арабский мужчина, никогда не примет сторону жены в ее конфликтах со свекровью. Так что именно мне предстояло прибыть к ним в дом с оливковой ветвью мира и попытаться наладить контакт с новыми родственниками.

С тяжелым сердцем ступила я на бетон аэропорта в Эр-Рияде. Карим напомнил мне, чтобы я не забыла опустить чадру, и теперь я знала, что в течение долгого времени мне останется только вспоминать о тех прекрасных днях, когда я в полной мере могла наслаждаться свободой!

Горло мое перехватило от тоски, когда мы переступили порог виллы родителей Карима. В тот момент я еще не знала, что мать моего мужа настолько ненавидит меня, что уже начала плести интриги, целью которых было положить конец нашему счастливому союзу.

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ

Если и есть слово, которым можно охарактеризовать женщин поколения моей матери, то это слово ожидающие. Всю жизнь они проводили в ожидании чего-то. Они не имели возможности получить образование, им не дано было право работать, так что ничего не оставалось, как только ждать – ждать замужества, ждать рождения детей, затем рождения внуков, а потом оставалось только ждать старости.

В арабском мире старость – это благодать для женщины. Именно в старости она может в полной мере насладиться покоем, тишиной и уважением окружающих.

Моя свекровь всю свою жизнь ждала невестку, способную воздать ей все почести, которые, по ее мнению, она заслужила.

Карим был ее старшим, горячо любимым сыном. Саудовские обычаи требуют, чтобы жена первенца во всем подчинялась его матери. Как и каждая молодая женщина, я знала об этом обычае, однако не вспоминала о нем до того момента, пока мне не пришлось столкнуться с ним.

Нет сомнения, что желание иметь сыновей распространено по всему свету, однако ни одно государство не сравнится в этом отношении с арабскими странами, где каждая женщина с

самого детства мечтает о том, как она родит сына. Она знает, что сын, и только сын может удовлетворить ее мужа.

Мальчик – это такая ценность, что между матерью и сыном возникает тесная, почти благоговейная связь! Ничто не может встать между ними, кроме любви другой женщины.

С момента нашей свадьбы мать Карима смотрела на меня, как на соперницу, а не как на нового члена семьи. Она считала, что я встала между ней и ее сыном, и чувствовала себя из-за этого глубоко несчастной. Несколькими годами раньше в ее жизни уже случилось событие, повлекшее за собой резкую перемену в ее взглядах на жизнь.

Моя свекровь, Нора, была первой женой своего мужа. Она родила ему семерых детей, трое из которых были сыновьями.

Когда Кариму исполнилось четырнадцать, его отец взял себе вторую жену, ливанку редкой красоты и обаяния. С того момента и кончилась мирная жизнь Норы.

Нора никогда не отличалась добрым нравом, а в своей ненависти ко второй жене была готова на все. Она даже отправилась к колдуну-эфиопу, служившему при дворе, и заплатила ему круглую сумму, чтобы тот наложил на ливанку заклятье, которое лишило бы ее способности забеременеть.

Нора, гордая своей плодовитостью, была уверена, что если ливанка не родит сыновей, то муж непременно разведется с ней.

Вышло, однако, совсем по другому: отец Карима сказал своей второй жене, что любит ее и не очень волнуется о том, будут ли у нее дети. Проходили годы, и Нора поняла, что развода со второй женой не будет, хотя та и вправду так и не забеременела. Однако она не успокоилась и снова заплатила колдуну, чтобы тот навлек на ливанку смертельную болезнь.

Когда до отца Карима дошли слухи о кознях его старшей жены, он пришел в неопишемую ярость и предупредил ее, что если вторая жена умрет прежде первой, то он разведется с Норой, после чего сошлет ее куда-нибудь в деревню и не разрешит видеться с детьми.

Нора была настолько уверена, что бесплодность соперницы явилась следствием ее усилий, что ее охватил суеверный ужас; она решила, что теперь соперница непременно умрет, так как считается, что наложенное заклятье уже невозможно снять.

С этого момента основной заботой Норы стало оберегать ливанку от возможных несчастий. Целью ее жизни стало спасение той самой женщины, которую она так мечтала видеть мертвой.

Воистину, странная обстановка царила в этом доме! Нора срывала свое раздражение на всех, за исключением собственных детей. Поскольку я не была ей родной по крови, да к тому же Карим по-настоящему любил меня, я стала главным объектом ее выходов.

Ревность моей свекрови была очевидной для всех, кроме Карима, который подобно многим другим сыновьям, не замечал ничего странного в поведении матери. Материнский инстинкт обострил ее хитрость, и она бывала до отвращения любезна со мной, когда Карим находился в пределах слышимости.

Каждое утро я с улыбкой провожала своего мужа до ворот виллы. У него было много работы, и к девяти часам он отправлялся в свой офис.

Мало кто в Саудовской Аравии, не говоря уже о членах королевской семьи, начинает свой рабочий день так рано. Принцы редко встают с постели раньше десяти-одиннадцати часов утра.

Я не сомневалась, что Нора смотрит на нас из окна своей спальни, потому что стоило только Кариму скрыться из виду, как она начинала звать меня таким истощенным голосом, что мне не оставалось ничего другого, как только сломя голову нестись к ней.

Из тридцати трех слуг ей не подходил ни один – именно мне следовало подать ей чашку горячего чая.

Поскольку первую половину жизни я была угнетаема мужчинами моей семьи, то не имела ни малейшего желания вторую половину провести под пятой женщины, хотя бы это и была мать моего мужа. Какое-то время я делала вид, что меня это не трогает, однако матери Карима вскоре предстояло узнать, что мне приходилось встречаться с куда более серьезными

противниками, нежели обезумевшая от ревности старуха. Кроме того, старинная арабская поговорка гласит: «Терпение из кислого сладкое выжмет».

Я решила не спешить и дожидаться подходящей возможности уменьшить власть надо мной матери Карима.

К счастью, ждать мне пришлось недолго. Младший брат Карима, Мунир, учившийся в одном из американских университетов, недавно вернулся домой. Он не скрывал, что после Америки жизнь в Саудовской Аравии не прельщает его. Все в семье видели, с каким неудовольствием он вернулся домой.

Уже много было сказано о монотонности жизни саудовских женщин, но мало кто знает, что мужчины в нашей стране также растрачивают свои жизни впустую, будучи не в состоянии найти смысл в бесцельном, однообразном существовании. Конечно, нельзя сравнивать несравнимые вещи, и все же огромное количество молодых мужчин в нашей стране изнывают от скуки и ищут любых возможностей развлечься. У нас нет кинотеатров, клубов, мужчинам и женщинам запрещено вместе посещать рестораны, если они не муж и жена, брат и сестра или отец и дочь.

Муниру было всего двадцать два года, он привык к свободе американского общества, и его не привлекала жизнь в Саудовской Аравии. Он только что закончил школу бизнеса в Вашингтоне и теперь хотел заняться размещением правительственных контрактов в Соединенных Штатах. Он ждал возможности доказать свое умение оперировать крупными суммами денег, а чтобы не скучать, завел дружбу с компанией принцев, известных в семье своим рискованным поведением.

Эта компания часто устраивала вечеринки, на которых присутствовали женщины-иностранки сомнительного поведения, работавшие в различных больницах и авиакомпаниях. На этих пирушках было в изобилии алкоголя и наркотиков, и многие из принцев уже стали закопченными алкоголиками или наркоманами. В своем наркотическом бреде они всю ругали родственников, стоящих у власти. Не модернизация, а вестернизация интересовала их.

Не удивительно, что эти опасные разговоры, порожденные скукой и бездельем, вскоре стали известны и за пределами их круга. Король Фейсал, который тоже когда-то был беззаботным юнцом, внимательно следил за деятельностью молодых представителей королевского дома и принял немедленные меры. Некоторых принцев привлекли к бизнесу, чтобы отвлечь от крамольных мыслей, некоторых отправили служить в армию.

После того, как король Фейсал поговорил о недостойном поведении Мунира с его отцом, я услышала крики и ругань, доносившиеся из кабинета. Немедленно у всех женщин семьи, включая, естественно, и меня, нашлись неотложные дела в комнате, расположенной по соседству с кабинетом главы семейства.

Затаив дыхание, мы слушали крики Мунира, обвиняющего королевскую семью в коррупции и праздности. Он клялся, что вместе со своими друзьями добьется перемен, столь необходимых пашей стране. Наконец, изрыгая проклятия и призывая к бунту, он вылетел из кабинета и исчез за воротами виллы.

Несмотря на то, что Мунир с пеной у рта доказывал необходимость перемен, само его поведение и деятельность не могли вызывать ничего, кроме беспокойства – алкоголь и легкие деньги сделали свое дело.

Мало кто из иностранцев знает сегодня, что алкоголь не был запрещен для немусульман Королевства Саудовская Аравия вплоть до 1952 года. Два трагических события, не связанные между собой, но имеющие отношение к королевской семье, вынудили нашего первого короля, Абдула Азиза, пойти на эту крайнюю меру. В конце сороковых годов сын нашего правителя, принц Назир, вернулся из Соединенных Штатов. Это был совсем не тот человек, который покинул отчий дом несколькими годами раньше. Он нашел смысл своей жизни в алкоголе и общении со свободными западными женщинами. По его мнению, именно спиртное помогало ему пользоваться успехом у противоположного пола.

Назир стал губернатором Эр-Рияда и быстро сумел наладить поставки столь желанного для него спиртного. Он без конца устраивал запрещенные вечеринки, на которых присутствовали как мужчины, так и женщины.

Летом 1947 года после одной вечеринки, затянувшейся далеко за полночь, семеро участников умерло от интоксикации из-за употребления древесного спирта. Среди них оказалось несколько женщин.

Отец Назира, король Абдул Азиз, был настолько потрясен этой бессмысленной трагедией, что лично избил сына и приказал посадить его в тюрьму.

Прошло еще несколько лет, и в 1951 году Мишари, другой королевский сын, находясь в состоянии сильнейшего алкогольного опьянения, застрелил британского вице-консула и тяжело ранил его жену.

Терпению старого короля пришел конец. С того момента алкоголь был полностью запрещен в Королевстве Саудовская Аравия. Естественным следствием королевского указа стало образование черного рынка спиртного.

Люди в Саудовской Аравии реагируют на запреты так же, как и везде – запрещенное становится наиболее желаемым. Большинство знакомых мне саудовских мужчин и женщин употребляют алкоголь, у многих это уже стало серьезной проблемой.

Я бывала во многих саудовских домах, и везде гостям могли на выбор предложить любые, самые изысканные и дорогие спиртные напитки.

С 1952 года цена на алкоголь выросла до 650 саудовских риалов за бутылку виски, что составляет около 200 долларов. На ввозе и продаже нелегального спиртного можно в короткий срок сколотить состояние.

Поскольку Мунир и двое его кузенов считали, что алкоголь непременно должен быть легализован, они развернули бурную деятельность по ввозу в страну спиртного из Иордании и в короткий срок заработали на этом баснословные деньги. Когда таможенники начинали что-то подозревать, им хорошо платили, и все проблемы отпадали сами собой.

Единственным препятствием контрабанде алкоголя были бесконечные религиозные комитеты, создаваемые под эгидой мутава, члены которых с неприкрытой яростью наблюдали за деятельностью членов королевской семьи, считая, что именно правящий клан должен показывать остальным пример исламского смирения, а не ставить себя выше учения пророка! Один из подобных комитетов вскоре выяснил подробности деятельности Мунира и необдуманно предоставил матери право наказать своего сына.

Была суббота, первый день недели (у мусульман выходным считается пятница). Этот день семье Карима не забыть никогда.

Начались события с того, что Карим вернулся после напряженного рабочего дня из своего душного офиса уставший и сердитый. Войдя в дом, он сразу же наткнулся на нас с матерью. У нас как раз вышла с ней очередная ссора, и теперь, увидев сына, Нора не выдержала и громко заявила Кариму, что я, Султана, отношусь к своей свекрови без должного уважения и теперь, без всякой на то причины, затеяла с ней ссору. Покидая сцепу, она пребольно ущипнула меня за руку, а я, вне себя от ярости, бросилась за ней и ударила бы, не вмешайся Карим.

Нора мрачно посмотрела на меня и, повернувшись к Кариму, заявила, что я негодная жена и что если бы он знал обо мне побольше, то давно уже развелся бы со мной.

В другое время Карим только посмеялся бы над нашим глупым поведением, но случилось так, что именно в ту субботу ему позвонил из Лондона коммерческий агент и сообщил, что в результате неудачной биржевой махинации он потерял больше миллиона долларов. Он был настолько расстроен, что плохо контролировал себя.

Поскольку ни один арабский мужчина не пойдет против своей матери, Карим впал в ярость и трижды ударил меня по лицу. Это были удары, предназначенные для того, чтобы унизить и оскорбить меня.

Однако мой муж недостаточно хорошо меня знал, если думал, что я смогу смириться с нанесенным оскорблением. Характер мой сформировался к пяти годам, и я всегда нервничала,

когда начинались неприятности, но чем ближе опасность подступала ко мне, тем хладнокровнее я становилась, а затем приходила просто в неистовство. Когда мне случалось схватиться с обидчиком, я теряла всякий страх и билась до конца, не обращая внимания на ушибы и ссадины.

Итак, сражение началось. Для начала я швырнула в Карима очень редкой и дорогой вазой, подвернувшейся мне под руку. Он едва успел увернуться, и ваза разлетелась вдребезги, ударившись о картину Монэ, стоявшую несколько сотен тысяч долларов. И ваза и акварель были уничтожены одним махом.

Вне себя от ярости, что промахнулась, я схватила дорогую восточную скульптуру из слоновой кости и тоже швырнула ее в мужа. Шум, грохот бьющейся посуды и крики привлекли внимание всех домашних. Со всех сторон к нам бежали женщины и слуги. К этому моменту Карим понял, что я собираюсь разнести вдребезги комнату, в которой его отец хранил все свои самые любимые предметы искусства. Чтобы остановить разгром, он резко ударил меня в челюсть.

В глазах у меня потемнело, и я лишилась сознания. Когда я пришла в себя, надо мной склонилась Марси, обтирая мне лицо полотенцем, смоченным в холодной воде. Где-то неподалеку слышались громкие голоса, и я решила, что это обсуждается наша с Каримом драка, но Марси сказала, что дело не в этом.

Неприятности продолжают, но причиной их на сей раз явился Мунир. Король Фейсал сообщил отцу Карима, что на одной из улиц Эр-Рияда был обнаружен контейнер со спиртным, принадлежащий Муниру. Шофер-египтянин остановил машину у какой-то лавки, чтобы купить себе что-нибудь перекусить, но запах алкоголя привлек зевак, среди которых оказались люди из мутавы. Шофера начали допрашивать, и тот от испуга назвал имена Мунира и еще одного из принцев. Об этом событии доложили главе религиозного совета, а тот немедленно поставил в известность короля, который впал в неопишущую ярость.

Карим с отцом немедленно отправились в королевский дворец, а свободных шоферов отправили на поиски Мунира. Я потирала ноющую челюсть и строила планы мести своей свекрови.

Я слышала вдалеке ее плач и решила пойти и в полной мере насладиться зрелищем ее горя. Я нашла ее в гостиной, и только больная челюсть не позволила моему лицу расплыться в широкой улыбке.

Нора сидела в углу гостиной и громко молила Аллаха, чтобы тот спас ее любимого сына Мунира от гнева короля. Увидев меня, она мгновенно затихла. Некоторое время она помолчала, затем с презрением взглянула на меня и сказала:

– Карим пообещал мне, что разведется с тобой! Он понимает, что от плохих привычек не избавиться, а ты просто дикая кошка! В нашей семье нет места таким, как ты!

Нора ожидала слез и просьб, однако то, что она услышала, повергло ее в изумление. Я заявила, что сама собираюсь потребовать развода и что Марси уже собирает мои вещи. Я сказала, что не пройдет и часа, как я покину ее дом. Уходя, – я бросила через плечо, что попрошу отца употребить все свое влияние, чтобы Мунира примерно наказали в назидание всем тем, кто нарушает закон ислама. Ее сына подвергнут порке или посадят в тюрьму, а может быть, с ним произойдет и то и другое.

Когда я уходила, Нора уже вел тряслась от страха. Положение изменилось. В моем голосе звучала такая уверенность, которой я и сама не ожидала от себя. Нора не могла знать, имею ли я и в самом деле влияние при дворе. Она была бы счастлива, если бы ее сын развелся со мной, но для нее стал трагедией тот факт, что я сама собираюсь требовать развода.

В Саудовской Аравии трудно жене развестись с мужем, но все же это возможно. А поскольку мой отец по крови был ближе к королю, чем отец Карима, то Нора испугалась, что он и вправду сможет добиться примерного наказания для Мунира. Она и понятия не имела, что отец, скорей всего, выставил бы меня за дверь, после чего мне просто некуда было бы идти. Для того чтобы подтвердить серьезность моих намерений, требовалось сыграть спектакль до конца.

Когда мы с Марси спустились в холл с чемоданами в руках, домочадцы буквально впали в панику. Случилось так, что Мунир, который был в гостях у друга, прибыл домой как раз в этот момент. Еще не зная, какие тучи сгустились над его головой, он громко выругался, когда я сказала ему, что мать вынуждает меня развестись с Каримом.

Чувство какого-то звериного торжества овладело мной, когда Нора, до смерти перепуганная моей решительностью, стала умолять меня, чтобы я не уезжала. Свалившиеся на ее голову неприятности окончательно сломили ее дух. Вдоволь насладившись унижением свекрови, я милостиво согласилась остаться.

Я уже спала, когда Карим, усталый и изможденный после тяжелого дня, вернулся домой. Сквозь сон до меня донесся его раздраженный голос, обвинявший Мунира в пренебрежении к семье. Карим сказал, что прежде, чем затевать такие рискованные мероприятия, нужно хотя бы подумать о добром имени отца. Мне не пришлось напрягать слух, чтобы услышать, как Мунир в ответ обвинил Карима в том, что тот способствует бесперебойной работе гигантской машины лицемерия, которую представляет собой Королевство Саудовская Аравия.

Большинство саудовцев почитали короля Фейсала за его преданность исламским принципам и скромность в быту. Он также пользовался глубоким уважением членов королевской семьи. Благодаря ему наша страна после травления короля Сауда заняла, можно сказать, почетное положение среди других государств. Но мнения старших и младших принцев в семье далеко не совпадали друг с другом.

Обуреваемые жаждой наживы младшие члены королевской семьи ненавидели короля, запрещавшего им заниматься нелегальным бизнесом и внимательно следившего за тем, чтобы честь семьи не была опозорена. Никто из двух враждующих лагерей не желал идти на компромисс, и в воздухе постоянно пахло грозой.

Той ночью мы с Каримом спали на противоположных концах нашей широкой супружеской постели. Я слышала, как он беспокойно ворочается, и знала, что его обуревают тяжелые думы. Я мучилась несвойственным мне чувством вины, думая о том, что муж мой страдает из-за меня. В конце концов я пришла к мысли, что если наш брак выдержит сегодняшнее испытание, мне надо будет обуздать свой темперамент.

Однако на следующее утро передо мной предстал новый Карим. Он молчал и, казалось, не замечал моего присутствия. Все мои благие намерения и клятвы, которые я давала себе прошлой ночью, растаяли в бледном свете раннего утра. Уязвленная, я громко заявила, что хочу развода, втайне надеясь, что он захочет помириться со мной.

Он взглянул на меня и сухо ответил:

– Как хочешь, но отложим решение наших проблем, пока не закончатся семейные неприятности.

Он продолжал бриться, как будто я не сказала ничего особенного.

Пораженная его безразличием, я притихла, и, пока он одевался, с независимым видом принялась напевать какую-то мелодию. Наконец Карим открыл дверь спальни и ушел, бросив напоследок:

– Султана, я поражен произошедшей в тебе переменой. Я не подозревал, что у женщины с такой нежной улыбкой такой необузданный нрав.

После его ухода я бросилась на кровать и рыдала до изнеможения.

Вскоре Нора пригласила меня за стол переговоров, и мы разрешили наши разногласия к обоюдному удовольствию. Она послала одного из своих шоферов на золотой рынок, чтобы тот купил для меня бриллиантовое ожерелье. Я, в свою очередь, тоже отправилась туда и приобрела самую дорогую золотую цепь, какую только смогла найти. Я заплатила за нее более 300.000 саудовских риалов (80.000 долларов), не заботясь о том, что скажет Карим. У меня появилась возможность заключить мир с той, от которой в большой степени зависело благополучие моего брака.

Прошло несколько недель, прежде чем судьба Мунира была решена. Как это уже не раз случалось, семья не стала выносить свои проблемы на суд общественности. Гнев короля

несколько утих после того, как мой отец и другие члены семьи настояли на том, чтобы замять инцидент. Они говорили, что Мунир – всего лишь еще один юнец, который поддался дьявольскому влиянию Запада.

Нора решила, что это я каким-то образом смогла повлиять на своего отца и выражала свою благодарность бесконечными заявлениями, суть которых сводилась к тому, что сердце ее не перестает радоваться такой замечательной невестке. Хотя я, естественно, не сказала отцу ни слова, мне не представлялось необходимым рассказывать об этом Норе. Его интерес в этом деле состоял в том, что я была членом семьи Мунира, и он не желал, чтобы скандал с братом Карима затронул и его самого. Мой отец не из тех, кого заботят чужие проблемы. И все же я была чрезвычайно довольна, что в глазах своей свекрови выгляжу героиней.

В который уже раз мутава оказалась вынуждена подчиниться королю. Фейсал пользовался таким авторитетом среди членов Религиозного Совета, что к его мнению и просьбам не могли не прислушаться.

Мунира привлекли к делам отца и отправили в Джидду организовывать там деловые представительства. Чтобы компенсировать ему пребывание в провинции, Муниру было дано право посредничества при заключении нескольких важных правительственных контрактов с американцами. Прошло еще несколько месяцев, и он заявил отцу, что хочет жениться. Ему подыскивали подходящую партию, и юный бунтовщик окончательно успокоился. Он стал приобретать вес в деловых кругах и вскоре присоединился к тем процветающим принцам, которые жили ради того, чтобы сколотить как можно большее состояние и, в конце концов, обеспечить себе доходы, позволяющие припеваючи жить за счет других.

После нашего памятного скандала Карим стал жить отдельно от меня. Как ни уговаривали его отец с матерью, его решение по поводу нашего развода оставалось неизменным. К моему ужасу, через неделю после размолвки я обнаружила, что беременна. После долгих и мучительных раздумий я пришла к выводу, что мне ничего не остается, как только прервать беременность. Я знала, что Карим никогда не согласится на развод, если узнает, что я жду ребенка, но и меня не устраивала перспектива иметь рядом человека, который живет со мной по принуждению.

Передо мной встала непростая задача, так как аборт не принят в нашей стране, где практически каждая женщина хочет иметь детей. Я не имела ни малейшего понятия, с какой стороны подступиться к этому делу.

Осторожно я стала выяснять, что можно сделать. В конце концов мне пришлось поделиться своим секретом с одной из кузин, и она рассказала мне, что ее младшая сестра забеременела в прошлом году, когда отдыхала в Ницце. Еще не зная, что беременна, она вернулась в Эр-Рияд. Страх, что отец узнает о происшедшем, был так велик, что она даже совершила попытку самоубийства. Мать не могла вынести мучений дочери и обратилась к доктору-индийцу, который за большие деньги делал подпольные аборты саудовским женщинам. Я стала искать способ незаметно покинуть виллу, чтобы посетить этого человека. Доверенным лицом моим стала Марси.

Вся дрожа от страха и волнения, я ждала своего часа в приемной индийца, когда туда ворвался Карим с перекошенным от ярости лицом. Я была всего лишь одной из нескольких женщин под чадрой, ожидавших приема, но он сразу узнал меня по шелковой абайе и красным итальянским туфлям. Он грубо схватил меня за руку и потащил к выходу, крикнув по пути клерку, ведущему прием, что советует немедленно закрыть это гнусное заведение, потому что он, Карим, намерен засадить негодяя-доктора за решетку.

Я улыбалась под своей вуалью, слушая его крики, когда он ругал и проклинал меня, одновременно признаваясь в любви. Он был вне себя от счастья, оттого что у нас будет ребенок, и клялся, что и не помышлял о разводе. Все его нелепое поведение было не более чем следствием обиды и уязвленной гордости.

Карим узнал о моих намерениях после того, как Марси, не в силах хранить секрет, поделилась им с одной из своих подруг-служанок. Эта служанка немедленно бросилась к Норе,

а та, вне себя от ужаса, кинулась искать Карима. Обнаружив его в офисе одного из клиентов, она в истерике завопила, что я собираюсь лишиться жизни ее нерожденного внука.

Таким образом, только случайность спасла нашего малыша. Я и по сей день благодарна Марси за ее болтливость.

Ругаясь на чем свет стоит, Карим привез меня домой. Когда мы остались наедине, он покрыв меня поцелуями, и мы, оба заливаясь слезами, бросились в объятия друг друга. Все неприятности остались позади, и мы с Каримом чувствовали себя на вершине блаженства.

РОДЫ

Я полагаю, самое сильное и совершенное чувство, испытываемое в жизни, – это когда ты даешь жизнь новому человеку. Вынашивание ребенка и роды можно сравнить по глубине переживаний и красоте с величайшими произведениями искусства. Я поняла это, когда со счастьем и нетерпением ждала нашего первенца.

Мы с Каримом скрупулезно обсудили все детали, касающиеся предстоящих мне родов. Ни одна мелочь не казалась нам настолько незначительной, чтобы па нее можно было бы не обращать внимания. Мы решили, что за четыре месяца до предполагаемых родов отправимся в Европу, а сами роды должны были состояться в Лондоне, в больнице Гая⁶.

Однако как тщательно мы ни планировали нашу поездку, вмешались непредвиденные обстоятельства, помешавшие нам исполнить задуманное. Мать Карима, которая почти ничего не видела сквозь свою новую чадру, сшитую из очень плотного материала, налетела на рынке на сидящую на земле старуху-бедуинку и вывихнула ногу; один из близких родственников, ожидавший подписания важного контракта, попросил Карима отложить отъезд; у моей сестры Нуры случился приступ аппендицита, изрядно напугавший всю семью.

Наконец все эти неприятности остались позади, но тут у меня начались ложные схватки, и врач категорически запретил нам предпринимать какие-либо поездки. Нам с Каримом пришлось смириться с неизбежным – наш ребенок будет рожден в Эр-Рияде.

Как назло, Королевский Исследовательский Центр вместе с больницей, где должны были оказывать медицинскую помощь членам королевской семьи, еще не открылся. Я поняла, что рожать мне придется в одной из обычных городских больниц, где нередки случаи инфекционных заболеваний, а персонал не настолько квалифицирован, как бы мне этого хотелось.

Поскольку мы принадлежим к королевской семье, то возможности наши гораздо более широки, чем у большинства саудовцев. Карим заплатил крупную сумму и договорился, чтобы три палаты в родильном отделении одной из больниц преобразовали в роскошные апартаменты. Были наняты маляры и плотники, из Лондона прилетели дизайнеры для отделки интерьера, и закипела работа.

Сияющий от гордости главврач провел нас с сестрами туда, где мне предстояло дать жизнь нашему малышу. Стены были обиты небесно-голубой тканью, а кровать покрыта шелковыми покрывалами. Роскошная детская кроватка была привинчена к полу на тот случай, если кто-то из персонала, упаси Аллах, споткнется о колыбель и уронит нашего драгоценного малыша на пол. Когда об этом сказали Нуре, та расхохоталась и заявила, что Карим всю семью сведет с ума своей заботой и беспокойством.

Я едва не лишилась дара речи, когда Карим сказал мне, что из Лондона вскоре должны прибыть шесть медиков, чтобы оказывать мне помощь при родах. Он выложил кругленькую сумму, и известный лондонский акушер в сопровождении пятерых опытных медсестер взялся приехать в Эр-Рияд за три недели до предполагаемых родов.

Поскольку матери моей уже не было в живых, на нашу виллу приехала Сара, чтобы

---

⁶ Одна из старейших лондонских больниц, основана в 1721 г. книготорговцем Гаем. (Прим. пер.)

поддержать меня в последние дни моей беременности. Она не спускала с меня глаз, а я, в свою очередь, внимательно наблюдала за ней. Мне сразу бросились в глаза печальные перемены, происшедшие с моей дорогой сестрой, и я сказала Кариму, что, по-моему, ей никогда не оправиться от последствий своего трагического замужества. Она все время грустила, ничем не напоминая ту веселую, жизнерадостную девушку, которую я так любила.

Как же порой бывает несправедлива жизнь! Ведь мне, с моей врожденной агрессивностью, было бы куда проще справиться с мужчиной, подобным тому, который достался в мужа Саре. Всем известно, что подобные типы почти всегда тушуются, когда получают отпор. Сара, с ее мягким характером, оказалась идеальной жертвой для своего садиста-мужа.

И все же я была очень рада, что она оставалась рядом со мной. Во время беременности я стала нервной и раздражительной и не всегда могла справиться со своими эмоциями, так что сестра весьма благотворно на меня влияла, когда я выходила из себя от бесконечного сюсюканья Карима, совершенно ошалевшего от счастья.

Поскольку в доме часто бывали брат Карима Асад и многие кузены, Саре приходилось все время быть готовой к тому, чтобы надеть чадру, выходя с женской половины. Мужчины нашей семьи без конца слонялись по всему дворцу, и Сара не хотела попасться кому-нибудь из них с открытым лицом, опасаясь неприятностей. Однако уже на третий день пребывания ее в нашем доме Нора передала через Карима разрешение Саре не надевать чадру в саду и жилых помещениях дворца. Я была очень довольна этим, а Сара, хотя поначалу и чувствовала неловкость, вскоре привыкла и с удовольствием ходила по дворцу с непокрытым лицом.

Однажды, поздним вечером, мы с Сарой наслаждались прохладой в общем семейном саду⁷. В этот момент с какой-то поздней прогулки вернулся Асад в сопровождении четверых друзей.

Услышав мужские голоса, Сара отвернулась лицом к стене, не желая вызывать ненужных пересудов, если посторонние увидят ее без чадры. Мне не хотелось усугублять ее неловкость, и я громко предупредила мужчин, что в саду находятся женщины с открытыми лицами. Мужчины во главе с Асадом торопливо прошли мимо нас, глядя в противоположную сторону. Асад из вежливости подошел к нам, чтобы осведомиться, где Карим, и его взгляд случайно упал на лицо Сары.

Реакция его на увиденное оказалась такой сильной, что я испугалась, не случился ли с ним сердечный приступ. Было видно, как он задрожал, и я со всей возможной скоростью, какую позволял мой живот, подбежала к нему и схватила за руку. Я была очень обеспокоена. Не заболел ли он? Лицо Асада горело, и он, казалось, был не способен передвигаться без посторонней помощи. Я усадила его в кресло и громко позвала кого-нибудь из слуг, чтобы ему принесли воды.

Никто не отвечал, и тогда Сара вскочила на ноги и бросилась в дом за водой. Асад, ужасно смущенный, хотел было уйти, но я видела, что он близок к обмороку, и настояла на том, чтобы он не двигался с места. Он сказал, что у него ничего не болит, но не смог внятно объяснить причину своего внезапного приступа слабости.

Сара вернулась со стаканом и бутылкой холодной минеральной воды. Не глядя на Асада, она наполнила стакан и поднесла к его губам. Рука Асада коснулась пальцев Сары, и их глаза встретились. Стакан выпал из рук Сары и разбился, а сама она бросилась прочь и скрылась в доме.

Я оставила Асада его друзьям, которые к этому времени уже вышли в сад, чтобы узнать, куда он запропастился. Они всю таращили глаза на мое лицо, не замечая даже огромного живота, а я вызывающе выступила им навстречу, смело глядя прямо в глаза и громко

---

⁷ В большинстве саудовских домов наряду с общими, или «семейными» садиками, существуют и специальные женские. [Прим. пер.]

приветствуя их. В ответ слышалось лишь смущенное бормотание.

Карим разбудил меня среди ночи. Когда он вернулся домой, то первым, кого он встретил, был Асад, ожидавший брата, чтобы поговорить с ним. Карим хотел узнать от меня подробности происшедшего в саду. Еще не совсем проснувшись, я вкратце рассказала ему обо всем и поинтересовалась здоровьем Асада.

Впрочем, сон в одно мгновение слетел с меня, когда Карим сказал, что Асад хочет жениться на Саре. Он заявил Кариму, что никогда не будет счастлив, если Сара не станет его женой! И это сказал тот, кого все считали беспечным повесой и плейбоем! Тот, кто еще несколько недель назад расстроил свою мать, поклявшись никогда не жениться.

Я была просто потрясена и сказала Кариму, что хотя мне и не трудно было заметить, какое действие красота Сары оказала на Асада, но женитьба?! В это просто невозможно было поверить! Только потому, что он увидел ее и она ему понравилась? Я отмахнулась от всего этого и повернулась к стене.

Пока Карим принимал душ, я еще раз обдумала услышанное и, выскользнув из постели, отправилась к Саре. Постучав в дверь и не получив ответа, я тихо открыла дверь. Моя сестра сидела на балконе и смотрела на небо, усыпанное мириадами сияющих звезд. Стараясь не шуметь, я вышла на балкон и устроилась в уголке, ошарашенная таким поворотом событий.

Не глядя в мою сторону, Сара уверенно сказала:

– Он хочет жениться на мне.

– Да, – тихо подтвердила я.

С горящими глазами Сара продолжала:

– Султана, когда я заглянула в его глаза, то увидела в них свою будущую жизнь. Это про него говорила Худа, когда предсказала мне, что я еще познаю любовь! Еще она сказала, что результатом этой любви станут шестеро малышей, которым я дам жизнь.

Я закрыла глаза, пытаюсь вызвать в памяти слова, сказанные давным-давно в доме наших родителей. Я вспомнила разговор о несбывшихся мечтах Сары и упоминание о возможном ее замужестве, но подробности совершенно стерлись из моей памяти. И все же того, что я вспомнила, оказалось достаточно, чтобы меня охватило странное чувство: предсказания Худы мало-помалу сбывались.

Мне не верилось, что речь идет о любви с первого взгляда, но подумав, что наша первая встреча с Каримом привела к таким же последствиям, прикусила язык и не издала ни звука.

Сара погладила мой живот:

– Иди в постель, Султана, твоему ребенку нужен отдых. Мне все равно не уйти от моей судьбы! – Она снова подняла глаза и посмотрела на звезды. – Скажи Кариму, что Асад может поговорить с отцом об этом деле.

Когда я вернулась в спальню, Карим еще не спал. Я передала ему слова Сары, он удивленно покачал головой и, обнимая меня, пробормотал, что жизнь – это все-таки очень странная штука. Мы поняли, что чему быть, того не миновать, и мирно заснули в объятиях друг друга.

На следующее утро, когда Карим еще брился, я решила спуститься в холл и на полпути услышала голос Норы. Она, по своему обыкновению, цитировала какую-то пословицу. Затаив дыхание, я прислушалась:

– Тот, кто женится на женщине, сраженный ее красотой – обманывается; тот, кто женится по здравому размышлению, – и в самом деле может считать, что он женат!

Я не была настроена по-боевому и решила кашлянуть, чтобы обозначить свое присутствие. Но, когда Нора заговорила снова, я передумала и продолжала прислушиваться.

– Асад, девушка уже побывала замужем и быстро развелась. Кто может знать, почему это произошло? Подумай хорошенько, сын мой, ты ведь можешь взять себе в жены кого-нибудь и попримечнее. Лучше начинать с невинной, не тронутой девушкой, а не с той, которой уже попользовались! Кроме того, сынок, ты же знаешь, какой ужасный характер у Султаны. Разве может ее родная сестра оказаться другой по натуре?

Сердце мое колотилось от ярости, когда я вошла в комнату и предстала перед их взорами. Итак, значит, мать настраивает Асада против Сары! И вся ее любезность оказалась не более чем маской; втайне Нора по-прежнему ненавидела меня! Ничто не оказалось в состоянии изменить ее мнение обо мне.

Зная беспечный нрав Асада, я не была в восторге от перспективы его женитьбы на Саре, однако теперь всецело встала на его сторону. По его лицу было видно, что ничто не может поколебать его решимости. Он был как одержимый.

Увидев меня, они замолкли на полуслове, так как я с трудом сдерживала ярость. Как смеет Нора сомневаться в порядочности моей сестры? Не спорю, у меня, действительно, тяжелый характер и необузданный нрав. Я была такой с самого детства и не имела ни малейшего желания меняться. Но сравнивать со мной Сару?!

В юности я слышала, как многие пожилые женщины говорили: «Если постоять рядом с кузнецом, обязательно покроешься копотью, но если побыть возле торговца благовониями, то и сама будешь благоухать». Я поняла, что, по мнению Норы, Сара слишком долго жила рядом со мной и теперь просто не могла быть другой. Не могу передать, как разозлила меня моя свекровь своими глупыми умозаключениями.

Красота Сары у многих женщин вызывала ревность и раздражение. Я знала, что именно из-за внешности никто уже просто не принимал во внимание ее мягкий нрав и острый ум. Бедная Сара!

Асад встал и, кивнув мне, сказал, что уходит. Нора скорчилась, как от удара кинжалом, когда он повернулся к ней и резко бросил:

– Решение принято. Если я подойду ей и ее семье, ничто не остановит меня.

Нора крикнула ему в спину что-то о бесцеремонных юнцах, пытаясь вызвать у него чувство вины, мол, ей осталось недолго жить на этом свете, а сердце ее слабеет с каждым днем.

Асад проигнорировал ее слова и бедняга только сокрушенно покачала головой. Она сидела, нахмутив брови, и молча прихлебывала кофе. Без сомнения, она начала замышлять что-то против Сары так же, как когда-то против своей соперницы-ливанки.

Несмотря на охватившее меня возбуждение, я нажала кнопку звонка и заказала появившемуся повару йогурт и фрукты на завтрак. В комнату вошла Марси и стала массировать мои больные ноги своими умелыми пальцами. Нора попыталась было завязать со мной разговор, но я была слишком рассержена, чтобы поддерживать его. Едва я приступила к свежей клубнике, которую мне ежедневно доставляли самолетом из Европы, как у меня неожиданно начались схватки, и я сползла с кресла на пол. Я была испугана резкой болью, неожиданно навалившейся на меня. Я знала, что боль будет все сильнее и сильнее, как было во время ложных схваток.

Все вокруг словно взорвалось, когда Нора во весь голос стала звать Карима, Сару, медсестер и слуг. Не прошло и нескольких секунд, как Карим уже поднял меня с пола и на руках отнес в огромный, длинный лимузин, который был специально переоборудован на этот случай. Сиденья были убраны, а вместо них по одному борту стояла кровать, а рядом с ней – три маленьких стульчика, на которых должны были сидеть Карим, Сара и медицинская сестра. Доктор и остальные четыре акушерки из Лондона ехали вслед за нами в отдельном автомобиле.

Я вся извивалась от боли, когда сестра тщетно пыталась измерить мне пульс. Карим сначала крикнул шоферу, чтобы тот ехал побыстрее, но через секунду передумал и велел ему ехать потише, чтобы не убить нас всех. Он был в совершеннейшей панике, и я думала, что он ударит бедного малого, когда тот позволил второй машине срезать угол перед самым нашим носом.

Сара пыталась успокоить моего мужа, но он ничего не слышал и только громко проклинал себя за то, что не догадался заказать полицейский эскорт. В конце концов сестра-англичанка не выдержала и прикрикнула на него. Она сказала, что своими криками он только может нанести вред жене и ребенку и пригрозила, что если Карим не успокоится, то она высадит его из машины.

Карим, принц королевской крови, который за всю свою жизнь не слышал от женщины резкого слова, был настолько потрясен, что совершенно потерял дар речи, и оставшуюся часть пути просидел, не проронив ни звука. Мы все вздохнули с облегчением.

Главврач больницы вместе со всем персоналом встречал нас у ворот. Он явно был рад, что наш ребенок должен родиться в его больнице, потому что в последние годы большинство членов королевской семьи предпочитали рожать своих детей за границей.

Роды мои были долгими и тяжелыми, так как я была еще молода, с узкими бедрами, а ребенок оказался крупным. О самих родах я мало что помню, меня накачали транквилизаторами и обезболивающими, и все окружающее виделось как сквозь дымку. Я чувствовала, что персонал нервничает, и слышала, как врач то и дело покрикивает на медсестер. Нет сомнения, что и врач, и сестры, так же, как и мои родственники, молились о рождении сына. Они знали, что в случае рождения мальчика их щедро наградят, чего не будет, конечно, если на свет появится девочка. Что касается меня, то я ждала именно дочь. Я знала, что жизнь в нашей стране должна измениться, и хотела, чтобы моя дочь стала свидетельницей, а может, и участницей этих перемен.

Громкие поздравления врача и сестер вырвали меня из полузабытья. У меня родился сын! Краем уха я услышала, как врач шепнул старшей сестре: «Теперь этот сумасшедший набьет нам карманы золотом!» Я хотела было возмутиться таким отношением к моему мужу, но силы оставили меня, и я потеряла сознание. Вспомнила я об этих словах только через несколько недель, когда Карим подарил доктору новенький «ягуар» и пятьдесят тысяч английских фунтов. Сестрам были вручены дорогие золотые украшения и по пять тысяч фунтов. Главврач больницы получил исключительное право пользоваться королевскую семью. Кроме этого, ему было выплачено вознаграждение в размере трех месячных окладов.

Все мысли о дочери исчезли, когда мне па грудь положили моего малыша. «Дочери будут позже», – подумала я. Зато этот малыш получит воспитание, отличное от того, что давалось мальчикам на протяжении многих поколений. Я подумала, что его будущее – в моих руках. Он вырастет не таким, как остальные, научится уважать своих сестер. Он женится по любви и будет счастлив в браке. Я говорила себе, что истории известны случаи, когда один человек способен изменить жизнь миллионов. Я чувствовала гордость от того, что произвела на свет человека, который, возможно, сможет изменить наш мир. У меня не было сомнений в том, что новая жизнь женщин Саудовской Аравии начнется именно сейчас, с рождением моего сына!

Карим не слишком задумывался о будущем своего сына. Он был вне себя от счастья и громко строил планы насчет того, сколько еще сыновей смогу я ему родить.

Мы были счастливы!

МРАЧНЫЕ ТАЙНЫ

Результатом нашей жизни на земле всегда является смерть. Жизнь – это движение в одну сторону, однако варианты ухода могут быть самыми разными. Наиболее желаемый всеми вариант ухода – это тихая, спокойная смерть, являющаяся логическим завершением долгой и полноценной жизни. Когда же смерть приходит к молодому человеку, пышущему жизнью и здоровьем, то это едва ли не самое печальное, что может произойти на этом свете.

Когда я лежала в больнице по случаю рождения сына, мне пришлось стать свидетельницей бессмысленной гибели молоденькой, ни в чем не повинной девушки.

И Карим, и медицинский персонал старались оградить меня от общения с другими саудовскими женщинами, лежавшими в этой же больнице. Мой сын лежал рядом со мной в своей кровати, тогда как остальные новорожденные находились в специальном помещении отдельно от своих матерей. Мне очень хотелось узнать о жизни простых женщин, и я пользовалась любой возможностью выскользнуть из своих роскошных апартаментов и пообщаться с соседками. В повседневной жизни мне нечасто предоставлялась такая возможность.

Я считала свою жизнь бедной, но по сравнению с большинством женщин я жила просто великолепно. Моей жизнью управляли мужчины, однако высокое положение моей семьи предполагало и определенную степень защищенности от всякого рода несправедливости. Большинство же женщин, лежавших вместе со мной в больнице, вообще не имели никакого права голоса.

Мне было восемнадцать, когда я родила своего первого ребенка, а в больнице я видела тринадцатилетних девочек, нянчивших своих первенцев. Некоторые мои ровесницы рожали уже третьего, а иногда и четвертого ребенка. Особенно меня заинтересовала одна молоденькая девушка. Когда она смотрела сквозь стекло детской на кричащих малышей, глаза ее наполнялись невыразимой болью. Она часами стояла молча, глядя прямо перед собой невидящим взором, и я понимала, что мысли ее заняты какой-то трагедией, не имеющей отношения к происходящему здесь, в больнице.

Мне удалось узнать, что эта девушка приехала из маленького селения, расположенного недалеко от Эр-Рияда. Обычно женщины ее племени рожают дома, но бедняжка не могла родить в течение пяти дней и ночей, и муж привез ее в больницу. Мне удалось познакомиться с ней, и я узнала, что ей было двенадцать лет, когда ее выдали за пятидесятилетнего мужчину. Она была третьей женой, но муж очень любил ее.

Магомет, возлюбленный пророк наш, учил, что мужчина обязан поровну распределять свое время между женами. В данном случае муж оказался настолько очарован молодой женой, что проводил с ней большую часть времени, забывая об остальных двух женах. Девушка сказала, что ее муж очень силен и способен делать это по нескольку раз в день. Ее глаза широко раскрылись, и она несколько раз сделала рукой характерное качающее движение, как бы подтверждая свои слова.

Теперь она была испугана, так как родила дочь, а не сына. Она была уверена, что муж рассердится, так как первенцами остальных двух жен были мальчики. И она решила, что муж перестанет уделять ей должное внимание.

Она мало что могла вспомнить о своем детстве, которое теперь казалось ей таким далеким. Бедняжка плохо питалась и с детства привыкла к тяжелой работе. Она рассказывала мне, как вместе с братьями и сестрами пасла овец и верблюдов и ухаживала за маленьким садиком. Мне хотелось узнать, что она думает о женщинах и мужчинах в нашей стране, но, поскольку она оказалась совершенно необразованной, мне не удалось добиться от нее вразумительного ответа.

Она ушла, не попрощавшись, оставив меня наедине с грустными мыслями о ее беспросветной жизни, с которыми я и отправилась в свои комнаты.

Невероятно озабоченный безопасностью своего сына, Карим выставил вооруженную охрану у дверей моих апартаментов. Когда я вышла прогуляться, то была очень удивлена, увидев еще пару охранников, стоящих у дверей одной из палат. Я решила, что там, должно быть, лежит еще одна принцесса, и спросила об этом медсестру. Та нахмурила брови и сказала, что, кроме меня, других принцесс в больнице нет.

Прежде чем рассказать мне эту историю, медсестра долго поносила все человечество. Она сказала, что никогда ничего подобного не могло бы произойти в ее стране, так как британцы, слава Богу, достаточно цивилизованы, а остальной мир по сравнению с ними выглядит просто варварским.

Я не могла даже представить себе, что же ввергло медсестру в такой гнев, и поэтому упросила ее рассказать мне все, что ей известно, пока Карим не пришел меня проведать.

Она рассказала мне, что накануне весь персонал больницы буквально замер от ужаса, когда увидел совсем еще молоденькую девочку на последней стадии беременности, закованную в кандалы и наручники, которая в сопровождении вооруженных охранников направлялась в предродовое отделение. Вслед за охранниками, вместе с перепуганным главврачом, шла группа сотрудников мутавы. Именно они, а не главврач, назначили девочке лечащего врача.

Для пущего страха врача предупредили, что девушка предстала перед судом шарията и

была признана виновной в прелюбодеянии. Поскольку прелюбодеяние считается преступлением против Аллаха, девочку ждет суровое наказание. Едва не лопающиеся от чувства собственной правоты, люди из мутавы собирались проследить за тем, чтобы приговор должным образом был приведен в исполнение.

Врач, мусульманин из Индии, не стал оказывать сопротивления сотрудникам мутавы, но был возмущен ролью, которую его вынудили играть. Он с возмущением рассказал своим коллегам, что обычным наказанием за прелюбодеяние служит порка, но по настоянию отца эта девочка будет казнена. Ее будут охранять, пока она не родит, а потом забьют камнями.

Подбородок медсестры дрожал, когда она сказала мне, что девочка – еще совсем ребенок и ей не больше четырнадцати-пятнадцати лет. Она не знала подробностей и хотела попробовать выяснить их у других сестер.

Когда пришел Карим, я стала просить, чтобы он разузнал подробности происшедшего. Поначалу он заявил, что это нас не касается, но потом уступил моим просьбам и пообещал узнать, в чем там дело.

Мое настроение в этот день несколько улучшилось, когда пришла Сара и рассказала о том, как развиваются ее отношения с Асадом. Асад поговорил с нашим отцом и получил положительный ответ. Они собирались пожениться через три месяца. Я порадовалась за сестру, которая за свою жизнь знала так мало счастья.

Но следующее заявление Сары заставило мое сердце сжаться от страха. Сестра сказала, что они с Асадом собираются на следующий уикенд встретиться в Бахрейне. Я попыталась отговорить ее, но Сара заявила, что встретится с Асадом, хочу я этого или нет. Она решила сказать отцу, что останется в нашем с Каримом доме, чтобы помочь мне оправиться после родов. Норе она собиралась сказать, что уезжает домой к отцу. Она была уверена, что никто не станет задавать никаких вопросов.

Я спросила, как она собирается путешествовать без разрешения отца, так как все мы знали, что он хранит паспорта всех членов семьи запертыми в сейфе в своем офисе. Кроме того, ей необходимо письмо отца с разрешением путешествовать, иначе ее просто не пустят в самолет. Мне чуть не стало дурно, когда Сара сказала, что позаимствовала паспорт и письмо у своей подруги, которая должна была лететь в Бахрейн, чтобы навестить родственников, но отменила поездку из-за болезни.

Поскольку саудовские женщины носят чадру, а ни один пограничник или таможенник не осмелится попросить женщину открыть лицо, многие из них пользуются чужими документами в подобных случаях. Сара пообещала подруге, что в будущем окажет ей такую же услугу. Меня всегда поражало, с какой легкостью наши женщины обманывают пограничные службы, но теперь дело касалось моей сестры, и я была крайне обеспокоена.

Пытаясь отговорить Сару от безрассудного поступка, я рассказала ей историю девушки, которую держали под охраной и приговорили к смерти. Но даже это не поколебало решимости моей сестры. Скрепя сердце я согласилась помочь ей в этом рискованном предприятии. Она радостно рассмеялась в восторге от мысли, что сможет встретиться с Асадом без присмотра родственников. Она договорилась с подругой, что проведет уикенд в ее апартаментах в Манаме, столице крошечного Бахрейна.

Сара взяла из колыбели моего малыша, осмотрела его со всех сторон, расцеловала и сказала, что скоро тоже познает радость материнства, так как они с Асадом мечтают о тех шестерых малышах, появление на свет которых предсказала Худа.

Я изобразила на лице бурную радость, которой ожидала от меня Сара, но сердце мое сжимал страх.

Ранним вечером пришел Карим с новостями о приговоренной девушке. Он сказал, что она распутница и забеременела после многочисленных связей с подростками. Карим был возмущен ее поведением. Он заявил, что, нарушив законы ислама, она покрыла свою семью позором, так что у ее отца просто не было другого выхода.

Я спросила мужа, какое наказание ждет юношей, замешанных в этом деле, но не получила

ответа. Скорее всего они отделаются внушением, так как в арабском мире вся вина за незаконный секс ложится на женские плечи. Меня ошеломило спокойствие, с которым Карим говорил о предстоящей казни ребенка, какое бы преступление тот ни совершил. Как я ни пыталась упросить мужа поговорить с королем, чтобы тот умерил гнев не в меру праведного отца, мне не удалось убедить его. Карим с раздражением оборвал меня и сказал, что не желает больше говорить на эту тему.

Когда он стал прощаться, я была совершенно подавлена. Он осыпал нашего сына поцелуями, пророча ему блестящее будущее, а я сидела и не могла вымолвить ни слова.

Я уже собиралась покинуть больницу, когда ко мне пришла медсестра-англичанка, буквально трясаясь от ярости. Она принесла тяжелые новости о приговоренной девушке, а поскольку эта женщина обладала хорошей памятью, то в точности запомнила все тягостные подробности, о которых ей поведал доктор-индиец. Этим утром приговоренная девушка родила дочь. Сотрудники мутава знали о том, как возмущена иностранная община, и теперь вместе с вооруженными охранниками стояли у входа в родильную палату, чтобы какой-нибудь сердобольный иностранец не помог ей бежать.

После родов девушку отвезли в ее палату, а врачу объявили, что молодую мать в тот же день увезут и отправят на казнь за преступление, совершенное ею перед Аллахом. Будущее новорожденной было неясным, таю как семья девушки отказалась ее принять.

Ужас стоял в глазах медсестры, когда она вспоминала, как девушка, заливаясь слезами, рассказала доктору о событиях, результатом которых явилось нынешнее ее трагическое положение. Звали ее Амаль, и она была дочерью коммерсанта из Эр-Рияда. Ей было всего тринадцать, когда разразилась катастрофа, разрушившая ее мир. Она только-только надела чадру.

Трагедия произошла в четверг вечером, что аналогично субботнему вечеру на Западе. Родители Амаль уехали на уикенд в Эмираты и должны были вернуться не раньше субботы. Трое слуг филиппинцев спали, а шофер находился в сторожке у ворот довольно далеко от дома. Старшие братья и сестры Амаль жили отдельно со своими семьями. Дома оставались лишь девочка и ее семнадцатилетний брат. Уезжая, родители поручили заботу об Амаль филиппинцам и брату. Тот решил воспользоваться отсутствием родителей и собрал своих друзей на вечеринку.

Поздно вечером Амаль услышала громкий шум и музыку из комнаты, которая находилась прямо под ее спальней. Она решила, что брат с приятелями накурились марихуаны, к которой пристрастились в последнее время. Наконец, когда стены ее комнаты задрожали от рева стереосистемы, включенной на полную мощность, Амаль решила спуститься вниз и попросить брата и его друзей сделать музыку потише.

Она была одета в одну лишь ночную рубашку и не собиралась входить в комнату к брату. Она приоткрыла дверь и окликнула его по имени, но никто не отозвался. Свет был приглушен, и она решила войти.

Брата она так и не нашла. Остальные подростки были одурманены наркотиками и возбуждены разговорами о женщинах. Несколько человек сразу же набросились на нее и прижали к полу. Амаль громко звала брата, пыталась объяснить подросткам, что она – дочь хозяина этого дома, по их одурманенные мозги уже ничего не воспринимали. С девочки сорвали рубашку, и друзья брата накинулись на нее, как свора бешеных собак. Грохот музыки заглушал крики несчастной. После третьего изнасилования Амаль потеряла сознание.

Брат девочки в это время был в ванной.

Накурившись марихуаны, он рухнул у стены и в дурмане проспал весь остаток ночи. Позже, когда головы насильников стали проясняться, они поняли, что натворили, и в панике сбежали с виллы.

Шофер с помощью филиппинцев отвез Амаль в ближайшую больницу. Доктор из реанимационного отделения оповестил полицию, затем прибыли представители мутава. Амаль не могла назвать имен насильников, сказав только, что это были друзья ее брата.

Имена назвал брат, но к тому времени, когда насильников вызвали в полицию для дачи показаний, они уже успели договориться и придумать собственную историю. По их версии, не было никаких наркотиков. Они признались в том, что действительно слушали довольно громкую музыку и предавались невинным забавам. По их словам, девочка спустилась к ним в одной прозрачной рубашке и предложила заняться сексом. Она сказала им, что в своей комнате читала какую-то книгу фривольного содержания, которая разожгла ее любопытство. Они клялись, что поначалу пытались отправить ее обратно к себе в комнату, но девочка вела себя совершенно бесстыдно – садилась к ним па колени, целовала их, гладила свое тело – они не смогли долго выдержать такой соблазн. Они подумали, что, оставшись без присмотра, девочка решила хорошенько поразвлечься. Они утверждали, что она была ненасытна и умоляла их продолжать еще и еще.

Наконец из Эмиратов вернулись родители Амаль. Мать безоговорочно поверила рассказу дочери. Она обезумела от горя, но не смогла убедить мужа в невинности Амаль. Отец ее, который всегда чувствовал себя, неловко с дочерьми, был потрясен случившимся, но считал, что мальчики поступили так, как па их месте поступил бы любой другой мужчина. С тяжелым сердцем он решил, что девочка должна быть примерно наказана за принесенный семье позор. Что касается брата, то он, опасаясь сурового наказания за употребление наркотиков, не пошевелил и пальцем, чтобы спасти сестру.

Мутава предложила отцу моральную поддержку в его нелегком решении, пообещав отблагодарить его за религиозную убежденность.

Девушка должна была умереть сегодня!

Истощенная переживаниями и страхом, я едва слышала возмущенные восклицания англичанки. Мне открылась вся ничтожность моего счастья, когда я думала о невинной девочке и тщетных попытках ее матери спасти своего ребенка от ужасной смерти.

Я никогда сама не видела, как– забивают камнями, но Омар трижды присутствовал на подобных экзекуциях и с упоением рассказывал нам о судьбе, которая ожидает слабых женщин, не слишком бережно охраняющих свою честь, столь ценимую мужчинами. Я вспомнила один из его живописных рассказов, который накрепко засел в моей памяти.

Когда мне было двенадцать лет, одну женщину, жившую в деревушке неподалеку от Эр-Рияда, признали виновной в супружеской измене. Ее приговорили к смертной казни посредством забивания камнями. Омар вместе с соседским шофером решили посмотреть на это зрелище.

Огромная толпа с самого утра ждала приведения приговора в исполнение. Всем этим людям не терпелось посмотреть на воплощенную безнравственность. Толпа, разомлевшая под жарким солнцем, уже начала волноваться, когда из полицейской машины грубо вытолкнули молодую женщину лет двадцати пяти. Омар сказал, что она была очень красива, как раз из тех женщин, что не стараются чтить законы Аллаха.

Руки приговоренной были связаны за спиной, а голова низко опущена. Один из мужчин громким голосом огласил официальный приговор. Женщине заткнули рот грязной тряпкой, а па голову надели черный колпак. Ее грубо поставили па колени, и огромный палач нанес ей плетью пятьдесят ударов по спине.

Подъехал самосвал и выгрузил большую кучу камней. Человек, который зачитывал приговор, объявил толпе, что можно начинать. Омар рассказал, что группа людей, в основном мужчин, кинулись к куче и принялись швырять в женщину камни. Вскоре несчастная упала па землю, и только тело ее содрогалось при каждом новом ударе. Поток глухих ударов казался нескончаемым. Время от времени избиение прекращалось, и врач подходил пощупать у приговоренной пульс. Прошло около двух часов, когда он, наконец, констатировал смерть; только после этого избиение прекратилось.

Возбужденная медсестра, вернувшаяся в палату, прервала мои грустные размышления. Полиция и мутава уводили девочку на казнь. Сестра сказала, что если я выйду в коридор, то смогу увидеть лицо девушки, не прикрытое чадрой. За дверью раздался шум шагов. Я быстро

накинула чадру, и ноги сами понесли меня в коридор.

Обреченная казалась хрупкой и маленькой рядом с крепкими охранниками, ведущими ее навстречу страшной судьбе. Она шла, низко опустив голову, поэтому я не могла разглядеть выражения ее лица, но было ясно, что это очаровательная девочка, которая могла бы превратиться в красавицу, если бы ей дали возможность вырасти. Она с ужасом взглянула на окружающие ее любопытные лица. Я видела, что она напугана до смерти. Никого из родных не было поблизости, только чужие люди собрались проводить ее в это самое страшное из путешествий.

Я вернулась в свою палату и нежно обняла своего сына, радуясь, что он не принадлежит к слабому, угнетенному полу. Я вглядывалась в его крошечное личико и думала о том, сможет ли он сделать хоть что-нибудь, чтобы сломать эту несправедливую систему, которая позволяет убивать детей за преступления, которых они не совершали. Я даже подумала, а может, стоит, убивать всех девочек сразу после рождения? Может быть, если нас не будет, паши мужчины • задумаются об этом. Я вся дрожала от возбуждения и все не могла найти ответа на вопрос: «Как может мать защитить своих дочерей от законов нашей страны?»

В глазах медсестры-англичанки блеснули слезы. Всклипывая, она спросила, почему я, принцесса, не вмешалась в происходящее. Мне пришлось сказать ей, что я не могу повлиять на судьбу бедной девочки, так как в нашей стране не имеют права голоса даже женщины королевской семьи. С грустью я сказала сестре, что судьба девушки предрешена и она не только умрет в мучениях, но о ее смерти не будет даже никакой записи ни в одном документе. Я с горечью подумала о том, что настоящие виновники избежали наказания и, наверняка, не испытывают ни малейшего угрызения совести от содеянного.

В этот момент приехал сияющий Карим. Он только что закончил приготовления к нашему возвращению во дворец. Полицейский эскорт должен был сопровождать нас по улицам Эр-Рияда, расчищая дорогу. Когда я пыталась рассказать Кариму о происшествии в больнице, он велел мне замолчать. Ему не хотелось выслушивать грустные новости, когда он держал на руках своего сына, свою гордость, которой ему хотелось похвастаться перед каждым саудовцем.

Я с грустью подумала о том, что могу разочароваться в своем муже, проявившем так мало участия в судьбе несчастной девушки. Горький вздох вырвался у меня, я почувствовала страх перед будущим, с которым мне и моим еще не рожденным дочерям придется столкнуться лицом к лицу.

СМЕРТЬ КОРОЛЯ

Год 1975 наполнен для меня и радостью, и грустью. Мое личное семейное счастье было омрачено событиями, трагическими для королевской семьи и всей страны. Окруженный любящими родственниками Аб-дулла, мой возлюбленный сын, встретил свой второй день рождения. На частных самолетах из Франции был привезен маленький цирк, чтобы развлекать нашего малыша. Целую неделю клоуны и акробаты жили в доме отца Карима.

Сара с Асадом преодолели все препятствия, поженились и с нетерпением ожидали рождения первенца. Асад был настолько озабочен своим грядущим отцовством, что слетал в Париж и заказал все необходимое для будущего ребенка в трех крупнейших универмагах. Нора не верила своим глазам и всем встречным и поперечным заявляла, что ее сын сошел с ума. Сара, окруженная такой заботой и любовью, просто светилась от счастья.

Али учился в Соединенных Штатах и мало интересовался делами своих сестер. Правда, он умудрился до смерти перепутать отца, когда заявил, что влюблен в американку – представительницу среднего класса. Впрочем, Али никогда не был последовательным и вскоре проинформировал семью, что собирается жениться только на саудовской женщине. Позже мы узнали, что возлюбленная Али треснула его по голове подсвечником, когда мой братец потребовал от нее беспрекословного подчинения.

Мы, молодые современные саудовские пары, с радостью воспринимали перемены в положении женщин, явившиеся следствием многолетних попыток короля Фейсала и его жены Иффат. Они дали возможность женщинам получать образование, а это, в свою очередь, стало определяющим фактором в изменении нашей страны. Некоторые женщины перестали закрывать лица, выбросили чадру и смело давали отпор религиозным ортодоксам, которые осмеливались выступать против них. Они по-прежнему покрывали волосы и носили абайи, но их смелость давала всем нам надежду па лучшее. Мы, члены королевской семьи, не могли позволить себе такой свободы; свою силу показывали женщины среднего класса.

Школы для женщин открывались теперь без обычных демонстраций протеста со стороны мутава. Мы были уверены, что именно образование женщин может привести их к равенству. К сожалению, среди твердолобых фундаменталистов все еще не редки были случаи смертной казни для женщин. Мы с подругами утешали друг друга тем, что любые перемены должны происходить постепенно, особенно в такой стране, как наша.

Прошло полгода, и мы с Каримом стали владельцами четырех новых домов. Был наконец достроен наш дворец в Эр-Рияде. Карим решил, что его единственный сын вырастет более крепким и здоровым, если будет дышать свежим морским воздухом, поэтому мы купили виллу в Джидде, на самом берегу моря. Мой отец был владельцем прекрасного дома в Лондоне и предложил продать его любому из своих детей со значительной скидкой. Поскольку у остальных моих сестер уже были дома в Лондоне, а Сара с Асадом строили себе виллу в Венеции, мы с Каримом с радостью ухватились за возможность приобрести дом в этом чудесном городе, который так любят все арабы. И, наконец, в честь третьей годовщины нашей свадьбы, Карим купил мне очаровательную виллу в Каире.

По случаю дня рождения Абдуллы семейный ювелир прилетел из Парижа и привез великолепную коллекцию бриллиантов, рубинов, сапфиров и изумрудов. С этими камнями он сделал несколько гарнитуров ожерелий, браслетов и серег. Нет нужды говорить, что я чувствовала себя вознагражденной за то, что произвела на свет такого чудесного малыша.

Мы с Каримом проводили большую часть времени в Джидде. К счастью, наша вилла находилась в месте, часто посещаемом членами королевской семьи, так что скучать нам не приходилось.

Мы с мужем играли в шашки и наблюдали, как наш сын, в окружении нянек-филиппинок, плещется в голубой воде бассейна вместе с экзотическими рыбками. Даже нам, женщинам, разрешалось купаться в море, хотя мы и не снимали наших одеяний, пока не оказывались по горло в воде. Тогда служанка забирала абайи, и мы могли вволю плескаться в теплой воде. Я чувствовала себя настолько свободной, насколько это возможно для саудовской женщины.

Был конец марта, не самого жаркого месяца в году, так что вскоре после полудня мы обычно возвращались в дом. Служанки брали нашего малыша и обмывали его под теплым душем, а мы наблюдали, как он визжит от восторга и брыкается своими толстенькими ножками. Мы сияли от гордости, а Карим однажды даже заявил, что чувствует неловкость от того, что так счастлив. Позже я говорила, что он, по-видимому, навлек беду па всех нас тем, что не скрывал своего счастья.

Большинство арабов верят в сглаз, Мы никогда вслух не говорим о своем благополучии и счастье своих детей. А вдруг какой злой дух узнает о нашей радости и сделает так, что с предметом нашего счастья случится что-нибудь ужасное?! Чтобы оградить своих детей от злого глаза, на их одежду обязательно пришивают голубые бусинки. Хотя мы и считали себя людьми современными, но все же предпочитали не нарушать обычаев.

Итак, мы сидели и наслаждались жизнью, когда увидели мчащегося к нам во весь опор Асада, выкрикивающего что-то на бегу. Волосы мои зашевелились от ужаса, когда я расслышала его слова: «Король Фейсал погиб! Его убил один из принцев!» Мы с мужем сидели, не в силах вымолвить ни слова, пока Асад переска зывал нам подробности происшедшего, которые узнал от одного из кузенов.

Первопричиной смерти нашего дяди явился многолетний конфликт по поводу открытия в

Эр-Рияде телевизионной станции, которую собирались пустить в ход около десяти лет назад. Король фейсал всегда ратовал за прогресс и модернизацию пашей во многом отсталой страны. Карим говорил, что однажды король заявил, что нравится это саудовцам или нет, но он пинками загонит их в двадцатый век!

Проблема, с которой он столкнулся, была сродни тому, с чем боролся его отец – король Абдул Азиз. Религиозные фанатики были категорически против всяких новшеств в нашей стране. При Абдуле Азизе они протестовали против открытия радиостанции, и король смог преодолеть их сопротивление, пообещав, что по радио регулярно будут читать Коран. С этим религиозные лидеры вынуждены были согласиться, так как не смогли найти ничего зазорного в том, что слово Аллаха станет слышимым во всех уголках страны. Так и Фейсал, задумав построить телецентр, столкнулся с ожесточенным сопротивлением шейхов.

Как это ни прискорбно, некоторые члены королевской семьи тоже присоединились к этим протестам, и в сентябре 1965 года, когда я была совсем еще ребенком, один из наших родственников был застрелен полицией, когда возглавлял демонстрацию протеста против строительства телестанции. Он, вместе со своими последователями, пытался взять станцию штурмом, и полиция вынуждена была открыть огонь. Прошло почти десять лет, по младший брат убитого принца продолжал строить планы мести, и теперь, наконец, дождался своего часа, и застрелил своего дядю, короля Фейсала.

Карим с Асадом срочно вылетели в столицу, а мы с Сарой, в окружении еще нескольких родственниц, собрались в нашем дворце под защитой толстых степ. Мы рыдали от горя, так как все очень любили своего короля – ведь многие из нас считали его своей единственной надеждой. Только он пользовался равным авторитетом как среди религиозных лидеров, так и среди членов королевской семьи. Он всегда принимал близко к сердцу тяжелое положение женщин и призывал наших отцов встать рядом с ним и делать все возможное для социальных изменений в нашей стране. Однажды я сама слышала, как он сказал, что хотя Аллах и определил для мужчины и женщины разные роли, но он не давал права одним полностью распоряжаться судьбами других. Он помолчал и добавил, что не будет счастлив до той поры, пока все граждане нашей страны, как мужчины, так и женщины, не смогут сами распоряжаться своей судьбой. Он искренне верил, что только образование поможет женщинам выбраться из того небытия, в котором все они находятся.

Я с уверенностью могу сказать, что после Фейсала ни один король не думал столько о судьбе женщин. Наш короткий рывок к свободе закончился. Как это ни грустно, но я должна признать, что шансы наших женщин на свободу были похоронены вместе с королем Фейсалом.

Мы были возмущены до предела и чувствовали ненависть к семье, вырастившей сына, который оказался способным на это ужасное преступление. Того, кто убил нашу надежду звали Фейсал ибн Мусаид. Одна из моих кузин сказала, что отец убийцы едва не помешался от горя. Этот человек, который был воспитан как верный гражданин, бывший к тому же сводным братом покойного короля, прекратил всякие контакты с членами королевской семьи и стал вести затворническое существование. Слишком трудно ему было смириться с мыслью, что один его сын вырос фанатиком, погибшим при штурме государственной телестанции, а второй убил нашего любимого и уважаемого короля Фейсала.

Я с болью думала о том, кто же придет на смену покойному королю, у кого хватит мудрости, чтобы управлять страной так, как это делал король Фейсал. Никогда еще, ни до этого события, ни после, я не видела такого горя, охватившего тогда нашу страну. Казалось, сама земля рыдает и корчится в муках. Лучший руководитель, какого только могла желать наша страна, был убит одним из своих же племянников!

Три дня спустя дочь Сары удивила свою мать, появившись на свет ногами вперед. Маленькая Фадила, названная так в честь нашей покойной матери, родилась в дни всеобщего траура. Как глубоко мы ни были опечалены, малышка своим появлением на свет как бы явилась знаком свыше, говорящим, что жизнь не закончилась со смертью короля Фейсала.

Сара была настолько обеспокоена будущим своей дочери, что упростила Асада подписать

документ, в котором говорилось, что его дочь, когда вырастет, получит право выйти замуж за того, за кого пожелает, без всякого принуждения со стороны. Саре приснился кошмарный сон, в котором они с Асадом погибли в авиационной катастрофе, и она боялась, что случись такое на самой деле, дочь ее будет ждать судьба большинства саудовских женщин. Сара сказала Асаду, что скорее совершит убийство, чем позволит выдать свою дочь замуж за человека, подобного тому, с каким ей самой пришлось в свое время столкнуться. Асад, безумно влюбленный в свою жену, успокоил ее, подписав требуемые бумаги и положив на имя малышки миллион долларов в один из швейцарских банков. Отныне дочь Сары была материально обеспечена на случай непредвиденных обстоятельств.

Али вернулся из Соединенных Штатов на летние каникулы еще более несносным, чем я его помнила. Он прожужжал нам все уши рассказами о своих эскападах с американскими женщинами и в конце концов заявил, что, как ему и говорили, все американки – шлюхи!

Когда Карим оборвал его и сказал, что встречал в Америке множество высокоморальных женщин, Али расхохотался и принялся уверять его, что с тех пор многое изменилось. Он сказал, что все женщины, которых он встречал в барах, сами предлагали ему заняться с ними любовью еще до того, как он успевал подумать об этом. Карим ответил, что тут нет ничего удивительного, так как большинство женщин, посещающих бары в одиночку, действительно искательницы приключений, однако далеко не все американки таковы, хотя они в своей стране так же свободны, как и мужчины. Он посетовал Али посещать не только бары, но и церкви, а также выставки и концерты, где можно встретить действительно достойных женщин. Однако Али не желал слушать никаких доводов и продолжал уверять, что встречал в Америке самых разных женщин, но все они оказывались шлюхами.

Как и большинство мусульман, Али даже и не пытался понять традиции и обычаи других народов. Единственная информация, которую арабы получают об американском обществе, поступает! к ним из низкопробных фильмов и телевизионных шоу. К тому же большинство саудовцев путешествует в одиночку, и единственное, что интересует их за границей – это женщины. А среди женщин, само собой, они интересуются проститутками и стриптизершами. Отсюда и исходит представление наших мужчин о развратном Западе. Что же касается саудовских женщин, то они редко путешествуют и составляют свое мнение о Западе по рассказам мужей. Результатом является то, что большинство арабов искренне уверены в доступности всех западных женщин.

Должна признать, что мой брат Али красив той экзотической красотой, которая привлекает многих женщин, по я знала наверняка, что далеко не все американки – женщины легкого поведения! Я сказала мужу, что хотела бы съездить в Америку вместе с Али для того, чтобы встать за его спиной с плакатом:

ЭТОТ ЧЕЛОВЕК ВТАЙНЕ ПРЕЗИРАЕТ ЖЕНЩИН!
ЕСЛИ ВЫ СКАЖЕТЕ «ДА» ЭТОМУ ЧЕЛОВЕКУ,
ОН НА ВЕСЬ МИР ЗАЯВИТ, ЧТО ВЫ – ШЛЮХА!

Прежде чем вернуться обратно в Соединенные Штаты, Али заявил отцу, что готов жениться. Он сказал, что воздержание тяготит его, поэтому ему требуется, чтобы каждый раз, когда он возвращается домой, к его услугам была женщина. К тому же, по его мнению, ему пора было обзавестись сыном. В Саудовской, Аравии мужчина не ценится, если у него нет сыновей, и приятели Али уже не раз говорили ему об этом.

Он не собирался взять свою жену вместе с собой в Америку, предпочитая, чтобы она жила в доме его отца под присмотром Омара и других слуг. Али заявил, что должен быть свободен, чтобы вволю наслаждаться свободой нравов, царящей па Западе. От своей будущей жены он требовал, кроме безусловной девственности, чтобы она была не старше семнадцати лет, хороша собой и послушна. Не прошло и двух недель, как Али уже был помолвлен с одной из своих кузин. Свадьбу назначили на декабрь, когда у него будет больше месяца каникул между

семестрами.

Глядя на своего братца, я благодарила Аллаха за то, что он послал мне такого мужа, как Карим. Без сомнения, муж мой далек от совершенства, по Али – типичный саудовец, жизнь с которым может стать для женщины истинным адом!

Незадолго до возвращения Али в Штаты, вся семья собралась на нашей вилле в Джидде. В один из вечеров мужчины изрядно подвыпили и принялись спорить. Речь шла о том, можно ли разрешить саудовским женщинам управлять автомобилем. Карим с Асадом присоединились к нам с Сарой, которые утверждали, что ислам ничего не говорит по поводу того, что женщина не имеет права водить машину. Мы приводили в пример развитые страны, где женщины-пилоты реактивных самолетов – вовсе не редкость. Чем же хуже мы, что нас даже не подпускают ни к какой технике. Многие саудовские семьи не могут позволить себе иметь больше одного шофера, и в какое положение они попадают, когда шофер, скажем, заболит, а в этот момент появляются какие-то неотложные дела? Неужели наши мужчины такого низкого мнения о своих женщинах, что готовы скорее доверить управление автомобилем две-надцати-тринадцатилетним мальчишкам (что не редкость в Саудовской Аравии), чем взрослой женщине?

Али, отец и Ахмед даже саму мысль об этом посчитали безумием. Али сказал, что единственным следствием этого разрешения явилось бы то, что женщины принялись бы встречаться с мужчинами где-нибудь в пустыне, чтобы прелюбодействовать. Ахмед утверждал, что из-за чадры возрастает опасность дорожно-транспортных происшествий. Отец присоединился к этому мнению и сказал, что полиция не сможет опознать женщину-водителя, так как лицо ее будет закрыто. Он утверждал, что женщина за рулем представляет несомненную опасность для окружающих. Мужья остальных моих сестер предпочли не ввязываться в спор, а продолжали не спеша накачиваться спиртным.

В конце концов Али дошел до того, что заявил, что поскольку женщины гораздо больше поддаются чужому влиянию, то они почти наверняка станут подражать юнцам, которые носятся по дорогам, не соблюдая никаких правил. Результатом этого, по мнению Али, явилось бы то, что в нашей стране стало бы гибнуть на дорогах гораздо больше народу.

Мой самоуверенный брат безумно раздражал меня! Он был уверен, что вся моя импульсивность осталась в прошлом, но как же он заблуждался! Нервы мои не выдержали, и, к полному потрясению всех присутствующих, я сорвалась со своего места и что было мочи вцепилась ему в волосы. Карим вместе с отцом едва оторвали меня от Али. Сестры хохотали до упаду, а их мужья смотрели на меня со смесью страха и восхищения.

На следующий день Али попытался помириться со мной, так как не хотел уезжать в Штаты, оставаясь в ссоре с кем-либо из семьи. ' Я решила хорошенько проучить его и начала разговор с того, что все наши мужчины требуют от своих невест невинности, тогда как сами только и делают, что стараются соблазнить как можно больше женщин. Али всерьез вступил в беседу и на примере Корана принялся доказывать мне, что девственность является совершенно необходимым условием для того, чтобы выйти замуж.

Я грустно покачала головой и тяжело вздохнула. Заметив это, Али спросил, в чем дело, и я объяснила, что очень беспокоюсь за него. Я сказала, что согласна с тем, что девушка должна быть невинной, выходя замуж, добавив с грустью, что трудно в наше время встретить настоящую девственницу. Али удивленно взглянул на меня и спросил, что я имею в виду. Я снова вздохнула и ответила, что хотя в самой Саудовской Аравии женщины редко позволяют себе недостойное поведение, так как опасаются за свою жизнь, но, выезжая за границу, частенько отдают самое ценное, что у них есть, какому-нибудь иностранцу.

Али впал в ярость от одной только мысли о том, что кто-то, кроме саудовского мужчины, может сорвать цветок девственности саудовской девушки. Он взволнованно поинтересовался, откуда у меня такие сведения. Я с мольбой посмотрела ему в глаза и попросила ни в коем случае не говорить о нашей беседе Кариму и отцу, так как они будут в шоке от услышанного. Я добавила, что женщины часто обсуждают эти вопросы и всем давно известно – времена

девственниц в нашей стране ушли в прошлое! Али закусил губу и задумался. Несколько минут он молчал, а затем спросил, что же делают эти развратницы, когда наступает время первой брачной ночи? Ведь если нет девственности, то не будет и крови, а в таком случае невесту с позором вернут ее отцу. В Аравии окровавленные простыни вручают свекрови, чтобы та могла продемонстрировать всем, что ее сын взял в жены девушку.

Я пододвинулась поближе и шепотом рассказала Али, что большинство женщин хирургическим путем восстанавливают девственную плеву, добавив, что некоторые поступают так по многу раз, отдавая свою «девственность» снова и снова ничему не подозревающим мужчинам. В Европе, сказала я, полно специалистов, которые за умеренную плату готовы проделать эту простую операцию.

Затем, к окончательному ужасу Али, я сообщила ему, что если девушка не успеет по какой-то причине сделать эту операцию до свадьбы, то есть еще один способ: вложить кусочек бараньей печени во влагалище перед половым актом. Муж ни за что не почувствует разницы и благополучно лишит невинности баранью печеньку, а не молодую жену!

Итак, новый страх обуял моего самолюбивого братца. Он немедленно позвонил по телефону своему знакомому врачу, и я видела, как рука, сжимавшая телефонную трубку, задрожала, а сам Али просто побелел, когда приятель подтвердил ему, что такие операции вполне возможны. Что касается бараньей печени, то доктор об этом ничего не слышал, но согласился, что безнравственные женщины могут придумать и не такое!

Невероятно обеспокоенный, Али в тот день дважды возвращался к нам на виллу, чтобы спросить у меня совета, как избежать подобного обмана. Я отвечала, что для этого есть только один способ: не отходить от своей невесты ни на шаг с момента ее рождения. Так что, сказала я, ему придется смириться с тем, что та, па которую падет его выбор – тоже человек – и могла в молодости совершить ошибку. Мой братец Али улетел в Штаты в отвратительном расположении духа.

Когда я рассказала Саре, Кариму и Асаду о своей проделке, Сара не смогла сдержать хохота. Карим с Асадом обменялись обеспокоенными взглядами и по-новому взглянули на своих жен.

Будущую свадьбу Али никто не отменял. Его невеста была ослепительно красива, и я с жалостью смотрела на нее. И все же каждый раз, вспоминая, как был озабочен и перепуган Али, мы с Сарой принимались хохотать, как безумные. Позже муж укоризненно сказал мне, что после моей шутки Али стал бояться полового акта. Он все время думал, а что если его обманывают? Отныне он был обречен сомневаться во всех своих женах!

Самым страшным кошмаром для саудовского мужчины является сознание того, что он у женщины не первый. Это не имеет никакого значения, если женщина – проститутка, но жена!? Даже мысль об этом была невыносимой для моего брата.

Я с готовностью призналась своему мужу, что много злых поступков совершила на своем веку и мне будет в чем покаяться в последний день⁸. И все же в день свадьбы Али я чувствовала удовлетворение, не изведенное мной раньше. Я смогла узнать о самом тайном страхе Али и воспользовалась этим знанием с толком!

ЖЕНСКАЯ КОМНАТА

Нура перелистывала дрожащей рукой Коран – священную книгу всех мусульман. Наконец она нашла нужное место и протянула мне книгу. Я громко прочитала:

«А те из ваших женщин, которые совершают мерзость, – возьмите в свидетели против них четырех из вас. И если они засвидетельствуют, то держите их в домах, пока не успокоит их

---

⁸ последний день – (библ.) «Судный день» (Прим. ред)

смерть или Аллах устроит для них путь».⁹

Я взглянула па Нуру и остальных сестер. На Тахани не было лица – ничто не могло спасти ее подругу Самиру. Заговорила Сара:

– Никто не может помочь ей. Сам пророк предусмотрел такое наказание.

Я почувствовала, как во мне вскипает ярость:

– Самира ни в чем не виновата. Нет никаких свидетелей в преступлении против Аллаха! Она просто полюбила иностранца! Наши мужчины считают, что они вправе ухаживать за иностранками; нам же не позволено ничего! Это безумие! Этот закон – и его интерпретация – придуман мужчинами и для мужчин!

Нура пыталась успокоить меня, но это было не так-то легко. Я была готова сражаться до последнего против тех, кто задумал свершить такое суровое наказание над той, кого мы все так любили – над Самирой.

Днем раньше Самира была приговорена своими мужчинами к заточению в темной комнате, где ей предстояло находиться до самой смерти. Самире было всего двадцать два года, и ей предстояли годы одиночества.

В чем же состояло ее преступление? Она училась в Лондоне и полюбила человека не нашей веры. С самого детства нас учили, что страшный грех для саудовской женщины – сблизиться с немусульманином, так как в таком случае нельзя гарантировать воспитание детей в правильной вере. В арабском мире все решения в семье принимает муж, поэтому мусульмане уверены, что женщина, выйдя замуж за иностранца, также не будет иметь права голоса, и ее муж не позволит ей воспитать детей мусульманами.

Каждый мусульманин верит, что ислам – это последнее послание Аллаха человечеству, а следовательно, эта религия является главенствующей по отношению к остальным. Мусульмане не имеют права сознательно подчиняться человеку другой веры или позволить другим подчиняться иноверцам. И в то же время сами саудовские мужчины без зазрения совести женятся на женщинах другой веры. Только саудовским женщинам приходится платить самую высокую цену за связь с иноверцем. Наши религиозные демагоги утверждают, что если мужчина женится на женщине другой веры, то ничто не может помешать ему воспитать детей мусульманами.

Одна только мысль об этой вопиющей несправедливости едва не заставила меня зарычать от ярости. Мы с сестрами понимали, что с этого момента вся жизнь нашей подруги Самиры станет постепенным, безнадежным движением к смерти. И мы – ее подруги детства – совершенно бессильны перед этим.

Самира была лучшей подругой Тахани с восьмилетнего возраста. Она была единственным ребенком своей матери, которая вскоре после родов заболела раком яичников и, хотя его удалось благополучно излечить, детей у нее больше быть не могло. Как это ни удивительно, отец Самиры не развелся со своей отныне бесплодной женой, что было бы обычным поступком для любого саудовского мужчины.

Мы с сестрами видели немало женщин, с которыми их мужья развелись из-за болезни. Для большинства женщин в нашей стране развод – это и моральная, и материальная травма. Более того, если ее дети вышли из грудного возраста, их могут отобрать, не спрашивая ничего согласия. Хорошо, если у разведенной женщины есть любящие родители или старшие сыновья, которые согласны взять ее под свою опеку. Без поддержки женщина обречена, так как одиноким и разведенным в Саудовской Аравии запрещено жить самостоятельно. Правительство строит специальные интернаты для таких несчастных, но жизнь там просто ужасна. Повторно выйти замуж удастся только очень красивым или очень богатым. Как и всегда в нашей стране, вина за неудачный брак и развод ложится на женщину.

Матери Самиры повезло. Ее муж действительно любил ее и не стал бросать в тот момент,

---

⁹ КОРАН – здесь и далее цитируется в переводе академика И. Ю. Крачковского. Москва, «Раритет». 1990 г.

когда она более всего нуждалась в поддержке. Он даже не взял вторую жену, чтобы обзавестись наследниками. Таких, как отец Саамиры, в нашем обществе считают странными.

Саамира и Тахани были лучшими подругами, а поскольку мы с Сарой ближе всех к ним по возрасту, то тоже дружили с ней. Мы все втроем безумно переживали за подругу; она ведь была любимым ребенком своего отца, который, в отличие от большинства мужчин-саудовцев, всегда мыслил по-современному и не раз обещал своей дочери, что она будет свободной от оков, налагаемых на женщин нашими нелепыми традициями.

Саамира всегда сочувствовала нам, так как наш отец был далеко не таким передовым. В самые тяжелые минуты она старалась поддержать нас. Я помню, как искренне она плакала на свадьбе Сары. Тогда с ней едва не случилась истерика. И вот теперь она, наша Саамира, заперта в самой мрачной из возможных тюрем, и даже слугам запрещено говорить с ней, и они просто подают ей пищу сквозь маленькое окошечко под дверью. Единственное, что ей отныне предстоит слышать – это звук собственного дыхания и биение сердца.

Мысль об этом была невыносимой для меня. Обернувшись к Саре, я с надеждой предположила, что Карим или Асад смогут помочь нашей подруге. Тахани с мольбой взглянула на нас, но Сара лишь медленно покачала головой. Асад уже наводил справки; пи дядя Саамиры, ни бывший ее муж не желали отменить ужасный приговор. Это дело касалось только ее семьи и Аллаха.

Так как саудовским женщинам запрещено общаться с учителями-мужчинами, отец Саамиры нанял ей частных преподавателей из Лондона. После нескольких лет интенсивной учебы дома Саамира поступила в технический колледж в Лондоне. Отец и мать, гордые успехами дочери, поехали вместе с ней в Англию, чтобы помочь там устроиться.

Родители Саамиры сияли для нее квартиру и наняли двух служанок-индианок и секретаршу-филиппинку. Распрощавшись с дочерью и пожелав ей успехов, родители возвратились в Эр-Рияд. Никто, конечно, и помыслить не мог, что они видятся в последний раз. Шли месяцы и, как мы и предполагали, Саамира благополучно училась в колледже, демонстрируя блестящие способности.

Прошло четыре месяца, и Саамира познакомилась с Ларри, студентом, приехавшим по обмену из Калифорнии. Говорят, противоположности тянутся друг к другу. И правда, Ларри оказался высоким, мускулистым блондином, воспитанным в свободной стране, а наша подруга была миниатюрной, экзотической брюнеткой, выросшей в стране, где женщины совершенно бесправны.

Она написала Тахани, что чувствует страх от того, что любит иноверца. Она не сомневалась, что никто не позволит ей выйти замуж за христианина. Ларри оказался католиком и никогда бы не согласился перейти в мусульманскую веру, а это было бы единственным выходом из создавшегося положения.

Прошел еще месяц, и Тахани получила второе отчаянное письмо. Саамира писала, что они с Ларри не могут жить друг без друга. Они собирались жить вместе в Лондоне, а потом сбежать в США и там пожениться. Саамира надеялась, что ее родители тоже переедут в Штаты и купят дом поблизости. Наша подруга не сомневалась, что родители поймут ее. Конечно, она понимала, что ей уже никогда не вернуться в Саудовскую Аравию, где она подверглась бы преследованию за связь с «неверным».

Как это ни трагично, но родители Саамиры так и не узнали о дилемме, стоящей перед дочерью. Оба они погибли в автомобильной катастрофе, когда огромный бензовоз врезался в их лимузин на одной из улиц Эр-Рияда.

В арабском мире, когда умирает глава семьи, вся полнота власти над остальными членами переходит к старшему мужчине. После смерти отца Саамиры все взял в свои руки ее дядя.

Просто удивительно, как два родных брата могли оказаться такими разными. Один был добрым и понимающим, второй жестоким и нетерпимым. Человек глубоко верующий, он всегда выражал свое недовольство независимостью племянницы. С того момента, как Саамира отправилась учиться в Лондон, он даже перестал разговаривать с братом.

Будучи категорическим противником образования для женщин, он считал, что лучше всего выходить замуж как можно раньше, причем за человека солидного и опытного. Сам он совсем недавно женился на тринадцатилетней девочке. У нее только-только "начались месячные, а ее отцу было столько же лет, сколько и ему самому.

Дядя Самиры был отцом четырех дочерей и трех сыновей. Все его дочери были выданы замуж при первом признаке созревания. Они не получили никакого образования, и всей их грамотности хватало лишь на то, чтобы цитировать Коран.

Не успела Самира оправиться от известия о смерти родителей, как последовал еще один удар. Она получила телеграмму от дяди, который был теперь главой семьи: «Возвращайся в Эр-Рияд ближайшим рейсом. Возьми с собой все свои вещи!»

Боязнь оказаться под властью своего тирана-дяди толкнула Самиру на безрассудный поступок, оказавшийся роковым, – вместе с Ларри она сбежала в Калифорнию.

Подобное неподчинение со стороны женщины потрясло ее нового хозяина. В то время он ничего не знал о ее любовнике и не мог понять, что же происходит.

Прошел месяц, и дядя, не имея никаких вестей от Самиры, решил, что она умерла где-то на чужбине. Он не мог представить, что член семьи может столько времени не давать о себе знать. Он уже хотел было оставить поиски, но его старший сын настоял на том, чтобы нанять частных детективов.

Однажды ранним утром дядюшка Самиры, рыча от ярости ворвался на виллу Тахани, сжимая в кулаке бумагу с рапортом частного агентства. Даже не поздоровавшись, он принялся обвинять Тахани в том, что она знала о планах Самиры, но ничего не сообщила о его «племяннице-безбожнице и ее мерзком женихе».

С широко раскрытыми глазами Тахани рассказала нам об этом визите. Она поведала, что дядя Самиры бился головой о стены, умолял Аллаха помочь ему убить племянницу; он клялся отомстить ее любовнику-неверному. Дядя проклинал тот день, когда родился его брат и умолял Аллаха обрушить на голову Самиры все возможные кары. Он кричал не переставая, что племянница опозорила всю семью – как ныне здравствующих, так и еще не родившихся ее членов.

Тахани не могла долго выносить этой истерики и помчалась в офис к мужу, Хаббибу. К тому моменту, как они с мужем вернулись домой, дядя Самиры уже ушел, не преминув предупредить слуг, что тот, кто предоставит убежище его племяннице, станет его злейшим врагом. Чтобы успокоить Тахани, Хабиб разыскал взбешенного дядюшку и заверил его, что бунтовщица-племянница не давала о себе знать. Самира оказалась совсем одна в чужой, незнакомой стране. Она не могла даже и представить, что ее дядя станет просматривать всю корреспонденцию, поступающую на имя каждого из родственников. Он пригрозил, что любой член семьи, связавшийся каким бы то ни было образом с Самирой, будет сурово наказан. Он был уверен, что девушка, если она жива, заскучает по семье и в конце концов не выдержит и попытается связаться с кем-нибудь. Ему оставалось только ждать.

К этому времени в далекой Калифорнии Ларри засомневался в правильности своего выбора. Самира впала в панику. Безразличие возлюбленного больно ранило ее, и она позвонила Тахани, чтобы посоветоваться, что же ей делать. У нее было мало денег и совсем не было друзей в Америке. К тому же иммиграционные службы не позволили бы ей – остаться в США, если Ларри не женится на ней. Хабиб, хотя и не запрещал Тахани общаться с Самирой, не разрешил ей послать подруге телеграфом немного денег.

Когда у Самиры оставалось всего несколько тысяч долларов, она не выдержала и позвонила своей любимой тетке. Та была настолько напугана угрозами брата, что немедленно донесла ему о звонке. Теперь, будучи в курсе финансовых и личных проблем племянницы, дядя тщательно спланировал ее возвращение в Саудовскую Аравию.

Самиру заманили в Каир лживыми обещаниями о том, что ее простят и позволят спокойно завершить обучение. На обратную дорогу ей телеграфом перевели требуемую сумму денег. Самира позвонила Тахани и сквозь рыдания сказала, что у нее нет другого выхода. Ларри

разлюбил ее и не собирался помогать ей материально. Она не закончила колледж, не получила диплома и не может рассчитывать на работу по специальности. Самира сказала, что пыталась поговорить по телефону с посольствами Саудовской Аравии в Лондоне и Вашингтоне, но с ней не пожелали даже разговаривать и посоветовали не испытывать судьбу и вернуться в семью. Бедная девушка оказалась в безвыходном положении – ей предстояло вернуться в Саудовскую Аравию.

Самира сказала Тахани, что надеется на правдивость рассказа тетки о том, что дядя смягчился и разрешит ей завершить образование. В конце концов, говорила она, не может же дядя жестоко поступить с единственной дочерью своего родного брата. Тахани, хотя и не верила в добрые чувства дяди Самиры, не смогла переубедить бедную девушку, у которой и в самом деле не оставалось выбора.

В каирском аэропорту Самиру встретили две ее тетки и двое двоюродных братьев. Они усыпили ее бдительность разговорами о том, что ей вскоре предстоит вернуться в Лондон и что ей давно уже надо было перестать скрываться от семьи. Самира успокоилась и решила, что все будет хорошо. Она возвратилась в Эр-Рияд! Телефонного звонка от Самиры так и не было, и Тахани впала в глубокую депрессию. В конце концов она не выдержала и позвонила родственникам подруги. Ей сказали, что девушка нездорова и поэтому не в состоянии разговаривать с кем бы то ни было. Тахани уверили, что Самира немедленно свяжется с ней, как только ей станет лучше.

Прошла еще неделя, и тетки Самиры проинформировали пас о том, что наша подруга готовится к замужеству и по хочет, чтобы ей докучали звонками, так как ее будущий муж не одобряет этого.

И все же Самире удалось связаться с подругой. Рыдая, она сказала, что все ее надежды рассыпались в прах, как только она увидела своего дядю. Он с самого начала был разъярен, а когда увидел «безбожную» племянницу, то прямо затрясся от злости.

Как оказалось, Самиру держали взаперти в ее комнате с того момента, как она вернулась домой. Там она и ждала приговора своего сурового дяди. Никто из членов семьи не осмелился поднять голос в защиту бедной девушки. Она шепотом поведала Тахани, что ей пообещали как можно скорее подобрать «достойного» мужа и не позднее, чем через месяц, выдать замуж. Самира была в ужасе от предстоящего, так как ее связь с Ларри основывалась на искреннем чувстве, и она больше не была девственницей. Мы мало что смогли узнать о свадьбе, потому что никто из нашей семьи не был приглашен. Впрочем, у нас не было ни малейшего сомнения в том, что церемония вряд ли была радостной. Все, что мы смогли узнать, это возраст жениха. Ему было под шестьдесят, и Самира должна была стать его третьей женой.

Прошло немало времени, прежде чем мы смогли узнать хоть какие-то подробности. Их рассказал Хаббибу один из двоюродных братьев Самиры. Оказалось, что в первую брачную ночь Самира боролась со своим мужем с таким отчаянием, что он едва не лишился главного своего орудия, с помощью которого собирался взять то, что принадлежало ему по праву. Кровь, безусловно, пролилась, но это была кровь не Самиры, а ее толстого и лысого коротышки-мужа. Он так толком и не понял, что его невеста оказалась не девственной.

Когда Тахани принялась расспрашивать одну из теток Самиры, которая теперь наотрез отрицала свое участие в похищении девушки, та сказала, что поначалу муж был даже доволен, что ему досталась такая «тигрица». Ему нравилось, что приходится брать ее силой. Но время шло, и он стал уставать от бесконечных баталий и теперь уже открыто признавался в том, что жалеет, что взял в свой дом такую упорную женщину.

Наконец наступила развязка. Во время одного из скандалов Самира в лицо своему мужу крикнула, что никогда не сможет полюбить такого, как он. Она кричала, что знает, как должен ласкать настоящий мужчина и что все потуги мужа – ничто по сравнению с тем, что давал ей ее возлюбленный – стройный, высокий американец.

Взбешенный супруг немедленно развелся с ней и доставил к дверям дома ее дяди, обвинив последнего в том, что у того нет чести, раз он предложил ему в жены свою

племянницу, заведомо зная, что она нечиста. Со всеми подробностями он пересказал дяде Самиры ее воспоминания о любовнике.

Гнев дяди не знал границ. Он принялся изучать Коран и вскоре нашел строки о том, что женщин, опорочивших доброе имя семьи, надо держать взаперти. Муж Самиры, уязвленный тем, что оказался у своей жены не первым, поклялся, что сделает этот скандал достоянием общности, если к распутнице не будет применено самое суровое наказание. Это ускорило развязку.

Дурные вести принес нам Хаббиб. Он сказал, что дядя Самиры избрал для нее одно из самых жестоких наказаний – заключение в «женскую комнату». Для этой цели было подготовлено специальное помещение на верхнем этаже виллы ее дяди. Окна в маленькой каморке были заделаны цементными блоками, а по стенам проложена звукоизоляция, чтобы никто не мог слышать криков несчастной. Изготовили и специальную дверь с маленьким окошком внизу, через которое слуги должны были подавать ей пищу. Для отправления естественных потребностей организма в полу проделали отверстие.

Любопытным рабочим-иностранцам объяснили, что у одного из членов семьи серьезное душевное расстройство после несчастного случая, поэтому изоляция нужна, чтобы больной случайно не поранил себя во время припадка. Мы с сестрами собрались у Тахани, которая была вне себя от горя, чтобы поддержать ее в трудную минуту. Все мы чувствовали себя несчастными – ведь Самира была одной из пас – саудовской женщиной, которая ничего не может предпринять в свою защиту!

Я строила всевозможные планы ее освобождения, тогда как старшие сестры смотрели на вещи куда реальной. Они слышали много подобных историй и прекрасно знали, что нет надежды вырвать Самиру из того кошмара, в котором ей предстоит провести остаток своей жизни.

Не одну ночь после этого я не могла сомкнуть глаз. Чувство отчаяния и безысходности охватывало меня, как только я ложилась в постель. Мне тоже приходилось слышать о женщинах, которых заключали в «женскую комнату», но никогда эта ужасная картина не возникала в моем мозгу с такой отчетливостью, как сейчас, когда дело касалось той, кого я так хорошо знала, которая всегда воплощала для меня надежду на лучшее в нашей стране, а теперь влачила жалкое существование в кромешной тьме и безмолвии.

Однажды ночью я проснулась от ночного кошмара. Вся в холодном поту, я судорожно хватала ртом воздух и вдруг поняла – не дурной сон разбудил меня; никогда отныне не смогут спать спокойно те, кто любил Самиру и знал о том, что она до конца своих дней обречена па одиночество во тьме! Один вопрос бесконечно кружился в моем возбужденном мозгу: «Какая сила па земле способна освободить ее?» Глядя на усыпанное мириадами звезд небо, я вынуждена была признать, что такой силы не существует.

ВТОРАЯ ЖЕНЯ

Четверг, 28 августа 1980 года – день, который я никогда не забуду. Мы с Каримом только что вернулись в Эр-Рияд из Эт-Таифа, прохладного горного курорта. Я отдыхала, лежа на софе, а одна из служанок-филиппинок массировала мои усталые ноги. Трое наших детей были в лагере в Дубае, в Эмиратах, и я очень скучала по ним.

Я лениво листала газеты, так как за свое двухмесячное отсутствие совершенно не интересовалась новостями, когда вдруг одна заметка привлекла мое внимание. Один из моих родственников, губернатор Азира принц Халед аль Фейсал, решил предпринять шаги, ограничивающие постоянный рост выкупа, который положено платить за невесту.

Принц установил верхний предел, равный 25.000 саудовских риалов (7.000 долларов). В статье говорилось, что этот указ был радостно воспринят многими холостяками, так как стоимость выкупа за невесту к тому времени была в среднем около 100.000 риалов (27.000 долларов). В результате этого многие молодые мужчины в Саудовской Аравии были не в

состоянии обзавестись женой.

Я прочла статью служанке, но ей не было ровным счетом никакого дела до саудовских женщин, которых можно продать и купить. Ее больше беспокоил вопрос собственного выживания. Слуги считают, что мы, саудовки, прекрасно живем, так как у нас полно свободного времени и денег.

Меня, как мать двух дочерей, тоже не сильно беспокоила сумма выкупа – я знала, что, когда придет время им выходить замуж, выкуп не будет иметь никакого значения. Мы с Каримом были достаточно состоятельными, и деньги не играли для нас никакой роли, но я знала, что остальные мужчины моей семьи думают по-другому. Хотя они и любили поговорить об освобождении женщин, но вопрос нашей купли и продажи совершенно их не беспокоил, и я понимала, что в глубине души их устраивает сложившееся положение вещей, когда женщина полностью зависима и порабощена.

Меня удовлетворила бы только полная отмена выкупа. Сколько еще времени пройдет, прежде чем с женщиной перестанут обращаться, как с вещью?

Мне хотелось обсудить этот вопрос с моими сестрами, но все они, кроме Сары, находились за границей, а любимая сестра была на последних неделях своей четвертой беременности и большую часть времени спала.

Моя жизнь, которую я так тщательно планировала в дни своей юности, была совсем не такой, о какой я мечтала. Напротив, я жила так же монотонно, как и остальные сестры и большинство моих подруг-принцесс.

Слуги кормили детей завтраком и занимались с ними, а я спала до полудня. Потом я перекусывала фруктами и залезала в ванну. После ванны я приводила себя в порядок и присоединялась к Кариму или к кому-нибудь из сестер на ленч. После ленча я читала и спала; затем Карим возвращался в офис, а я проводила несколько часов с детьми.

Ближе к вечеру я ходила в гости к подругам и возвращалась не раньше восьми-деяти часов вечера. Ужинали мы с Каримом вместе с детьми. В эти моменты дети рассказывали нам о своих дневных делах. Часто после ужина мы вместе с мужем ходили в гости к кому-нибудь из родственников, так как только в королевской семье принято встречаться семейными парами. Иногда нашими гостями были видные западные бизнесмены, министры и государственные деятели. Мы знали, что религиозные ортодоксы скрипят зубами от ярости, глядя на то, как мы пренебрегаем обычаями, запрещающими женщинам всякую общественную жизнь. Как бы им ни нравилось наше поведение, они не осмеливались подходить с этим вопросом к Халиду, нашему уважаемому королю.

На такие вечеринки женщины одевались со всевозможным блеском, так как это было единственной возможностью продемонстрировать свои драгоценности и наряды. Мы с Каримом нередко возвращались домой часа в три ночи. Этот распорядок можно считать неизменным, за исключением тех случаев, когда мы с мужем выезжали за границу. Передо мной часто вставал вопрос: «Неужели в этом и есть моя жизнь?»

Мне пришлось смириться с фактом: я, неистовая Султана, превратилась в самую обыкновенную, ленивую, праздную женщину, которой нечем занять себя. Я ненавидела себя и свою лень, но не могла представить, что же сделать, чтобы избавиться от скуки.

После того, как служанка помассажировала мне ноги, я захотела прогуляться по своим садам. Когда я устраивала их, то в качестве примера взяла чудесные сады Нуры. Ничто не доставляло мне такого удовольствия, как прогулка в тенистом саду, за которым ухаживали двенадцать садовников из Шри-Ланки. Мы живем в самом сердце одной из величайших пустынь, но наши дома окружены буйной зеленью. Наши сады поливаются четыре раза в день, для чего пресная вода привозится в огромных цистернах. Это стоит больших денег, но мы не можем дать красным пескам пустыни ни малейшего шанса поглотить наши города и стереть саму память о пас с лица земли. Когда-нибудь пустыня возьмет свое, но пока мы – хозяйева нашей земли.

Я остановилась передохнуть в детском домике, специально построенном для нашей

старшей дочери, Махи, которой вскоре должно было исполниться пять лет. Она была мечтательницей и часами играла в этом домике, общаясь с какими-то выдуманными друзьями. Девочка была похожа на меня в детстве. Впрочем, к счастью, она не была такой же бунтовщицей, так как отец обожал ее. У девочки просто не было потребности в бунте.

Я подошла к клумбам, окружающим любимое место Махи. В домике грудой лежали разбросанные игрушки, и я улыбнулась при мысли о том, как резко отличалась Маха от своей младшей сестры Амани, которой в то время исполнилось три года. Амани была идеальным ребенком, очень похожим на Сару в детстве. При мысли о детях на меня вновь навалилась депрессия. Я не переставала благодарить Аллаха за то, что он даровал мне троих здоровых детей – сына и двух дочерей, но слезы сами собой наворачивались мне на глаза при мысли о том, что больше иметь детей я не смогу. Годом раньше я проходила обычное обследование в больнице Исследовательского Центра короля Фейсала, и мне поставили диагноз – рак груди. Мы с Каримом были потрясены, так как всегда считали, что болезни – удел стариков. Я никогда ничем не болела и с легкостью родила второго и третьего ребенка. Теперь же меня пришлось срочно оперировать. Врачи были уверены, что операция прошла успешно и все раковые клетки удалены, но это стоило мне одной из моих красивых грудей. Кроме того, меня предостерегли от очередных беременностей.

Чтобы исключить риск забеременеть, мы с Каримом решили, что меня надо стерилизовать. В тот момент я настолько боялась умереть и не увидеть, как вырастут мои дети, что мысль о том, что паша семья непривычно мала, совершенно не волновала меня. В Саудовской Аравии женщина обычно продолжает рожать, пока старость естественно не прекратит ее способность к деторождению.

Мои грустные мысли прервал голос Карима. Обернувшись, я увидела, что он идет навстречу мне сквозь густую траву. Прошедший год дался нам нелегко, так как моя болезнь наложила отпечаток на всю нашу семейную жизнь. Внезапно мне захотелось стать былой Султаной, девушкой, способной заставить своего мужа весело смеяться и радоваться жизни. Я улыбнулась, глядя на его белую тобу, прикрывающую стройные, мускулистые ноги. Он по-прежнему волновал меня.

Когда он подошел поближе, я поняла, что мой муж чем-то обеспокоен. Я попыталась угадать, что произошло, так как хорошо знала его и понимала, что раз я вижу его озабоченность, значит, дело действительно нешуточное. Жестом я показала, чтобы он присел рядом со мной на скамейку. Мне хотелось быть как можно ближе к нему, касаться его, вопреки глупым обычаям, запрещающим всякие проявления чувств вне дома.

Карим, однако, присел на противоположный край скамейки, чем немало удивил меня. Он даже не улыбнулся мне в ответ. Первой мыслью было: «Что-то случилось с детьми». Я вскочила и встревожено спросила, что произошло. Тогда-то Карим и произнес слова, которые я даже в самых безумных кошмарах не ожидала услышать от своего мужа:

– Султана, несколько месяцев назад я принял решение... очень важное решение. Из-за твоей болезни я пока не хотел обсуждать его с тобой.

Я кивнула, не понимая, что последует за этим, но почувствовала, что меня охватывает страх.

– Султана, ты всегда была и будешь главной женщиной... женой в моей жизни.

Я по-прежнему ничего не понимала, хотя было ясно, что муж припас для меня что-то ужасное. Лицо мое застыло какими бы ни оказались новости, я не хотела, чтобы он заметил, как я напугана.

– Султана, я могу позволить себе иметь много детей – десять, двадцать... столько, сколько Аллах пошлет мне! – Наступила пауза, показавшаяся мне вечностью. – Султана, я собираюсь взять еще одну жену, вторую, которая могла бы нарожать мне еще детей. Мне ничего от неё не нужно, только детей. Я по-прежнему люблю только тебя.

Я ничего не слышала из-за грохота собственного сердца. Случилось невероятное, во что

я; просто не могла поверить. Никогда, никогда, никогда не могла я представить себе такого! Карим ждал моей реакции. Поначалу я не могла произнести ни слова или пошевелиться. Реальность его слов медленно доходила до меня. Когда же я, наконец, пришла в себя, то ответила ему единственно возможным для меня образом – набросилась на него, как дикая Кошка.

Он не ожидал такого поворота дел и мы оба оказались па полу. Глубину моей боли нельзя было выразить словами. Я хотела, чтобы он просил пощады, и яростно царапала его лицо и |лупила коленом, между ног. Воистину, в тот момент я хотела убить своего мужа.

Карим пытался подняться на ноги, но, когда я в ярости – силы мои удесятерятся. Карим отчаянно боролся и в конце концов сумел прижать меня к земле, а сам сесть сверху.

Тогда я принялась кричать. Я обзывала своего мужа такими словами, что слуги, находившиеся неподалеку, застыли от ужаса. Наконец, я плюнула ему в лицо и утидела, что потрясение его от того, какую ярость он ра-збудил, возросло еще более. Слуги были так напуганы этим зрелищем, что разбежались кто куда, прячась за кустами и деревьями.

Но вот моя ярость стихла, и на смену ей пришло ледяное спокойствие. Не меняя выражения лица, я сказала Кариму, что требую развода; я никогда не соглашусь на такое унижение, как быть не единственной женой! Карим ответил, чтобы я и не мечтала о разводе, разве что соглашусь отдать своих детей на воспитание второй жене. Он никогда не согласится на то, чтобы дети покинули его дом.

Будущая жизнь, как на картинке, предстала передо мной: Карим, приобретающий одну жену за другой. У каждого человека есть предел того, что он может вынести, но я не хотела выяснять, где же находится мой.

Карим мог говорить о чем угодно, но я-то знала истинную причину его намерения взять вторую жену, и это было вовсе не желание иметь детей. Причина была до смехотворности примитивной. Мы были женаты уже восемь лет, и ему надоело одно и то же блюдо. Он хотел чего-нибудь нового и экзотического – секса с новой женщиной.

При мысли о том, что Карим считает меня настолько глупой, что я поверю его сказкам насчет детей, ярость охватила меня с новой силой. Да, я приму все, что уготовано мне Аллахом, но не Кариму играть роль Бога. Его решениям я не собиралась подчиняться. Спокойным голосом я сказала ему, чтобы он убирался с моих глаз, пока я не взяла па душу грех убийства.

Впервые в жизни я почувствовала к своему мужу настоящее отвращение. Снаружи он был – сама мудрость и доброта, но под этой маской скрывались коварство и эгоизм! Я делила с ним ложе восемь лет, а теперь он казался мне чужим. Выходит, я плохо знала его. Теперь мне пришлось убедиться, что я глубоко заблуждалась!

Молча наблюдала я, как он уходит, ссутулившись и опустив голову. Как же может быть, что еще час назад я любила его? И в самом деле, чувства, которые я испытывала в тот момент, трудно назвать любовью. Я высоко ценила Карима и всегда считала его выше других (мужчин нашего общества. Как это ни прискорбно, по сути своей он оказался таким же, как остальные.

Да, в нашей семейной жизни были сложности. Да, мы частенько раздражали друг друга. Но все это было только в последний год. До этого было семь лет счастья и взаимопонимания. И теперь он уже думал о новых удовольствиях, о радости в объятиях другой женщины. Хуже всего было то, что он оказался человеком, способным шантажировать женщину ее же собственными детьми. Безо всякого стыда он посмел предположить, что я способна отдать своих детей на воспитание сопернице. Я поняла, что, как и остальные женщины, вынуждена считаться с реальностью, в которой миром правят мужчины.

В моем мозгу начали вырисовываться контуры плана мести, и я с жалостью подумала о своем муже. Не просто будет Кариму лишить меня моих детей!

БЕГСТВО

В отличие от большинства саудовских мужчин, Карим не прятал от меня паспорта и другие документы. Что же касается меня, я давно уже научилась воспроизводить подпись своего мужа, а его личная печать хранилась в верхнем ящике стола в кабинете.

Когда я собралась с мыслями и вернулась в дом, Карима нигде не было видно. Что ж, значит он, ко всему, еще и трус! Теперь я не сомневалась, что ближайшие пару дней он проведет на вилле своего отца.

Вдруг я вспомнила о Норе и представила, какова будет ее радость, если мы с Каримом разведемся. Наверняка, она уже присмотрела для своего сына вторую жену. До этого момента я не думала о том, кто окажется второй женой Карима. Думаю, ей должна была стать одна из принцесс королевского дома, так как принцы женятся только на равных себе.

Я спокойно упаковала дорожную сумку и выгребла из домашнего сейфа несколько сотен тысяч долларов. Как и многие члены королевской семьи, Карим опасался революции, которая всегда может произойти в монархическом государстве, и держал на этот случай некоторую сумму денег, чтобы иметь возможность откупиться от восставших масс. Я мысленно вознесла молитву Аллаху о том, чтобы шиитское меньшинство в Восточной провинции свергло суннитских лидеров, и со злорадством представила себе, как Карима линчует толпа фанатиков.

Упаковав в маленькую сумочку свои драгоценности, я с легкостью подготовила все необходимые бумаги. С сестрами я решила не делиться своими планами, так как боялась, что какая-нибудь из них может проболтаться своему мужу. Мужчины все заодно, и Карима немедленно поставили бы в известность.

Я подозвала служанку, которой доверяла более всего, так как знала, что Карим примется расспрашивать ее в первую очередь, и сказала ей, что уезжаю на несколько дней в Джидду. Теперь Карим наверняка пойдет по ложному следу.

Затем я позвонила одному из наших пилотов и сказала, что мы вылетаем в Джидду через час, так что я буду ждать его в аэропорту. После этого я позвонила в Джидду и сказала слугам, что собираюсь навестить подругу в городе, так что в случае, если Карим позвонит, они должны будут сказать ему, что я в гостях и позвоню при первой же возможности.

Я хотела, чтобы Карим не проведал о моих истинных планах как можно дольше.

По пути в аэропорт я с удивлением обратила внимание на то, какое интенсивное движение на улицах Эр-Рияда. Город заполнили рабочие-иностранцы, так как никто из саудовцев не занят на неквалифицированных работах. У меня мелькнула мысль, что в один прекрасный день они устанут от нашего гнета, и тогда наши тела станут пищей для бродячих собак.

Когда пилот узнал меня в идущем навстречу ему черном силуэте, он улыбнулся и помахал мне рукой. Он уже много раз возил меня на нашем самолете и всегда напоминал мне тех дружелюбных пилотов, которые везли нас с матерью к Саре много лет назад. При воспоминании о матери сердце мое дрогнуло; как бы мне хотелось оказаться вновь в ее объятиях!

Поднявшись на борт, я сказала пилоту, что мои планы изменились: мы летим в Дубай, так как один из наших детей там заболел, и Карим по телефону посоветовал мне лететь не в Джидду, а к детям. Если болезнь серьезна, сказала я, Карим тоже прилетит туда.

Я, не моргнув глазом, лгала пилоту. Сказала, что, скорее всего, младшая дочь просто соскучилась по дому и мое присутствие успокоит ее. Он сочувственно заметил, что дети отсутствуют уже три недели, а это слишком долго для малышки.

Не задавая больше вопросов, пилот изменил план полета. Он уже много лет работал на пас, и всегда считал пас счастливой парой. У него не было причин сомневаться в правдивости моих слов.

Когда мы прибыли в Дубай, я велела пилоту ждать в отеле «Шератон», в котором он обычно останавливался. На следующий день я обещала позвонить ему, чтобы поставить в известность о дальнейших планах, и добавила, что он может считать себя в кратковременном отпуске, так как Карим сказал, что в ближайшие несколько дней самолет ему не понадобится. У нас было три самолета, и один из них всегда находился в готовности, на случай, если Кариму

понадобится куда-нибудь лететь.

Когда я неожиданно появилась перед детьми, они были в восторге. Директор английского летнего лагеря сочувственно покачал головой, когда я сказала ему, что бабушка серьезно больна и хочет повидать внуков. Я сообщила, что забираю детей в Эр-Рияд немедленно, и директор поспешил в офис, чтобы принести их документы.

Перед тем как попрощаться, я сказала, что не могу дозвониться до слуг, сопровождавших детей в Дубай, так как у них, по-видимому, выходной. Я попросила его позвонить им утром и сказать, что пилот, Джоэл, ждет их в отеле «Шератон». Они должны пойти туда и передать пилоту записку. С этими словами я передала ему конверт для пилота.

В письме, лежавшем там, я приносила пилоту извинения за то, что использовала его таким образом. Там же была и записка для Карима, где я писала, что пилот ни в чем не виноват. Я знала, что Карим будет крайне рассержен на Джоэла, но тот был его любимым пилотом, и я не сомневалась, что он не лишится своего места.

Мы с детьми сели в лимузин и отправились в аэропорт – прямой самолет на Лондон вылетал через час. Я готова была на все, только бы получить четыре места на этот рейс.

Впрочем, мне не пришлось снова прибегать ко лжи – самолет был почти пуст, так как в разгаре лета большинство летит к Заливу, а не от него. Дети были сонными и не задавали никаких вопросов, к тому же я сказала им, что в конце путешествия они будут очень удивлены.

Пока дети спали, я нервно листала какой-то журнал, не переставая обдумывать свои последующие действия. Вся моя дальнейшая жизнь будет зависеть от того, что произойдет в ближайшие несколько недель. Вдруг я почувствовала, что кто-то пристально смотрит в мою сторону. Меня охватил страх. Неужели мое бегство от Карим а уже раскрыто?

Я взглянула туда, откуда, как мне казалось, на меня смотрели. Женщина-арабка лет тридцати не сводила с меня глаз. На руках у нее спала девочка лет трех-четырёх. Когда я поняла, что источником моего беспокойства является женщина, у меня отлегло от сердца. Ее взгляд настолько озадачил меня, что я встала со своего места, подошла к ней и спросила, не обидела ли я ее чем-нибудь.

Она прищурила глаза и презрительно бросила:

– Я была в аэропорту, когда ты приехала туда со своим выводком. Вы едва не растоптали нас с дочерью, когда мчались к кассе! – Она с ненавистью окинула меня взглядом и бросила. – Вы, саудовцы, считаете, что можете купить весь мир!

При этих словах силы оставили меня, и я разразилась рыданиями. Я гладила потрясенную женщину по плечу и просила у нее прощения.

Я говорила, что в моей жизни произошла страшная трагедия и что мне необходимо было успеть на этот рейс. Заливаясь слезами, я вернулась на свое место.

У женщины оказался отзывчивый характер, и она не смогла остаться равнодушной к моему состоянию. Она аккуратно положила ребенка на сиденье и подошла ко мне.

Я вся напряглась и отвернулась от нее, но она заглянула мне в глаза и сказала:

– Пожалуйста, простите, у меня тоже большое горе. Если я расскажу вам, что случилось в вашей стране с моей дочерью, вы поймете меня.

Я уже познала столько кошмара, сколько многие не узнают за всю жизнь, и мне не хотелось слушать очередную – печальную историю. Дрожащим голосом я смогла только произнести:

– Мне очень жаль.

Она, по-видимому, поняла, что я нахожусь на грани истерики, так как молча вернулась на свое место.

Однако ей, видимо, очень хотелось поделиться с кем-нибудь своим горем, так что в конце концов она все же рассказала мне свою историю. После ее рассказа я почувствовала еще большую горечь от того, что живу в стране, где патриархальные устои нашего общества представляют опасность для любой женщины, будь это даже ребенок.

Видад была родом из Ливана. Из-за непрекращающейся суровой гражданской войны,

бушевавшей в этой некогда прекрасной стране, Саудовская Аравия и другие государства Персидского залива были наводнены ливанцами, согласными на любую работу. Мужу Видад повезло – он получил работу управляющего в одной из фирм в Эр-Рияде и вскоре заработал достаточно денег, чтобы привезти в Саудовскую Аравию жену с маленькой дочерью.

Видад была довольна своей жизнью в столице. Война в Ливане продолжалась, и женщина не испытывала ни малейшего желания вернуться туда, где смертельная опасность подстерегает человека на каждом шагу. Она беззаботно жила в стране, совсем не похожей на ту, которую ей пришлось оставить. Муж снял просторную виллу, купил мебель, и они зажили спокойно и счастливо. Больше всего Видад поражало то, что в нашей стране практически нет преступности. Наказания за преступления в нашей стране таковы, что мало кто из преступников рискует заниматься своим ремеслом в Саудовской Аравии; вора у нас отрубают руки, а убийцам и насильникам – головы. Видад и в голову не могло прийти, что ее маленькая дочь может подвергнуться какой-то опасности.

Двумя месяцами раньше Видад пригласила своих подруг па скромную вечеринку. Так же, как и саудовкам, иностранкам совершенно нечем запясть себя. Видад подала легкие закуски и прохладительные напитки, а затем они принялись играть в карты. Двое из ее подруг взяли с собой детей, и дочь Видад играла с ними в саду.

Проводив последнюю гостью, Видад помогла двум своим служанкам-индианкам убрать дом к приходу мужа. Тут зазвонил телефон, и Видад принялась болтать с подругой, забыв о времени. Когда она положила трубку, было уже совсем темно, и она крикнула слугам, чтобы те привели домой дочь.

Однако девочки нигде не оказалось. Поиски ни к чему не привели, и Видад принялась обзванивать подруг. Одна из них вспомнила, что видела, как девочка сидела на заборе с куклой в руках. Вернулся муж Видад, и они вместе стали искать девочку. Расспросили соседей, но никто из них не видел ребенка.

Прошло несколько недель. Видад с мужем были уверены, что девочку похитили и, скорее всего, со уже пет в живых. Видад потеряла вся-, кую надежду увидеть своего ребенка и-не находила себе места. Все опостылело ей, и бедная женщина вернулась в Ливан к родителям. Муж остался работать в Эр-Рияде, чтобы обеспечить семью.

Прошло десять дней после возвращения Видад в Бейрут, и однажды ночью раздался громкий стук в дверь ее дома. Напуганная уличными боями, она притворилась, что ее нет, и не отвечала па стук, пока не услышала голос соседки, кричащей, что у нее. есть известия от мужа Видад.

Как выяснилось, соседке только что позвонил муж Видад. Разговор был прерван, но муж успел передать для Видад невероятную новость. Ей необходимо было срочно сесть на пароход и как можно скорее прибыть в саудовское посольство на Кипре, где ее уже ждала виза для возвращения в Саудовскую Аравию. Оттуда Видад должна была срочно вылететь в Эр-Рияд. Ее дочь была жива!

На дорогу из Ливана до Кипра, а затем до Аравии ушло три долгих дня. В Эр-Рияде Видад узнала правду о своей пропавшей дочери.

Оправившись от потрясения, испытанного при виде дочери, стоящей у ворот виллы, муж Видад немедленно отвез девочку в клинику для обследования на предмет сексуального насилия. Результаты осмотра леденили кровь; доктор сказал, что ребенок не пережил сексуального насилия, но над ним была проведена серьезная операция. Дочь Видад использовали в качестве донора почки. Рубцы па теле девочки еще не зажили и гноились от инфекции.

Медицинский персонал больницы долго ломал голову над тем, как и где была проведена операция. Скорее всего, это было сделано за пределами Саудовской Аравии, так как в то время подобные операции в стране не проводились.

Полиция, расследовавшая это дело, высказала предположение, что девочку вывез в Индию какой-то богатый саудовец, чей ребенок нуждался в пересадке почки. Вполне возможно,

что этот человек похитил несколько детей и выбрал из них наиболее подходящего. Невозможно было восстановить события, предшествующие операции, так как девочка помнила только длинную черную машину и вонючий носовой платок, который ей прижал к лицу какой-то большой мужчина. Когда она проснулась, все ее тело разрывала невыносимая боль. Она была заперта в комнате, где ей прислуживала только одна женщина, не говорящая по-арабски. В один прекрасный день ей завязали глаза и долго куда-то везли, высадив в конце концов возле дома ее родителей.

Несомненно, тот, кто похитил ее, был богатым человеком, потому что девочка сжимала в руке узелок, в котором оказалось двадцать тысяч долларов и сверток с драгоценностями.

Попятно, почему Видад теперь ненавидела нашу страну со всем ее богатством, благодаря которому люди думают, что деньги дают им право распоряжаться чужими жизнями. Они считали, что можно взять у ребенка часть его тела и заткнуть рот его родителям деньгами. Когда Видад увидела, что я не могу поверить ее рассказу, – настолько он ужасен, она принесла мне свою дочь и показала длинный розовый шрам на теле бедной девочки. Длина этого шрама как бы отражала глубину морального падения некоторых моих соотечественников.

В ужасе я только качала головой – у меня не было слов, чтобы выразить свои чувства по поводу этого ужасного преступления.

Видад с любовью смотрела на свою дочь, чудом оставшуюся в живых. Последние слова Видад вырвали из моей души остатки слабой гордости за страну, где мне пришлось родиться. Она сказала:

– Мне жаль вас, саудовских женщин. За то короткое время, что я пожила в вашей стране, я поняла, как тяжело вам приходится. Конечно, деньги несколько скрашивают ваше существование, но, по большому счету, ваш народ обречен! – Она помедлила и закончила: – Хотя иностранцы и рвутся в Саудовскую Аравию, чтобы заработать, все они без исключения ненавидят вас!

Последний раз я увидела Видад в аэропорт когда она бережно прижимала к себе своего драгоценного, вновь обретенного ребенка.? После лечения в Лондоне, Видад решила, что лучше рисковать жизнью под бомбами в Ливане, чем жить в богатой стране, искалечившей ее ребенка.

Мы с детьми переночевали в Лондоне и на следующее утро пересекли Ла-Манш и прибыли во Францию, а оттуда на поезде отправились в Цюрих. Оставив детей в гостинице, я поехала в банк и сняла деньги с именного счета моего сына. Теперь, когда у меня в руках было более шести миллионов долларов, я чувствовала себя в безопасности.

Я наняла такси до Женевы, оттуда вылетела в Лондон, а затем па Нормандские острова, где положила деньги в банк на свое имя. На расходы я оставила те деньги, что взяла из сейфа Карима в Эр-Рияде. С островов мы вылетели в Рим, а оттуда на такси отправились обратно в Париж.

В Париже я наняла домработницу, шофера. И телохранителя, затем, под вымышленным именем, сняла виллу в одном из предместьев Парижа. Теперь я была уверена, что Карим никогда не найдет нас.

Прошел месяц, и я, оставив детей на попечение домработницы, вылетела во Франкфурт. Там я пришла к управляющему одного из крупных банков и сказала ему, что я из Дубая и, хочу положить в банк крупную сумму денег. С этими словами я достала огромную стопку денег и положила ее на конторку.

Управляющий едва не потерял дар речи, а я попросила его разрешения воспользоваться телефоном, чтобы позвонить мужу, который, сказала я, сейчас находится в Саудовской Аравии по делам службы. Управляющий немедленно вскочил и только что не шелкнул каблуками. Он сказал, что я могу говорить по телефону, сколько мне угодно. Добавив, что будет ждать меня этажом ниже, управляющий оставил меня одну.

Я позвонила Саре, так как к тому времени она уже должна была родить и, наверняка, сидела дома. Я облегченно вздохнула, когда слуга ответил мне, что госпожа дома и сейчас

подойдет к телефону.

Услышав мой голос, Сара ахнула. Я спросила ее, не прослушивается ли ее телефон, она ответила, что не знает наверняка. Сара торопливо сообщила мне, что Карим вне себя от беспокойства. Он смог проследить наш маршрут только до Лондона и теперь не имел понятия, где мы можем находиться. Карим сообщил членам семьи о происшедшем и теперь искренне сожалел о случившемся. Он хотел только одного – чтобы мы с детьми вернулись домой. Карим сказал, что хотел бы поговорить со мной.

Я попросила Сару передать сообщение для моего мужа, в котором говорилось, что я презираю его и что больше он нас не увидит. Более того, я сделала все необходимые приготовления, чтобы оформить гражданство другого государства для себя и детей. Когда я буду в полной безопасности, то научу сестер, что надо делать, чтобы начать новую жизнь, но Карим так никогда и не узнает, где я нахожусь. В качестве последнего удара, я просила Сару передать Кариму, что Абдулла, его сын, больше не хочет знать своего отца.

Покончив с этим, я спросила о родах. Сара рассказала мне, что очередной ее малыш здоров, как и остальные дети. Она добавила, что, отец и Али в ярости, и считают, что я обязана вернуться в Эр-Рияд, чтобы выполнять все желания мужа, как и подобает правоверной мусульманке. Впрочем, от этих двоих я и не ожидала ничего другого.

Сара пыталась успокоить меня, говоря, что, может быть, лучше смириться со второй женой Карима, чем жить в изгнании. В ответ я поинтересовалась, как бы она себя чувствовала на моем месте. Ее молчание ответило само за себя. Закончив разговор, я сгребла деньги обратно в сумку и выскользнула из банка, не дав себе труда попрощаться с управляющим. Мне было немного стыдно за свой трюк, но я не могла позволить себе рисковать, позвонив по платному телефону. Я боялась, что таким образом Кариму будет легче выяснить, из какой страны был звонок.

Я вспомнила слова Сары и широко улыбнулась – мой план сработал! Впрочем, мне хотелось, чтобы Карим как следует помучился; ему понадобится время, чтобы понять, что я никогда не соглашусь на роль одной из жен, как бы высока ни была цена.

На самом деле, дети ничего не знали о происходящем. Я сказала им, что отец поехал в длительную деловую поездку в Юго-Восточную Азию и, чтобы мы не скучали в Эр-Рияде, предложил нам пожить во Франции. Абдулла удивлялся, почему отец не звонит нам, но я старалась, чтобы он побольше времени проводил в разнообразных занятиях и играх – дети быстро приспосабливаются к любым переменам. Дочери были еще слишком малы, чтобы задавать вопросы, к тому же они привыкли к постоянным путешествиям, а я старалась сделать все, чтобы они не замечали отсутствия отца.

Я все обдумала и не хотела, чтобы дети продолжали жить в Эр-Рияде вместе с родителями, которые без конца ссорятся. Жизнь же без матери невысказима для моих детей. К тому же, если бы Карим привел в дом вторую жену, я уверена, что могла бы впасть в ярость и даже убить его. Какова бы стала жизнь моих детей, если бы мою голову отделили от туловища, что, скорее всего, и произошло бы, лиши я жизни их отца? Я представила топор палача и содрогнулась. Мне повезло, что я родилась в королевской семье, так как это давало мне куда больше возможностей, чем любой другой саудовке не такого знатного происхождения. Простую женщину за поступки, подобные моим, давно бы уже побили камнями – в королевской же семье скандалы обычно не выходят за стены наших дворцов. Только Карим мог потребовать моей смерти, а я была уверена, что у него никогда не хватит для этого смелости.

Я звонила Саре один раз в месяц. Вдали от родной страны я тосковала, но знала, что все мои страдания не останутся без вознаграждения. Мое упорство и терпение заставят Карима навсегда забыть о том, что он хотел взять вторую жену.

Через пять месяцев после нашего бегства я согласилась поговорить с Каримом по телефону. Для этого я полетела в Лондон. Из разговора я поняла, что Карим в отчаянии и страстно хочет увидеть меня и детей. Теперь он готов был к следующему шагу, который я для него приготовила.

Мы с Каримом договорились встретиться в Венеции в следующий уикенд. Муж мой был ошарашен, увидев меня в сопровождении четырех здоровенных немцев-телохранителей. Я заявила Кариму, что больше не верю в его честность и не хочу, чтобы он похитил меня и силой отвез на родину, где меня ждало бы наказание, как дурную жену. Он весь залился краской стыда и принялся клясться, что у него и в мыслях не было ничего подобного. Я понимала, что в глубине души он злится от того, что не способен контролировать свою жену.

Наши переговоры закончились компромиссом. Я согласилась вернуться домой, если Карим подпишет документ с обязательством не жениться вторично. Если же он нарушит слово, то немедленно даст мне развод, отдаст мне детей и половину своего состояния. Я также получала контроль над суммой, которую сняла со счета нашего сына в Швейцарии. Карим пообещал восстановить его банковский счет, а также положить па счет дочерей по миллиону долларов. Кроме того, наши с детьми документы останутся у меня вместе с бумагами, удостоверяющими наше право путешествовать без его разрешения.

Я сказала Кариму, что после того, как он подпишет все необходимые бумаги, я останусь в Европе еще на месяц, на случай, если он передумает. Мне не хотелось повторять одну и ту же историю дважды, и я считала, что он должен хорошенько поразмыслить над происшедшим. Карим только моргал, слушая меня.

Я проводила его в аэропорт. Он был подавлен и неразговорчив. Я возвращалась к детям со странным чувством, далеким от радости. Как выяснилось, не так уж и радостно заставить мужчину подчиниться.

Через месяц я позвонила Кариму, чтобы узнать о его решении. Он признался мне, что вся его жизнь без меня ничего не значит, и хотел, чтобы мы вернулись, и все стало, как раньше. Я заявила, что удивлена его надеждой на нормальную жизнь после того, как он своими руками разрушил нашу любовь. Мы были счастливой парой, у нас было все – любовь, благосостояние, дети. Он разрушил все, а вовсе не я!

Мы вернулись в Эр-Рияд. Я взглянула на встречавшего нас Карима: на дрожащих губах его блуждала робкая улыбка. Абдулла с девочками в восторге бросились к отцу. Я была рада за детей.

Дома все показалось мне чужим. Слишком много случилось за последний год, чтобы я с легкостью смогла стать прежней Султаной. Борьба за себя и детей закалила меня, сделала жестче. Мне хотелось чем-то заняться, делать какое-то дело. Я решила, что продолжу свое образование, ведь теперь в Саудовской Аравии появились даже колледжи для женщин. Я хотела жить нормальной жизнью, оставив позади бессмысленное существование принцессы королевского дома.

Что же касается Карима, то мне нужно было время, чтобы стереть из памяти воспоминания о той боли, что он причинил мне. Карим был главным человеком в моей жизни, пока не разрушил наш союз своим намерением жениться па другой. Что-то в наших отношениях исчезло, и теперь Карим был для меня чуть больше, чем просто отцом наших детей.

Карим делал все, чтобы вернуть былые отношения, и не раз говорил мне, что тяжело переживает размолвку. Он всячески пытался восстановить свой авторитет в моих глазах и часто говорил, что если я так и буду продолжать судить его за прошлые прегрешения, то жизнь наша и детей станет сплошным чадом. Я не отвечала, но знала, что он прав.

Семейная драма осталась позади, но вкус мира был далеко не таким сладким, как бы мне хотелось! Я часто думала, что все душевные травмы, которые достались мне в этой жизни, были нанесены мужчинами, и кончилось это тем, что среди представителей противоположного пола не осталось ни одного мужчины, которого бы я высоко ценила!

БЕЛАЯ НАДЕЖДА

самом разгаре была великосветская вечеринка, когда нам сообщили ужасную новость о том, что двое наших соседей попали в самую гущу событий на границе крошечного государства Кувейт. Мы с Каримом принимали около двадцати человек из самых близких наших друзей и не узнали бы новостей, если бы не Абдулла, который в своей комнате слушал Би-Би-Си. Когда он сообщил нам эту новость, в комнате сначала повисла тишина, а затем раздался недоверчивый гул.

Мало кто из саудовцев, даже те, кто принимал участие в переговорах между Кувейтом и Ираком, всерьез верили, что Саддам Хуссейн оккупировал Кувейт. Карим только недавно присутствовал на конференции, которая закончилась в Джидде 1 августа 1990 года. Кронпринц Кувейта, шейх Сауд аль Абдулла аль Салем аль Сабах, только что вернулся в Кувейт с надеждой, что войны удастся избежать.

Когда сын крикнул, что иракские войска продвигаются к столице Кувейта, всем стала ясна серьезность ситуации. Я сразу подумала о том, смогут ли спастись члены многочисленной семьи Аль Сабахов. Я, как мать, в первую очередь волновалась о судьбе невинных детей.

Я смотрела на Карима, находившегося в тот момент на другом конце гостиной и видела, что несмотря на кажущееся спокойствие, он взбешен. Иракцы нарушили договор, в результате чего наше правительство оказалось в весьма неловком положении – оно всячески отрицало возможность войны. Карим бросил на меня такой взгляд, что мороз пробежал у меня по коже. Я поняла, что он, как и другие члены королевской семьи, присутствующие здесь, скоро отправится на экстренный семейный совет. Я часто слышала, как Карим говорил о варварском режиме Саддама Хуссейна. Он говорил также, что иракцы по природе своей агрессивны. Это проявляется как в личной жизни, так и в масштабах всего государства, ставшего поистине полицейским.

Сама я мало что знала о политических событиях, происходящих в арабском мире, так как вся информация в Саудовской Аравии подвергается жестокой цензуре, а паши мужа не любят распространяться о своей политической деятельности. Впрочем, мнение Карима полностью совпадало с тем, что я слышала от одного иракца. Несколько лет назад, обедая в одном лондонском ресторане с Каримом, Аса-дом и Сарой, я была потрясена рассказом одного случайного знакомого-иракца о том, как он убил своего отца из-за несогласия по финансовым вопросам.

Этот человек послал своему отцу деньги, которые заработал, каким-то удачным вложением капитала в Париже. Его отец, к тому времени овдовевший, без памяти влюбился и потратил все деньги сына на дорогие подарки своей любовнице. Вернувшись домой, сын обнаружил, что его сбережения пущены на ветер, и принял единственно правильное, по его мнению, решение – пристрелил своего отца.

Карим, помню, принялся громко возмущаться этим беспрецедентным, по его мнению, поступком. Отцеубийца страшно удивился реакции моего мужа и заявил:

– Но он же потратил мои деньги! Они же были моими! – Этот человек считал, что это более чем веская причина, чтобы лишить жизни собственного отца!

Карим не смог вынести подобной наглости и бесстыдства. Он вскочил со своего места и громко приказал иракцу убираться прочь. Тот поспешил унести ноги, а Карим возмущенно прорычал, что подобный ужас – вовсе не редкость для Ирака, где никто не осудит человека за убийство собственного отца.

Карим, подобно всем саудовским мужчинам, боготворил своего отца и всячески выказывал ему уважение. Он не посмел бы не только повысить на отца голос, но даже просто повернуться к нему спиной! Я не раз видела, как Карим в присутствии отца покидал помещение, пятясь, как рак.

Со стыдом признаваясь, что я, как и большинство саудовцев, невероятно много курю, должна сказать, что я никогда не позволяла себе этого в присутствии отца Карима.

Мой муж, как член большой и известной королевской семьи, живо интересовался всем, что происходит на Ближнем Востоке. История арабского мира полна рассказами о том, как

свергали королей и многие из них окончили свою жизнь, изрешеченные пулями. Больше всего Карим, как, впрочем, и все мы, боялся, что нечто подобное может произойти и в нашей стране.

К тому же, подобно большинству арабов, Кариму было ужасно стыдно оттого, что мусульмане бесконечно воюют с мусульманами. Мы, саудовцы, отложили в сторону оружие, чтобы руки у нас были свободны для преобразований. Мы хотели, чтобы разрозненные племена объединились в сильное государство. Кровопускание – это не тот метод, который мои соплеменники используют для победы над противниками. Экономическое воздействие куда результативней.

Теперь в нашу жизнь вторглась настоящая война! Пока мужчины обсуждали происшедшее и делились мнениями по поводу того, что можно предпринять, женщины попросили Абдуллу, чтобы он принес в гостиную свой приемник. Новости были ужасными и с каждым часом становились все тревожней. Бедные кувейтцы! Наконец мы услышали сообщение, что Кувейт полностью оккупирован. В нашу страну хлынули сотни беженцев. Несмотря на то, что мы чувствовали себя в безопасности, события просто потрясли нас.

Следующие недели стали еще более тревожными; армия Саддама Хуссейна подступила к самым нашим границам, и по стране поползли слухи, что он собирается проглотить обоих соседей за один присест.

Потоки саудовцев присоединились к кувейтцам в их бегстве от восточных границ. Знакомые в панике сообщали нам по телефону, что Эр-Рияд заполнили тысячи обезумевших людей. Вскоре народ принялся покидать и столицу. Самолеты в Джидду были переполнены, дороги забиты автомобилями. Наше спокойное королевство словно сошло с ума!

Мы с Сарой были потрясены, когда узнали, что кувейтские женщины, которым разрешают водить машины и ходить без чадры, разъезжают на своих автомобилях по улицам Эр-Рияда. Ни одной западной женщине не понять, какие чувства охватили нас. Буря бушевала в наших душах и в этой буре радость за наших сестер, нарушающих многовековой уклад страны, мешалась с завистью и ревностью. Неужели так Легко отринуть обычаи предков? Ведь, по нашим понятиям, кувейтские женщины ведут легкую и беззаботную жизнь, так отличающуюся от нашей, полностью регламентированной миром мужчин. Испытывая, с одной стороны, сострадание к женщинам, вынужденным бросить свои дома и спасти себя и своих детей, мы, как ни странно, были раздражены тем, что на их фоне наше пуританское существование выглядит просто нелепым. Мы ведь так жаждали прав, которыми эти женщинами пользуются с легкостью!

В эти мрачные августовские дни по стране прополз странный слух, правдивость которого позже подтвердил мне Карим: король согласился пропустить через нашу территорию иностранные войска. Я поняла – жизнь в Саудовской Аравии уже никогда не станет такой, как прежде.

С прибытием американских войск самые смелые мечты саудовских феминисток запылали с новой силой. Ни один саудовец никогда не представлял, что увидит на территории своей страны женщин в военной форме! Это было просто невысказуемо! Религиозные деятели пришли в неистовство и на каждом шагу вещали, что наша страна на грани гибели.

Трудно передать, какое воздействие все происходящее оказало на нашу жизнь. Пожалуй, все это можно сравнить с землетрясением.

Должна сказать, что тогда я была в восторге от всего происходящего и с нетерпением ждала перемен, а многие женщины были вне себя от ярости. Их заботило только одно – они боялись, как бы эти «бесстыдницы» с открытыми лицами не отняли у них мужей! Почему-то большинство саудовок считают самыми опасными соперницами блондинок-иностранок. Многие из моих знакомых считали, что только проститутка может позволить себе провести время с мужчиной, не будучи за ним замужем. Они искренне считали, что женщинам разрешено служить в американской армии только по одной причине – они должны избавлять муж-чип от сексуального беспокойства!

Короче, так или иначе, но мы были раздираемы самыми противоречивыми эмоциями при

виде этих суперженщин, спокойно шагающих по нашей стране. Мы вообще мало что знали об американских женщинах-военнослужащих, так как цензура в нашей стране не пропускала никаких сведений о тех, которые сами распоряжаются своими судьбами. Хотя мы и бывали за границей, пути наши чаще пролегали возле торговых центров, а не военных баз. Когда Асад однажды привез Саре несколько военных американских журналов, мы были поражены тем, какими привлекательными и милovidными оказались женщины в военной форме. У многих из них были дети. Наше сознание не могло охватить этого. В своих самых смелых мечтах мы не шли дальше того, чтобы открыть лица, водить машину и иметь право работать! Теперь же пашу страну заполнили женщины, способные встретиться с мужчиной на поле боя.

Мы, саудовки, были в полном смятении. Временами мы ненавидели иностранок, как беженок из Кувейта, так и американок, за то, что они чувствуют себя в пашей стране, как дома, по в то же время вид женщин-арабок без чадры, нарушающих многовековые традиции, грел наши сердца. Хотя Кувейт – достаточно консервативная страна, женщины там не находятся в таком положении по отношению к мужчинам, как в Саудовской Аравии. Мы ревновали этих женщин к их относительной свободе, но паша ревность ослабевала, когда мы думали, что именно они поднимают роль арабской женщины только одним своим видом!

Один вопрос мучил меня: где же мы допустили ошибку? Почему позволили так поработить себя?

Мы были воистину воодушевлены и почти каждый день встречались, чтобы обсудить происходящее. В прошлом мало кто из нас отваживался открыто говорить о реформах в Саудовской Аравии, так как надежда на успех была совершенно несбыточной, а наказание за «ересь» суровым. В конце концов, наша страна является родиной ислама; именно саудовцы считают себя «хранителями завета». Чтобы скрыть стыд за свое униженное положение, мы с гордостью говорили своим сестрам из Кувейта о нашей великой миссии – высоко нести символы мусульманства. И тут наступил решающий момент: многие саудовки – представительницы среднего класса – сбросили чадру и смело посмотрели в глаза религиозным фанатикам!

Однажды я просто затряслась от страха, когда Сара с громкими криками ворвалась на нашу виллу. Первой моей мыслью было: «Химическая атака! Моим детям угрожает опасность!». Я решила, что один из иракских самолетов сумел преодолеть заслон нашей противовоздушной обороны и теперь бросает химические бомбы. Я остолбенела от ужаса, не зная, что делать. Я подумала, что в любую секунду могу рухнуть на пол, пораженная смертоносным газом. Я проклинала себя за то, что не послушалась Карима и не отвезла детей в Лондон, подальше от ужасов возможной войны.

И тут слова Сары наконец дошли до меня, зазвенев райской музыкой. Она кричала, что ей только что позвонил Асад и сказал, что саудовские, да-да, САУДОВСКИЕ женщины ездят за рулем своих автомобилей на улицах Эр-Рияда!

Я издала крик радости, затем обняла сестру, и мы пустились в пляс. Моя младшая дочь захныкала от страха, когда вошла в комнату и увидела своих мать и тетку, отплясывающих какой-то безумный танец, оглашая дом дикими криками. Я с трудом успокоила ее, говоря, что мы с Сарой просто радуемся тому, что Аллах, наконец, услышал наши молитвы. Мы понимали, что присутствие американцев не может не изменить пашу жизнь.

Тут в комнату ворвался Карим. Он хотел узнать, в чем причина столь громкого шума, который был слышен даже в саду.

Как, кричали мы, разве он не знает, что женщины преодолели один из барьеров, преграждающих путь к освобождению? Ведь они стали водить автомобили!

Реакция Карима несколько отрезвила нас. Я знала его мнение по этому поводу: он сказал бы, что наша религия ничего не говорит об этом. Мой муж был из тех саудовских мужчин, которые всегда считали абсурдным, что женщинам не позволено управлять автомобилем.

Безжизненным, усталым тоном мой муж произнес:

– Это как раз те действия, которые могут только всем навредить. Мы боролись с

фанатиками за то, чтобы позволить американцам присутствовать на нашей территории, а они больше всего боялись, как бы вы не стали просить еще каких-нибудь привилегий. Что важнее для тебя, Султана?! – воскликнул он. – Чтобы американские солдаты защитили нас или чтобы женщины сели за руль автомобиля?

Я страшно разозлилась на Карима. Сколько раз он протестовал против глупого обычая, приковывавшего саудовских женщин к дому. А теперь страх перед религиозными фанатиками заставил его показать свое истинное лицо. Как я жалела, что мой муж – не боец, в груди которого горит неугасимое пламя.

В сердцах я ответила, что женщины не могут вечно умолять мужчин о предоставлении им прав. Мы хотим сами распоряжаться своим временем. Мы используем и будем использовать любую возможность, чтобы заявить о своих правах. Настало паше время, и Кариму следовало бы встать с нами рядом, плечом к плечу! Да и королевский троп не рухнет, если женщины сядут за руль!

Муж мой был зол на всех женщин без исключения и сказал, что происшедшее отодвинет их освобождение на десятилетия. Он добавил, что паша радость живо остынет, когда мы станем свидетелями жестокого наказания, которое, несомненно, постигнет возмутительниц спокойствия. Придет время и женщинам сесть за руль автомобиля, но этот час еще не наступил. Его слова еще долго звучали в наших ушах, когда сам он уже покинул комнату.

Карим испортил нам все удовольствие. Я, как кошка, зашипела ему вслед, а Сара, глядя на меня, едва сдерживала смех. Впрочем, она, как и я, с презрением отнеслась к словам моего мужа. Она напомнила мне, что мужчины в пашей семье любят поговорить о правах женщин, но на самом деле ничем не отличаются от остальных саудовцев. Все они любят, чтобы их женщины подчинялись им. Если бы это было не так, мы давно бы уже почувствовали ослабление гнета. Наши отцы и мужья были членами королевской семьи; если они не помогают нам, то кто же еще может это сделать?

– Американцы! – сказала я с улыбкой. – Американцы!

Время, однако, показало, что Карим был прав. Сорок семь отважных молодых женщин, осмелившихся выступить против негласного закона, запрещающего им водить автомобиль, вскоре ощутили на себе всю силу религиозного фанатизма. Нет такого греха, в котором их бы не обвинили. Все эти женщины были представительницами среднего класса, учительницами или студентками – теми, кто способен мыслить. Результатом их отваги стали изломанные судьбы: у них отобрали паспорта, они потеряли работу, а семьи их подверглись преследованиям.

Выйдя однажды в город за покупками, мы с Сарой увидели следующую картину: группа религиозных фанатиков-студентов агитировала целую толпу мужчин, убеждая их, что эти женщины невероятно распутны и зарабатывают на жизнь проституцией. Они кричали, что таковыми их объявили религиозные лидеры нашей страны! Мы с сестрой с ужасом слушали, как эти безумцы кричали, что греховные искушения, пришедшие к нам с Запада, ведут к потере всеми саудовцами своей чести.

Мне ужасно хотелось встретиться с кем-нибудь из этих женщин, но, когда я заикнулась об этом Кариму, он вспыхнул и приказал мне забыть эти глупости. Он даже пригрозил, что запрет меня в доме, если я буду настаивать на своем. В такие моменты я ненавидела своего мужа, так как знала, что он способен выполнить свое обещание. Я видела, что он вне себя от страха. Подобно остальным саудовцам, он панически боялся перемен.

Несколько дней я собиралась с духом, а затем начала поиски. На городской площади я увидела толпу мужчин и попросила своего шофера-филиппинца пойти к ним и сказать, что он мусульманин (в Саудовской Аравии много филиппинцев-мусульман). Я хотела, чтобы он попросил у них список телефонных номеров «падших женщин» якобы для того, чтобы позвонить их родителям и выразить свой протест по поводу поведения их дочерей.

Вскоре он принес мне список, а я попросила, чтобы он ничего не говорил Кариму. К счастью, в отличие от слуг-арабов филиппинцы предпочитают избегать семейных скандалов и

не вмешиваются в наши дела.

В списке было, тридцать имен и номеров телефонов. Рука моя дрожала, когда я набирала первый номер в списке. В течение нескольких недель я пыталась дозвониться хоть до кого-нибудь, но из тридцати номеров мне ответили лишь по трем, да и там сказали, что я ошиблась номером. Эти бедные люди испытывали такое давление, что предпочитали отключать свои телефоны!

Али уезжал за границу и решил по пути нанести нам визит. Он вместе со своими четырьмя женами и девятью детьми собирался провести несколько недель в Париже. Мой брат клялся, что хотел бы отправиться сражаться с иракцами но, как выяснилось, он был настолько загружен делами, что на поприще бизнеса мог, по собственному мнению, принести куда больше пользы стране, чем если бы надел военную форму.

Я не сомневалась, что братец просто собирался пересидеть тревожные времена в безопасности. У меня не было ни малейшего желания уличать его в трусости, поэтому я просто улыбнулась и пожелала ему счастливого пути.

Тема женщин за рулем вновь всплыла, когда Али рассказал нам, что одна из отчаянных женщин была приговорена к смерти собственным отцом за то, что «опозорила» семью. Отец считал, что если он казнит свою дочь, то религиозные фанатики оставят его и остальных членов семьи в покое. Рассказывая об этом, Али улыбался, и как же я ненавидела его в тот момент! Он прекрасно себя чувствовал в стране, где женщина – не более чем пыль под ногами мужчины, и готов был сражаться до последнего, лишь бы оставить все как есть.

Когда я спросила Карима, не слышал ли он об этом случае, он поклялся, что ничего не знал, и посоветовал мне выбросить из головы всякие мысли об этом, так как нас это не касается. Он, впрочем, добавил, что ничуть не удивлен, так как семьи возмутительниц спокойствия страдали от нападков фанатиков не меньше, чем сами «бунтовщицы».

– Я же предупреждал тебя, – напомнил он мне.

Я поняла, что все разглагольствования моего мужа об освобождении женщин – не более, чем ширма, за которой прячется такой же типичный саудовец, как Али. Неужели в нашей стране нет ни одного мужчины, который бы искренне желал нашего освобождения?

Слухи о гибели бедной женщины распространились по всей стране, однако их никто не опроверг и не подтвердил.

Война, так напугавшая нас, наконец закончилась. Наши мужчины сражались и погибали, но, по словам Карима, мало кто из наших солдат продемонстрировал чудеса храбрости. Рассказывая о том, как саудовские солдаты бежали прочь от врага, Карим заливался краской стыда. Единственными, кто не посрамил нас, были саудовские пилоты, которые действительно не уронили своей чести.

По мнению Асада, нам следует испытывать чувство облегчения, а не стыда. Сильные вооруженные силы могли бы представлять опасность для нас самих, потому что трон не всегда способен выдержать "конкуренцию с авторитетом военных. В арабском мире нередки случаи, когда монархия свергалась именно военными. Что касается нашей обширной королевской семьи, она известна своим миролюбием и нежеланием разрешать конфликты силовыми методами.

Как это ни прискорбно, война не принесла с собой столь ожидаемых перемен для женщин Саудовской Аравии. Все слишком быстро закончилось. Силы Садама были подорваны, а интерес западных стран привлекла проблема курдов, ведущих партизанскую войну в горах Ирана.

К концу войны паши мужчины не переставали возносить молитвы Аллаху, чтобы тот сохранил их от чужеземных армий... и свободных женщин!

И кто скажет, чего они опасались больше?

ЭПИЛОГ

Призывные слова, охватывающие благоговением сердце каждого мусульманина, нарушили вечернюю тишину. Слова, зовущие к молитве:

– Аллах велик! Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет пророк его! К молитве! К молитве! Аллах велик! Нет Бога, кроме Аллаха!

Опускались сумерки, и огромный желтый диск Солнца медленно исчезал за горизонтом. Для правоверных мусульман наступало время четвертой молитвы.

Я стояла на балконе своей спальни и смотрела, как мои мужчины – муж и сын – взявшись за руки, направляются к мечети. Я видела, как встречаясь с другими мужчинами, они раскланиваются и по-братски приветствуют друг друга.

Горькие воспоминания детства вновь нахлынули на меня. Я почувствовала себя той маленькой девочкой, которая была лишена любви отца и брата. Прошло почти тридцать лет, по так ничего и не изменилось. Жизнь совершила полный круг!

Отец и Али, Карим и Абдулла; вчера, сегодня и завтра; аморальная практика передается из поколения в поколение, от отца к сыну. И те, которых я любила, и те, которых презирала, продолжают вести себя по отношению к женщинам самым постыдным образом.

Глаза мои, не отрываясь, смотрели, как мой любимый муж и плоть от плоти моей – сын рука об руку входят в мечеть... без меня. Я чувствовала себя самым одиноким человеком на земле.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Ко времени окончания войны в Заливе в 1991 году, все надеялись, что наконец на бурный Ближний Восток придет мир. Бесконечные предложения лидеров многих государств о посредничестве в деле стабилизации ближневосточной обстановки сыпались как из рога изобилия.

Вместе с желанием мира многие из тех, кто искренне озабочен судьбой Ближнего Востока, призывали и к переменам, отказу от старых традиций, не подтвержденных религиозными законами. Все это, однако, ничего не давало женщинам Востока, потому что именно религиозные традиции являются основой их порабощенного положения.

Мечты аравийских женщин об освобождении растаяли, как дым. Западных руководителей мало интересует судьба тех, кто лишен права голоса в своей стране!

Война за освобождение Кувейта обратилась в растущее противостояние между мужчинами и женщинами в Аравии. Тогда как перед женщинами забрезжила надежда на социальные перемены, мужчинам мерещилась опасность в любом изменении общественного уклада, сложившегося двести лет тому назад. Мужья, отцы и сыновья не желают бросать вызов религиозным ортодоксам, предпочитая молчаливо одобрять status quo: Попытки некоторых женщин изменить положение вещей вызвали ярость религиозных экстремистов, так как временное присутствие иностранных войск на территории Саудовской Аравии изрядно подорвало их власть. Они грозили женщинам всяческими карами, пытались запугать и их, и членов их семей. Так что в 1992 году Султана, так же, как и остальные саудовские женщины, была вынуждена вернуться во вчерашний день.

Поражает то, что богатые и влиятельные граждане Саудовской Аравии находятся под неусыпным надзором религиозной полиции и подвергаются преследованиям и арестам наравне с остальными саудовцами. Что же касается рядовых граждан, то вместо того, чтобы чувствовать горечь из-за всеобщего порабощения и унижения, они радостно смеялись при мысли о том, что члены королевской семьи подвергаются таким же преследованиям со стороны мутава, как и любой другой.

Право водить автомобиль, снять чадру и иметь возможность путешествовать без разрешения потеряли свою актуальность во времена разгула религиозного фанатизма. Кто скажет, когда еще появится возможность социальных перемен, подобная той, которую принесла война?

Современные общества стремятся улучшить условия жизни всех людей, но есть еще множество стран, где над женщинами постоянно висит угроза издевательств и даже смерти от рук представителей противоположного пола. Узы женского рабства крепко сплетены мужчинами, не желающими терять свою власть!

Весной 1983 года я встретила саудовскую женщину, которая радикально изменила мою жизнь. Вам она известна под именем ^Султаны. Наша взаимная симпатия и желание подружиться вспыхнули при первой же встрече. Жизненная энергия Султаны вкупе с ее острым умом изменили мои представления о «женщинах в черном», о которых я всегда думала с пренебрежением.

Будучи американкой, жившей в Саудовской Аравии с 1978 года, я знала многих саудовских женщин, по, по моему мнению, все они были отмечены печатью смирения. Принадлежат к богатым семьям, они не считали для себя возможным отказаться от комфорта и благополучия. Жизнь бедуинок из далеких деревень иначе как невыносимой не назовешь. Но, несмотря на это, при встрече со мной все эти женщины жалели меня, считая, что мне ужасно не повезло, потому что я вынуждена жить без защиты и покровительства мужчин.

«Харам¹⁰», – говорили они мне, сочувственно похлопывая по плечу.

Султана рассказала мне об отчаянии, охватывающем многих саудовских женщин, чьи лица скрыты чадрой. Она сказала мне, что саудовки мало что привнесли в культуру своей страны; скорее наоборот, сами они не более чем продукт этой культуры.

Осенью 1988 года Султана предложила мне, своей подруге, написать ее историю. Она считала, что многое из того, что она могла рассказать мне, заслуживает публикации. Мой здравый смысл тогда взял верх. Я боялась, что такое рискованное мероприятие может причинить вред самой Султаны. Кроме того, я любила Ближний Восток и знала многих женщин, которые были совершенно счастливы своим положением.

Моим сомнениям не было конца, тем более, что меня ужасно раздражали нападки западных журналистов на землю, которую я часто называла своим вторым домом. Нет сомнения, что изолированная жизнь мусульманских стран является причиной многочисленных недоброжелательных репортажей. Мне же хотелось присоединиться к тем, кто безапелляционно клеймил страны Ближнего Востока.

– Нет, – сказала я тогда Султаны. – Я не хочу этого!

Мне хотелось рассказать миру о том хорошем и добром, что я видела в Саудовской Аравии, но Султаны не сдавалась. Она открыла мне глаза на многое, о чем до той поры никому не было известно. Как бы ни процветала страна, ее нельзя назвать благополучной, когда женщины живут в постоянном страхе. Султаны прямо сказала мне:

– Джин, ты женщина, и должна в первую очередь думать именно о женщинах.

Она говорила мне об этом снова и снова, уверенная, что я в конце концов соглашусь.

В своей жизни Султаны пришлось пережить многое, и когда я все-таки решила начать эту книгу, у меня не было сомнения в правильности сделанного выбора. Эта книга призвана протянуть ниточку взаимопонимания между христианским Западом и мусульманским Востоком.

Тем, кто был связан со мной, пришлось многим пожертвовать. Опасности подвергалась Султаны и ее семья, многие мои друзья в Аравии, которые даже и не знали, что я пишу историю саудовской принцессы. Но больше всего я страдаю от того, что мне пришлось лишиться любви, дружбы и поддержки Султаны, так как после опубликования книги нам нельзя было больше встречаться. Это решение мы приняли вместе, однако от этого не легче ни ей, ни мне.

Последний раз я видела ее в 1991 году, и была поражена ее неугасаемым оптимизмом. Она сказала, что уверена в успехе книги и готова скорее рискнуть жизнью, чем позволить себе

---

¹⁰ какая жалость (араб.).

покориться обстоятельствам. Ее слова придали мне сил. Она заявила:

– Пока скрываемое не станет достоянием общественности, нам неоткуда ждать помощи. Эта книга напоминает мне первые шаги ребенка, который никогда не сможет побежать, если не сделает первой попытки просто подняться на ноги. Джин, мы с тобой должны раздуть угли и разжечь костер! Я верю, что мы добьемся перемен.

Мне много лет пришлось прожить на Ближнем Востоке. Целых три года я читала и перечитывала заметки и дневники Султаны. Мы часто встречались с ней во время ее поездок за границу. Она была первой, кто прочитал рукопись. Перевернув последнюю страницу, моя подруга заплакала. Успокоившись, она сказала, что я смогла передать ее дух, ее жизненный опыт, ее сущность. Она предложила мне заполнить пробелы в дневнике с ее слов. Вот что она рассказала мне.

Отец Султаны жив, у него четыре жены и несколько роскошных дворцов в разных странах мира, Его молодые жены родили множество детей. Как это ни грустно, но с годами его отношения с Султаиной не стали теплее. Он редко вспоминает о своих дочерях, но очень гордится сыновьями и внуками.

Али остался все таким же капризным ребенком. Он третирует своих дочерей так же, как в свое время сестер. У Али четыре жены и множество любовниц. Король был рассержен на него за коррупцию и взяточничество, но никаких мер к нему не принял.

У Сары и Асада все благополучно. Они счастливые родители пятерых малышей. Кто знает, сбудется ли предсказание Худы о шестерых. Из всех сестер Султаны только Сара знает о существовании этой книги.

Омар погиб в автомобильной катастрофе на пути в Даммам. Его семью в Египте поддерживает отец Султаны. Отец Ранды купил виллу на юге Франции, и Ранда большую часть времени живет там. После развода с отцом Султаны она так и не вышла замуж. Говорят, что у нее есть любовник-француз.

Султана ничего больше не слышала о Вафе и представляет ее в, глухой деревне, в окружении дюжины детей.

Марси осуществила свою мечту, вернулась на Филиппины, где и работает медицинской сестрой.

Худа умерла несколько лет назад и похоронена в песках пустыни вдали от родного Судана.

Самира по-прежнему заключена в «женской комнате». Ходят слухи, что она сошла с ума. Слуги говорили, что она кричала день и ночь и в конце концов стала бормотать что-то, чего никто не может понять. Иногда слышат, как она плачет. Поднос с пищей регулярно опустошается, из чего следует вывод, что она жива. Семья клянется, что ее освободят, как только умрет ее старший дядя, который весьма крепок для своих лет.

Султана два года назад получила степень доктора философии. Она не работает по специальности, но утверждает, что полученные знания помогают ей сохранять душевный покой. Союз Султаны с Каримом основан на привычке и любви к детям. Она говорит, что так и не смогла полностью простить его после того, как он попытался взять себе вторую жену.

Шесть лет назад Султана неожиданно заболела венерической болезнью. Карим вынужден был признать, что участвовал в недельной пирушке, организованной несколькими принцами, которые специально привезли на самолете проституток из Парижа. Как выяснилось, каждый вторник из Парижа прилетает группа проституток, которых отправляют обратно в следующий понедельник.

После этого досадного инцидента Карим поклялся, что это не повторится, но Султана уверена, что он не в состоянии избежать соблазна. Ее любовь к Кариму осталась лишь в памяти, но она продолжает жить с ним ради дочерей.

Султана говорила мне, что самое грустное для нее зрелище – это когда она видит своих дочерей в абайе и чадре; новое поколение женщин, поработанных мужчинами.

Мутава в стране обрела невиданную власть, пытаясь руководить даже королем.

Султана просила меня передать читателям, что на страницах книги запечатлен ее бунтарский дух, хотя сама она и вынуждена скрываться под псевдонимом из-за опасения за своих детей. Кто знает, какому наказанию могут подвергнуть того, кто отважился сказать правду о женщинах, живущих в стране – колыбели ислама?

Судьба Султаны была predetermined в 1902 году, когда ее дед, Абдул Азиз, вернул своему народу земли Саудовской Аравии. Родилась династия, и принцесса Султана Аль Сауд останется рядом со своим мужем, принцем Каримом Аль Саудом, в королевском доме Аль Саудов, правящем Королевством Саудовская Аравия.

ПРИЛОЖЕНИЕ А. КОРАН О ЖЕНЩИНАХ

Коран – это святая книга ислама. Он состоит из 114 сур, или глав, которые регулируют всю жизнь мусульманина. Мусульмане верят, что Коран – это слово Аллаха, посланное им пророку Магомету через ангела Джабраила. Откровение снизошло на Магомета в Мекке и Медине, которые расположены на территории современной Саудовской Аравии. В Мекке Магомет родился, а в Медине похоронен. Эти два города считаются священными для всех мусульман, и «неверным» доступ туда закрыт. Мусульмане строго руководствуются Кораном, и редко найдется среди них человек, не верящий беззаветно в Аллаха и пророка.

В мусульманском мире религия не отделена от государства и является абсолютным законом.

Меня интересовало, что же сказано в Коране о женщинах, и мне перевели некоторые из сур. Здесь вы можете прочитать их.

Тема. Половая жизнь во время месяца рамадана, когда мусульмане постятся и избегают удовольствий в дневные часы

Сура 2, 187

Разрешается вам в ночь поста приближение к вашим женам: они – одеяние для вас, а вы – одеяние для них. Узнал Аллах, что вы обманываете себя самих, и обратился к вам и простил вас. А теперь прикасайтесь к ним и ищите того, что предписал вам Аллах. Ешьте и пейте, пока не станет различаться пред вами белая нитка и черная нитка на заре, потом выполняйте пост до ночи. И не прикасайтесь к ним, когда вы благочестиво пребываете в местах поклонения. Таковы границы Аллаха, не приближайтесь же к ним! Так разъясняет Аллах Свои знамения людям, – может, они будут богобоязненны!

Тема. Женитьба мусульманина на иноверке. Коран устанавливает закон как для мужчин, так и для женщин, однако в Саудовской Аравии он распространяется почему-то только на женщин :

Сура 2, 221

Не женитесь на многобожницах, пока они не уверуют: конечно, верующая рабыня лучше многобожницы, хотя бы она и восторгала вас. И не выдавайте замуж за многобожников, пока они не уверуют: конечно, верующий раб – лучше многобожника, хотя бы он и восторгал вас.

Тема. Половая жизнь во время месячных строго запрещена:

Сура 2, 222

Они спрашивают тебя о менструациях. Скажи: «Это – страдание». Отдаляйтесь же от женщин при менструациях и не приближайтесь к ним, пока они не очистятся. А когда они очистятся, то приходите к ним так, как приказал вам Аллах. Поистине, Аллах любит обращающихся и любит очищающихся!

Тема. Если мужчина разводится с женой, он должен быть уверен, что она не носит его ребенка, в противном случае, он обязан заботиться о ней:

Сура 2, 228

А разведенные выжидают сами с собой три периода, и не разрешается им скрывать то, что

сотворил Аллах в их утробах, если они веруют в Аллаха и в последний день. А мужьям их достойнее их вернуть при этом, если они желают умиротворения. И для них то же самое, что и па них, согласно принятому. Мужьям над ними – степень. Поистине, Аллах – великий, мудрый!

Тема. Если мужчина разводится с женой, он может снова жениться на ней только после того, как она выйдет замуж за кого-то другого и разведется с ним:

Сура 2, 229

Развод – двукратен: после него – либо удержать, согласно обычаю, либо отпустить с благодеянием. И не дозволяется вам брать из того, что вы им даровали, ничего. Разве только они оба боятся не выполнить ограничений Аллаха. А если вы боитесь, что они не выполнят ограничений Аллаха, то не будет греха над ними в том, чем она себя выкупит. Таковы границы Аллаха, не преступайте же их, а если кто преступает границы Аллаха, те – несправедливые.

Сура 2, 230

Если же он дал развод ей (в третий раз), то не разрешается она ему после, пока не выйдет она за другого мужа, а если тот дал ей развод, то нет греха над ними, что они вернуться, если думают выполнить ограничения Аллаха. И вот границы Аллаха; Он разъясняет их людям, – которые обладают знанием.

Сура 2, 241

И для разведенных – пользование по обычаю, как должно богобоязненным.

Тема. Количество женщин, на которых может жениться мусульманин:

Сура 4, 3

А если вы боитесь, что не будете справедливы с сиротами, то женитесь на тех, что приятны вам, женщинах – и двух, и трех, и четырех. А если боитесь, что не будете справедливы, то – на одной, или на тех, которыми овладели ваши десницы.

Тема. Как мусульманин должен обеспечивать своих детей:

Сура 4, 11

Завещает вам Аллах относительно ваших детей: сыну – долю, подобную доле двух дочерей. А если они (дети) – женщины, числом больше двух, то им – две трети того, что он оставил, а если одна, то ей – половина. А родителям его, каждому из двух – одна шестая того, что он оставил, если у него есть ребенок. А если у него нет ребенка и ему наследуют родители, то матери – одна шестая после завещанного, которое он завещает, или долга. Родители ваши или сыновья – вы не знаете, кто из них ближе вам по пользе, как установлено Аллахом. Поистине, Аллах знающ, мудр!

Тема. Что делать с женщинами, совершившими сексуальные преступления. То же относительно мужчин:

Сура 4, 15

А те из ваших женщин, которые совершат мерзость, – возьмите в свидетели против них четырех из вас. И если они засвидетельствуют, то держите их в домах, пока не успокоит их смерть, или Аллах устроит для них путь.

Сура 4, 16

А те двое из вас, которые совершат это, – причините им боль. Если они обратятся и совершат благое, то отвернитесь от них. Поистине, Аллах – приемлющий обращение, милостивый!

Тема. Женщины, на которых запрещено жениться:

Сура 4, 22

Не женитесь на тех женщинах, па которых были женаты ваши отцы. Поистине, это мерзость и отвращение и скверно, как путь!

Сура 4, 23

И запрещены вам ваши матери, и ваши дочери, и ваши сестры, и ваши тетки по отцу и матери, и дочери

брата, и дочери сестры, и ваши матери, которые вас вскормили, и ваши сестры по кормлению, и матери ваших жен, и ваши воспитанницы, которые под вашим покровительством

от ваших жен, к которым вы уже вошли; а если вы еще не вошли к ним, то нет греха на вас; и жены ваших сыновей, которые от ваших чресел; и – объединять двух сестер, если это не было раньше. Поистине, Аллах прощающ, милосерд!

Сура 4, 24

И – замужние из женщин, если ими не овладели ваши десницы по писанию Аллаха над вами! И разрешено вам в том, что за этим, искать своим имуществом, соблюдая целомудрие, не распутничая. А за то, чем вы пользуетесь от них, давайте им в награду по установлению. И пет греха над вами, в чем вы согласитесь между собой после установления. Поистине, Аллах – знающий, мудрый!

Тема. Мусульманин не может идти к молитве, если он прикасался к женщине:

Сура 4, 43

А если вы больны или в путешествии, или кто-нибудь из вас пришел из нужника, или вы прикасались к женщинам и не нашли воды, вытирайтесь чистым песком и обтирайте ваши лица и руки. Поистине, Аллах извиняющий и прощающий!

Тема. Сексуальные преступления – это преступления против Аллаха, за них полагается суровое наказание:

Сура 24, 2

Прелюбодей и прелюбодейку – побивайте каждого из них сотней ударов. Пусть не овладевает вами жалость к ним в религии Аллаха, если вы веруете в Аллаха и в последний день. И пусть присутствует при их наказании группа верующих.

Сура 24, 3

Прелюбодей женится только на прелюбодейке или много божнице, а прелюбодейка – на пей женится только прелюбодей или многобожник. И запрещено это для верующих.

Тема. Обвинение в прелюбодейнии настолько серьезно, что требуется четыре свидетеля, чтобы доказать его:

Сура 24, 4

А те, которые бросают обвинение в целомудренных, а потом не приведут четырех свидетелей, – побейте их восьмьюдесятью ударами и не принимайте от них свидетельства никогда; это – распутники.

Тема. Если мужчина обвиняет свою жену в прелюбодейнии и не имеет свидетелей, он обязан поклясться именем Аллаха, что говорит правду:

Сура 24, 6

А те, которые бросают обвинение в своих жен, и у них нет свидетелей, кроме самих себя, то свидетельство каждого из них – четыре свидетельства Аллахом, что он правдив,

Сура 24, 7

а пятое, – что проклятие Аллаха на нем, если он лжец.

Тема. Женщины в мусульманском мире обязаны закрывать свои лица :

Сура 24, 31

И скажи [женщинам] верующим: пусть они потупляют свои взоры, и охраняют свои члены, и пусть не показывают своих украшений, разве только то, что видно из них, пусть набрасывают свои покрывала па разрезы на груди, пусть не показывают своих украшений, разве только своим мужьям, или своим отцам, или отцам своих мужей, или своим сыновьям, или сыновьям своих мужей, или своим братьям, или сыновьям своих братьев, или своим женщинам, или тем, чем овладели их десницы, или слугам из мужчин, которые не обладают желанием, или детям, которые не постигли наготы женщин; и пусть не бьют своими ногами, так чтобы узнавали, какие они скрывают украшения. Обратитесь все к Аллаху, о верующие, – может быть, вы окажетесь счастливыми!

Тема. Коран говорит, что старая женщина может перестать носить чадру и абайю, однако в Саудовской Аравии женщины не открывают лица до самой смерти :

Сура 24, 60

А престарелые из женщин, которые не надеются на брак, на них нет греха, чтобы они

снимали свои одежды, не хвастаясь украшениями. Чтобы они были воздержанными, – лучше для них. Аллах – слышащий, знающий!

ПРИЛОЖЕНИЕ Б. ЗАКОНЫ САУДОВСКОЙ АРАВИИ

Уголовное законодательство Саудовской Аравии основано на исламе. Само слово ислам означает «подчинение воле Господа». Самая главная составная часть ислама – это шариат, или «путь», определяющий всю жизнь мусульманина. Ислам подразумевает, что все мусульмане должны придерживаться правил, указанных им пророком Магомедом, родившимся в 570 и умершем в 632 году.

Западному человеку трудно понять, как мусульмане руководствуются Кораном во всех случаях своей жизни. Коран является основным Законом Саудовской Аравии.

Когда я жила в Саудовской Аравии, то попросила одного знатока ислама прокомментировать мне соответствие правосудия в этой стране учению пророка. Вот что он рассказал мне:

Существуют четыре источника шариата: Коран, состоящий из нескольких тысяч стихов, приписываемых Аллаху; Сунпа – поступки и высказывания пророка Магомета, являющиеся образцом и руководством для всей мусульманской общины и каждого мусульманина в решении всех проблем; Иджма – единодушное мнение крупнейших знатоков богословия – позволяет решить вопрос по аналогии с тем, что имеется в Коране и Сунне.

Король Саудовской Аравии не освобожден от подчинения законам шариата.

Суд состоит из трех человек, иногда из пяти, когда речь идет о вынесении смертного приговора. Последней инстанцией, имеющей право помилования, является король.

Преступления подразделяются на три типа – Худуд, Тазир и Кисас.

Преступления Худуда

Этими преступлениями являются воровство, употребление алкоголя, отрицание ислама, внебрачные связи и адюльтер.

Виновные в воровстве могут подвергаться штрафу, тюремному заключению или им отрубает правую руку. Люди, употребляющие, покупающие или продающие алкоголь, получают восемьдесят ударов плетью. Отрицание ислама наказывается в зависимости от обстоятельств. Самым распространенным наказанием является порка. Виновных во внебрачных связях тоже порют, причем мужчина во время порки должен стоять, а женщина – сидеть. Прелюбодеяние – самое серьезное из преступлений. Если виновник или виновница состоят в браке, их побивают камнями, отрубает голову или расстреливают. Чаще всего, используется побивание камнями.

Преступления Тазира

Это обычные бытовые преступления, наказание за которые предусматривается в зависимости от обстоятельств и степени раскаяния преступника.

Преступления Кисаса

Если человек признан виновным в преступлении против кого-либо, семья потерпевшего имеет право отомстить обидчику. Приговор выносится в кругу семьи, а исполнение его производится в тайне. Если совершено убийство, семья жертвы имеет право убить убийцу. Если кто-либо погибает в результате преступной халатности другого человека, семья покойного имеет право требовать с невольного убийцы отступного. Размер платы колеблется от 120,000 до 300,000 саудовских риалов (45,000 -80,000 долларов), за женщин вдвое меньше, чем за мужчин. При нанесении увечья семья пострадавшего имеет право причинить такое же увечье виновнику.

Кто может быть свидетелем обвинения

Свидетель должен быть в здравом уме, трезвой памяти, взрослым, мусульманином. Немусульманин не имеет права свидетельствовать в суде.

Женщинам запрещено свидетельствовать. Причины, по которым женщинам нельзя свидетельствовать в суде:

1. Женщины слишком эмоциональны и не могут быть беспристрастными.
2. Женщины не ведут общественной жизни, поэтому не в состоянии понять, что происходит.
3. Женщины подчиняются мужчинам, поэтому не смогут сказать ничего, кроме того, о чем им поведали последние.
4. Женщины забывчивы, поэтому их свидетельствам нельзя доверять.

ПРИЛОЖЕНИЕ С. СЛОВАРЬ

Абайя – черный длинный наряд, надеваемый женщинами Саудовской Аравии поверх платья.

Абу – отец.

Абу Даби – город в Объединенных Арабских Эмиратах.

Аль-Рас – школа для девочек в Саудовской Аравии.

Аль-Сауг – правящее семейство Саудовской Аравии.

Ассиут – деревня в южном Египте.

Бахрейн – островное государство, расположенное в Персидском заливе.

Бедуины – кочевые племена, живущие в пустыне, исконные арабы.

Бип (пли Ибн) – слово, употребляющееся после имени мужчины и перед именем его отца или деда. Означает «сын».

Гамас Аль-Исламия – исламская экстремистская группировка, образовавшаяся в Египте в начале восьмидесятых годов.

Даммам – город в Саудовской Аравии, где в 1938 году была обнаружена нефть.

Джидда – город в Саудовской Аравии, расположенный на Красном море.

Дубай – город, расположенный на территории Объединенных Арабских Эмиратов, граничащих с Саудовской Аравией.

Дху Аль Кида – одиннадцатый месяц хед-жирского календаря.

Дху Аль Хиджах – двенадцатый месяц хед-жирского календаря.

Египет – государство на северо-востоке Африки и на Синайском полуострове.

Женская комната – комната в доме мужчины, предназначенная для заточения саудовских женщин, пошедших против воли своих мужей, отцов или братьев. Такое наказание может продолжаться короткий срок или всю жизнь.

Закят – обязательные пожертвования, приносимые всеми мусульманами в соответствии с третьим столпом веры.

«Зеленая Книга» – изложение философских взглядов полковника Каддафи.

Имам – лицо, проводящее общие молитвы и читающее проповеди по пятницам.

Инфантицид – практику детоубийства. Имела распространение в доисламские времена среди кочевых племен Аравии, избавлявшихся таким способом от нежелательных младенцев женского пола.

Ислам – религия мусульман, основателем которой является пророк Магомед. Ислам появился последним из трех великих монотеистских религий.

Иудаизм – религия, основанная древними евреями.

Ихрам – особый период во время хаджа, когда мусульмане воздерживаются от нормальной жизни и занимаются исключительно религиозными делами.

Йемен – страна, расположенная в юго-западной части Аравийского полуострова, граничащая с Саудовской Аравией.

Кааба – священная, реликвия ислама, святая святых всех мусульман. Кааба представляет

собой маленькое строение внутри Заповедной Мечети в Мекке, по форме напоминающее куб, специально построенное для хранения Черного Камня, являющегося наиболее почитаемым предметом мусульманской веры.

Коран – святая книга мусульман, содержащая слова Аллаха, сказанные пророку Магомету.

Каир – столица Египта.

Красное море – море между Аравией и Африкой.

Кувейт – небольшое шейхство, граничащее с Саудовской Аравией, на территории которого расположено свыше 10% мирового запаса нефти.

Кутаб – метод группового обучения девочек до того момента, как женщинам позволили получать образование.

Ла – арабское слово, означающее «пет».

Лабан – освежающий напиток из кислого молока.

Малаз – богатый район Эр-Рияда.

Манама – столица Бахрейна.

Махрам – лица мужского пола, с которыми женщина не может вступить в брак, например: отец, брат или дядя, которым разрешается сопровождать женщину во время ее поездок. Должен состоять с пей в близкой родственной связи.

Медина – второй святой город ислама. Место захоронения пророка Магомета

Мекка – святейший город ислама. Каждый год миллионы мусульман устремляются в Мекку для осуществления паломничества.

Монотеизм – вера в существование единого Бога.

Муэдзин – глашатай, пять раз в день призывающий верующих к молитве.

Мусульманин – приверженец религии, основанной пророком Магометом в 610 году.

Мута – временный брак, заключенный между мусульманами.

Мутава – религиозная полиция, известная также под именем полиции нравов. Люди, которые выискивают, арестовывают и наказывают тех, кто не соблюдает саудовские религиозные законы.

Неджд – традиционное наименование центральной Аравии. Жители этой области славятся своими консервативными взглядами. Правящее семейство Саудовской Аравии родом из Неджда.

ООП – организация освобождения Палестины.

Очищение – ритуал, предшествующий вознесению молитв Аллаху, практикуемый мусульманами.

Полигамия – брак с несколькими супругами одновременно. Мужчинам мусульманской веры разрешается одновременно иметь четырех жен.

Полиция нравов – религиозные власти в Саудовской Аравии, имеющие право задерживать тех, кто по их мнению, совершает нравственные проступки или преступления против ислама или выступает против учения ислама.

Пурда – практика заточения женщины в их домах. В некоторых мусульманских странах может иметь место полная изоляция женщины.

Риал – денежная единица Саудовской Аравии. Соотношение к доллару меняется, но 1 доллар, примерно, равен 3,75 риала.

Руб-Эль-Хали – огромная пустынная территория, занимающая южную часть Аравии.

Сана – столица Йемена.

Саудовская Аравия – азиатская страна, занимающая большую часть Аравии. В Саудовской Аравии содержится по меньшей мере четверть всех известных мировых запасов нефти.

Сук – рынок на Ближнем Востоке.

Сунна – предания исламской веры, приписываемые пророку, Магомету.

Сунниты – ортодоксальная ветвь ислама. В Саудовской Аравии 95% верующих относятся

к суннитской секте. Это слово имеет также значение «традиционисты». Одна из основных сект.

Сура – глава из Корана. Всего их 114.

Сурьма – черная краска для век, применяемая арабскими женщинами с целью подчеркивания красоты.

Тегеран – столица Ирана.

Тоба – длинная, наподобие рубашки, верхняя мужская одежда саудовцев, обычно изготовленная из белого хлопка, также может быть сшита из более плотной ткани темной окраски для зимних месяцев.

Трик-трак – настольная игра, популярная на Ближнем Востоке.

Умм-Эль-Курра – «Мать городов» или «Благословенный город», Мекка.

Умра – короткое паломничество (в Мекку), предпринимаемое мусульманами в любое время года.

Французская Ривьера – область фешенебельных курортов на Средиземноморье, расположенная на юге Франции, славящаяся красотой ландшафта, теплым климатом и прекрасными пляжами.

Халава – церемония удаления волос с тела.

Хаджж – паломничество в Мекку, совершаемое ежегодно людьми исламской веры.

Хаджа – мусульманин, совершивший паломничество в Мекку (почетный титул).

Хадитты – поговорки и легенды пророка Магомета, помогающие сформулировать исламский закон.

Харам – выражение, означающее «какая жалость».

Хеджира – исламский календарь, берущий начало от даты побега Магомета из Мекки и его спасения в Медине (622 г. н. э.).

Христианство – религия, основанная на учении Иисуса Христа.

Чадра – черная ткань, закрывающая лицо мусульманки, может быть тонкой или плотной.

Шаварма – популярный сэндвич, продающийся в Саудовской Аравии и других арабских странах, приготовленный из мяса ягненка, говядины или курятины, сдобренного приправами, томатами и перцем, вложенного в хлеб.

Шайла – черный газовый шарф, который носят мусульманки в Саудовской Аравии.

Шииты – ветвь ислама, отмежевавшаяся от суннитского большинства из-за несогласия относительно преемника пророка Магомета. Одна из двух основных сект.

Эмираты – Объединенные Арабские Эмираты, федерация малых княжеств, расположенная на Аравийском полуострове.

Эр-Рияд – столица Саудовской Аравии, расположенная в песках.

Эт-Таиф – горный курортный город Саудовской Аравии, расположенный недалеко от Мекки.

ПРИЛОЖЕНИЕ Д. ХРОНОЛОГИЯ

570 г. н. э. год рождения в Мекке пророка Магомета.

610 г. зарождение ислама после божественного видения пророка.

622 г. пророк Магомет покидает Мекку и направляется в Медину. Этот побег известен под названием «Хеджира». Отсюда берет начало мусульманский календарь.

632 г. Смерть пророка Магомета.

650 г. Написан Коран, основанный на слове Аллаха, сказанном Магомету.

1446 г. Поселение первых предков Султаны в Дария (старый Эр-Рияд)...

1744 г. Объединение сил воина Мохаммеда аль-Сауда с учителем Мохаммедом Аль Ваха-бом.

1806 г. После многолетних сражений большая часть Аравии объединена под совместным

правлением семей аль-Саудов и Аль Ва-хабов.

1843-1865 гг. Аль-Сауды распространяют свое влияние к югу от Омана.

1876 г. Родился основатель современного государства Саудовской Аравии, Абдул Азиз аль-Сауд.

1887 г. Противники клана аль-Саудов, Аль Ра-шиды, захватывают город Эр-Рияд.

1891-1901 гг. Клан аль-Саудов бежит в пустыню, а затем отправляется в изгнание в Кувейт.

1902 г. Абдул Азиз ибн Сауд вместе со своими воинами отвоевывает у Аль Рашидов город Эр-Рияд.

1915 г. Абдул Азиз аль-Сауд заключает соглашение с британским правительством о заеме в пять тысяч фунтов стерлингов ежемесячно для ведения войны с турками.

1926 г. Родился отец Султаны. г.

Прославленный воин Абдул Азиз ибн Сауд успешно объединяет под своим началом большую часть Аравии.

Королевство Саудовская Аравия становится двенадцатым по величине государством мира.

г. Родилась мать Султаны, Фадила.

Соединенные Штаты Америки добиваются концессии на ведение в пустынях Саудовской Аравии поисков нефти.

1934 г. Саудовская Аравия начинает войну с Йеменом, которая продлилась ровно один месяц

15 мая 1934 г. 'Трое йеменцев, вооруженных ножами, нападают па короля Абдула Ази-за в Заповедной мечети в Мекке. Старший сын короля, Сауд, прикрыл отца своим телом и был тяжело ранен.

1938 г. Открытие нефти в Даммаме, Саудовская Аравия

1939 г. Война в Европе тормозит добычу нефти.

1944 г. Добыча нефти в королевстве возрастает до 8 миллионов баррелей в год. 14 февраля

1945 г. Президент Рузвельт встречается с королем Абдулом Азизом на борту военного корабля «Куинси».

17 февраля 1945 г. Уинстон Черчилль, премьер-министр Великобритании, встречается с королем Абдулом Азизом на борту «Куинси».

1946 г. Ежегодная добыча нефти взлетает до 60 миллионов баррелей в год.

Декабрь 1946 г. Свадьба родителей Султаны, состоявшаяся в Эр-Рияде.

1948 г. Припц Фейсал возглавляет борьбу арабской делегации против еврейской делегации в их попытке основать государство Израиль. Основание государства Израиль. Потерпевшая поражение арабская делегация поклялась развязать против евреев войну и нанести им поражение. Начало первой арабско-израильской войны. Поражение арабов.

1952 г. Абдул Азиз запрещает ввоз алкоголя пемусульмаиам.

1953 г. Умирает король Абдул Азиз ибн Сауд, королем становится его старший сын, Сауд. Фейсал становится кронпринцем.

1956 г. Рождение Султаны.

Март 1958 г. Крон-припц Фейсал берет власть.

Декабрь 1960 г. Король Сауд отстраняет брата от власти.

1962 г. В королевстве Саудовская Аравия официально запрещено рабство, но неофициально оно все еще существует.

1963 г. Несмотря на протесты приверженцев религии, в Саудовской Аравии открывается первая школа для девочек.

1964 г. Король Сауд отрекается от трона и покидает страну. Третьим королем Саудовской Аравии становится кронпринц Фейсал. Новым кронпринцем объявлен Халид.

1965 г. В Эр-Рияде, несмотря па протесты, открывается первая телестанция.

Сентябрь 1965 г. Принц Халид ибн Мусаид, племянник короля Фейсала, погибает во

время демонстрации протеста против открытия телестанции.

1967 г. «Шестидневная война» между Израилем и его арабскими соседями. Арабы терпят поражение.

1969 г. В Греции умирает бывший король Сауд. 1973 г. В октябре начинается война с Израилем, который был близок к поражению, но в конце сумел сплотиться и разбить арабскую армию.

Из-за арабо-израильских войн король Фейсал призывает наложить эмбарго на нефть для западных стран.

1975 г. Убийство короля Фейсала его племянником.

После смерти короля Фейсала королем провозглашен Халид. Новым кроприпцем назван Фахд.

1977 г. Король Халид издаст правительственный указ, запрещающий женщинам выходить из дома без сопровождения мужчины, относящегося к числу непосредственных родственников. Второй указ запрещает женщинам выезжать на учебу за границу без сопровождения мужчины, непосредственного члена семьи.

Ноябрь 1979 г. Нападение на Заповедную Мечеть в Мекке.

1982 г. Король Халид умирает от сердечного приступа. Королем объявлен Фахд. Кронпринцем становится Абдулла.

1990 г. Вторжение Ирака в Кувейт. Саудовская Аравия разрешила иностранным войскам находиться на территории королевства.

г. Саудовская Аравия присоединяется к западным и арабским союзникам в борьбе против Ирака. В войне одержана победа, и иностранные войска покидают королевство.

г. Религиозные власти вводят жестокие ограничения прав женщин в Саудовской Аравии.

г. В Саудовской Аравии возникают группы, протестующие против нарушения человеческих прав. Правительство насильно распускает группы, арестовав наиболее активных членов.

Израильтяне и арабы подписывают наконец долгожданное мирное соглашение. Саудовское правительство ведет переговоры о заключении с Израилем мира.

ПРИЛОЖЕНИЕ Е. КРАТКАЯ СПРАВКА О САУДОВСКОЙ АРАВИИ

Общая информация

Глава государства: Его Величество Король Фахд ибн Абдул Азиз аль-Сауд

Официальный титул: Попечитель Двух Святых Мечетей

Площадь: 864866 квадратных миль Население: 14 миллионов

Основные города:

Эр-Рияд – столица

Джидда – портовый город

Мекка – святейший город ислама, в сторону которого во время молитвы обращаются все мусульмане

Медина – место погребения пророка Магомета

Эт-Таиф – летняя столица и летний курорт

Даммам – портовый город и коммерческий центр

Дахрап – центр нефтепромышленности.

Эль-Хубар – коммерческий центр

Япбу – порт морской транспортировки природного газа

Хаиль – торговый центр
Джубайль – промышленный город
Рас-Тапура – центр нефтеочистки.
Эль-Хуфуф – главный город оазиса
Аль-Хаса Религия: ислам
Общественные праздники:
Эйд-Аль-Фитр – пять дней
Эйд-Аль-Адха – восемь дней

Историческая справка

Саудовская Аравия является страной племен, корни которых можно найти в самых ранних цивилизациях, существовавших на Аравийском полуострове. Предки современных саудовцев проживали на важных древних торговых путях и большую часть своего дохода получали за счет налетов на караваны. Разделенные по местам обитания многочисленные воинственные племена находились под управлением независимых вождей. В седьмом веке всех их объединила одна религия, ислам, у истоков которой стоял пророк Магомет. К моменту смерти пророка, наступившей в возрасте шестидесяти трех лет, большая часть Аравии стала мусульманской.

Предки современных правителей Саудовской Аравии в девятнадцатом веке властвовали над большей частью Аравии. После того, как Сауды значительную территорию Аравии уступили туркам и были изгнаны из Эр-Рияда, им пришлось искать убежища в Кувейте. Отец нынешнего короля Абдул Азиз Аль Сауд вернулся в Эр-Рияд и возглавил борьбу за возвращение страны. Ему удалось добиться успеха, и в 1932 году была основана современная Саудовская Аравия.

В 1938 году были обнаружены месторождения нефти, и началось стремительное развитие Саудовской Аравии, в результате которого она превратилась в одну из 'богатейших и влиятельнейших стран мира.

География

Площадь Саудовской Аравии, равная 8648666 квадратным милям, составляет третью часть площади Соединенных Штатов и равна по размерам всей Западной Европе.

Саудовская Аравия лежит на перекрестке трех континентов: Африки, Азии и Европы. Страна простирается с запада на восток от Красного моря до Персидского залива. На севере она граничит с Иорданией, Ираком и Кувейтом, Йеменом и Оманом – на юге. К востоку от нее раскинулись Объединенные Арабские Эмираты, Катар и Бахрейн.

В Саудовской Аравии, представляющей собой суровую землю пустыни, в которой нет рек и мало ручьев, располагается Руб-Эль-Хали, являющаяся самой крупной песчаной пустыней мира. На юго-западе более чем на девять тысяч футов вздымается горная гряда Асирской Провинции.

Календарь

В Саудовской Аравии применяется исламский календарь, в основу которого положен лунный год, в то время как в основу григорианского календаря положен солнечный год.

Лунный месяц равняется периоду времени от одной фазы новой луны до следующей. Лунный год состоит из двенадцати месяцев, но он на одиннадцать дней короче солнечного. По этой причине святые дни постепенно смещаются с одного времени года на другое.

Отсчет лунного года был начат с 622 года н.э., года эмиграции пророка, хеджира, из Мекки в Медину.

В исламе святым днем считается пятница. Рабочая неделя в Саудовской Аравии

начинается в субботу и заканчивается в четверг.

Экономика

Пески Саудовской Аравии скрывают более одной четверти мировых запасов нефти.

В 1933 году Калифорнийская Стандарт Ойл Компани добилась права на проведение разведки нефти в Саудовской Аравии. В 1938 году было открыто месторождение нефти в Даммаме №7, нефтяные скважины которого качают нефть и поныне. В 1944 году была основана арабо-американская нефтяная компания (АРАМ-КО), она и сегодня владеет правами на проведение поиска нефти в королевстве. В 1980 году владельцем АРАМКО стало саудовское правительство.

Благодаря нефтяному богатству королевство для всех своих граждан смогло обеспечить уровень жизни, граничащий с изобилием и в других странах доступный немногим. При наличии бесплатного образования и беспроцентных ссуд большинство саудовцев преуспевает. Все саудовские граждане, а также паломники-мусульмане получают бесплатную медицинскую помощь. Правительственные программы гарантируют жителям Саудовской Аравии материальную поддержку в случае инвалидности, смерти или ухода на пенсию. Страна достигла высокого уровня благосостояния социалистической направленности. В экономическом плане Саудовская Аравия представляет собой современное государство с высокоразвитыми технологиями.

Денежные единицы

Основной денежной единицей в Саудовской Аравии является саудовский риал. Один риал состоит из 100 халала. Деньги выпускаются в банкнотах и монетах разного достоинства. Риал равен 3,75 американского доллара.

Население

Население Саудовской Аравии составляет примерно 14 миллионов человек. Все саудовцы исповедуют мусульманскую религию. Девяносто пять процентов из них относятся к суннитской ветви, и только пять процентов – к шиитской. Шиитское население Саудовской Аравии. ввиду того, что между суннитской и шиитской сектами мусульманской веры существуют значительные разногласия и неприязнь, подвергается со стороны суннитского правительства дискриминации и притеснениям.

Официальный язык

Официальным языком является арабский, хотя в коммерческой деятельности большое распространение получил английский язык.

Закон и правительство

Саудовская Аравия является мусульманским государством, закон которого основывается на шариате, исламском своде законов, заимствованных со страниц Корана и Сунны, являющихся преданиями и изречениями пророка Магомета. Коран является конституцией страны и руководством для осуществления правосудия.

Исполнительная и законодательная власть в стране осуществляется королем и Советом министров. Их решения основываются на законах шариата. Все министерства и правительственные учреждения подотчетны королю.

Религия

Саудовская Аравия является родиной ислама, одной из трех наиболее крупных монотеистских религий. Мусульмане веруют в единого Бога(Аллаха), а также в то, что Магомет является его пророком. Будучи ядром ислама, в мусульманском мире Саудовская Аравия занимает особое место. Каждый год миллионы мусульман совершают паломничество в Мекку, город в Саудовской Аравии, для воздаяния должного Аллаху. По этой причине Саудовская Аравия в наибольшей степени чтит мусульманские традиции, а ее граждане строго придерживаются Корана.

На мусульманина возлагается пять обязательств, именуемых Пятью Столпами ислама. К ним относятся:

1. Обет веры: «Нет бога, кроме Аллаха и Магомет пророк его».
2. Пять раз в день мусульманин должен молиться, обратиться лицом в сторону Мекки.
3. Фиксированную часть своего дохода, называемую закят, мусульманин должен отдавать в пользу бедных.
4. Во время девятого месяца исламского календаря мусульманин обязан поститься. В этот период, называемый рамаданом, с восхода до заката мусульманин обязан воздерживаться от принятия пищи и питья.
5. Хотя бы раз в жизни мусульманин должен совершить хаджж, или паломничество (если позволяет уровень его благосостояния).